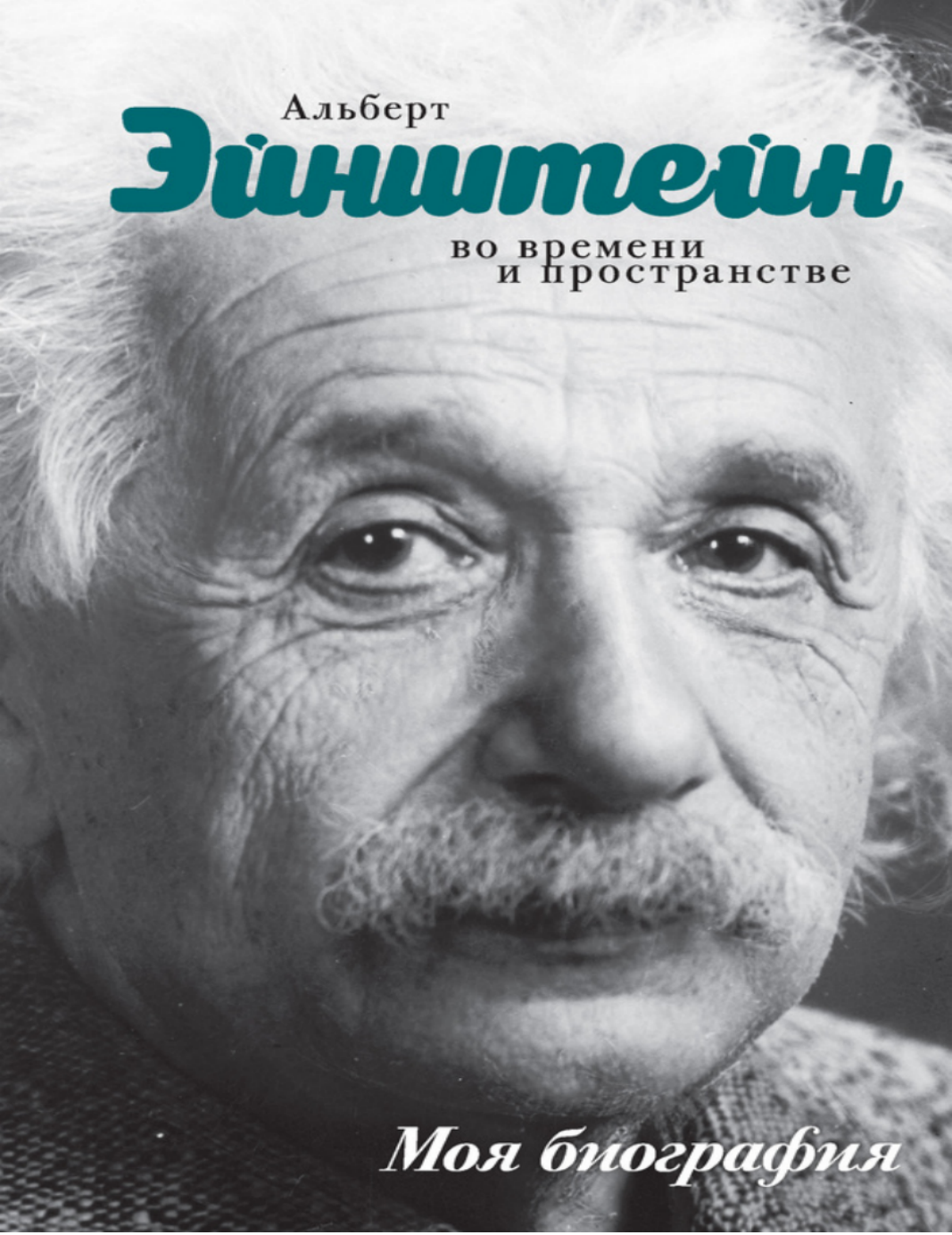
Альберт

Эйнштейн

во времени
и пространстве



Моя биография

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Альберт Эйнштейн – человек, повлиявший на ход истории в XX веке. Величайший ученый своего времени открывается перед читателем с неожиданной стороны. В новой книге Юрия Сушко публикуются ранее не известные факты из жизни гениального физика. Они шокируют, возмущают и неожиданно приоткрывают тайну создания советского ядерного оружия, которое и сохранило хрупкий мир после Второй мировой войны.

- Юрий Сушко
  -
  - A = X + Y + Z
  - «Подушка, на которой ты спишь, во стократ счастливее моего сердца!»
  - Чудо-пробка для бутылки красного мерло
  - Ульм, Мюнхен, Бавария, 1879-й и другие годы
  - Цюрих, Прага и …
  - Берлин, 1914 год и далее. Война объявлена. ОТО
  - Danke schon, господин директор Галлер!
  - Старый Свет, Новый Свет. Единство пространства и времени
  - Профессор Фрейд: «Вы отбираете ветер ветер у моих парусов!»
  - «Здравствуйте, господин Тагор!»
  - «Чарли, вы великий человек…»
  - «Пусть сионист Эйнштейн играет на скрипке в своей синагоге и не лезет в чужие!»
  - «Убить Эйнштейна!»
  - «Мой муж – гений! Он умеет делать все, кроме денег…»
  - Принстон, Мерсер-стрит, 112. 1936-й и другие годы
  - Лонг-Айленд, август 1939
  - Кунцево, дача Сталина, 1940
  - Вашингтон, Белый дом
  - Москва, Малая Никитская, сентябрь 1941
  - Принстон, осень 1941
  - Нью-Йорк, декабрь 1941
  - Саранак-Лейк, лето 1943
  - Принстон, весна-лето 1945
  - Саранак-Лейк, 6 августа 1945
  - Принстон, август 1945
  - Нью-Йорк, Гринвич-Виллидж, сентябрь 1945

- Нью-Йорк, Принстон, декабрь 1945 – Москва, январь 1946
- «Я нажал на кнопку…»
- Принстон, весна 1946
- Принстон, март 1946
- Москва, улица Горького, 17, октябрь 1947
- Принстон, ноябрь 1947
- «Отношения с жителями небесных тел»
- Москва, Кремль, 1947
- Принстон, Нью-Йорк, 1949
- Принстон, Нью-Йорк, 1949-й и последующие годы
- Принстон, апрель 1955
- Литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Юрий Сушко
Альберт Эйнштейн. Во времени и пространстве

© ООО «Издательство АСТ», 2016

A = X + Y + Z

– Вот, – Эйнштейн положил перед господином директором аккуратную карточку с написанным на ней загадочным уравнением.

– И что сие значит? – Отец-основатель и бессменный директор Бернского федерального ведомства духовной собственности Фридрих Галлер столько уже повидал на своем веку, что напрочь отвык чему-либо удивляться, до блеска отшлифовав технику раскусывания всякого рода патентных загадок.

Он пристально посмотрел на своего молодого сотрудника, технического эксперта III класса Альберта Эйнштейна в ожидании ответа. Этот парень был ему симпатичен, хотя бы потому, что не всегда точно можно было определить, говорит ли он всерьез или слегка подшучивает, настолько порой лукавы были его глаза.

– Господин Галлер, мне наконец-то удалось вывести формулу успеха! – Эйнштейн без тени улыбки смотрел прямо в глаза директору. – Взгляните…

Главный патентовед Швейцарии взял в руки карточку и принялся разгадывать предложенный ребус.

– Итак, «A» – понятно, это успех. Ну а «X»?

– Труд, работа.

– Дальше…

– «Y» – игра и отдых, а «Z» – умение держать язык за зубами.

– Та-а-к. – Герр Галлер огладил свою седую бороду. – Стало быть, сегодня, дорогой мой, успеха вам уже не видать. Вы проиграли.

– Почему? – изумился Эйнштейн.

– Не умеете держать язык за зубами. Какой же «Z»?! – Суровый педант Галлер даже позволил усмехнуться собственной остроте. – Ладно, ступайте работать. И – держите язык за зубами.

Эйнштейн улыбнулся в ответ и, уже направляясь к двери, не удержался, чтобы не оставить последнее слово за собой: «А знаете, господин директор, я не отчаиваюсь. Потому что знаю: человек, потерпевший поражение, знает о том, как побеждать, больше чем тот, к кому успех приходит сразу».

Занятно, подумал Галлер. Стало быть, все же не зря в свое время я принял его на работу в бюро.

Обычно директор всех кандидатов, которые претендовали на место в его «ведомстве духовной собственности» (так официально именовалось Федеральное бюро), лично подвергал обстоятельному экзамену. Не избежал его и будущий великий

теоретик. Собеседование продолжалось не менее двух часов. Для начала доктор-инженер выложил перед конкурсантом несколько свежих патентных заявок и предложил ему высказать свое мнение о них. Пока молодой человек изучал бумаги, директор извлек из папки его заявление, перечитал.

«Я, нижеподписавшийся, настоящим позволяю себе ходатайствовать о поступлении в Федеральное ведомство духовной собственности на должность инженера П класса, вакансия на которую была объявлена в газете «Bundesblatt» 11 декабря 1901 г.

Я получил образование в области физики и электротехники на факультете для преподавателей физико-механической специальности в Федеральном политехникуме в Цюрихе, который посещал с осени 1896 г. и до лета 1900 г. С осени 1900 г. и до весны 1901 г. я жил в Цюрихе и был домашним учителем. В это же время я пополнял свое физическое образование и написал первую научную работу. С 15 мая по 15 июля 1901 г. я был занят на временной работе в техникуме в Винтертуре в качестве учителя математики. С 15 сентября я являюсь домашним учителем в Шафгаузене. В течение первых двух месяцев я написал докторскую диссертацию, посвященную кинетической теории газов, которую месяц тому назад представил во 2-е отделение философского факультета Цюрихского университета…

Я – сын родителей, имеющих немецкое подданство, но с 16 лет живу в Швейцарии, являясь в настоящее время гражданином города Цюриха.

С глубоким уважением подписал:

Альберт Эйнштейн.

Банхоффгассе, Шафгаузен».

В прилагаемой стандартной анкете соискатель так же сообщал о знании немецкого, французского, частично итальянского языков.

Директор положил документы обратно в папку и обратился к Эйнштейну:

– Итак, вы готовы оценить эти заявки?

– Да, господин Галлер.

– Слушаю вас.

Эйнштейн принялся живо излагать замеченные им «про» и «контра» по каждому из предложений изобретателей-самоучек. Доктор сразу обратил внимание на некоторые пробелы в

технической эрудиции молодого человека. Все-таки инженер-практик и преподаватель – разные величины. Но едва речь зашла о тонкостях электродинамики Максвелла, Галлер оценил способности потенциального будущего эксперта. Ведь теоретические выкладки Максвелла в ту пору далеко не каждому физику были по зубам.

Когда новый сотрудник вышел, Фридрих Галлер решил проверить свою память и еще раз вернулся к анкете Эйнштейна. Так, этот Альберт родился в Ульме в 1879 году. А Максвелл? Гениальный Клерк Максвелл именно в 1879 году скончался. Господин директор не верил в нумерологию. Но что-то в этом совпадении цифр его заинтересовало. Получается, Максвелл передал этому парню эстафету?.. Мистика. В мистику герр Галлер тоже не верил. И все же…

В тощей папочке с документами Эйнштейна хранилось также письмо от доброго приятеля директора, господина Гроссмана. Владелец крупнейшего завода сельскохозяйственных машин просил старину Фридриха обратить внимание на очень способного однокурсника его сына Марселя, который клялся-божился, что «этот Эйнштейн когда-нибудь будет великим человеком». Прогнозы относительно «величия» господин Галлер решил оставить на завтра, а пока для работы в бюро этот физик вполне годится. И поручим-ка мы ему всю электротехническую ересь изобретательской братии. При этом директор напутствовал Эйнштейна, как и всякого новичка, своей непреложной заповедью: «Вначале считайте, что в заявке все ошибочно, что изобретатель, по меньшей мере, жертва самообмана. Если же это окажется не так, внимательно следуйте за каждым поворотом его мысли. Но не теряйте бдительности!»

В июне 1902 года Альберт Эйнштейн приступил к исполнению обязанностей технического эксперта Ш класса патентного бюро. И своему товарищу Марселю Гроссману поспешил тут же написать: «*Пожалуйста, передай сердечный привет твоим глубокоуважаемым родным и искреннюю благодарность твоему папе за все его старания, а также за доверие, которое он мне оказал своей рекомендацией*».

Разумеется, Альберт почувствовал себя вполне удовлетворенным. После долгих месяцев мытарств в поисках работы, бесконечных переездов из Милана в Вену, Болонью, Пизу, Геттинген, Лейпциг, где он, как выяснилось, совершенно напрасно предлагал свои услуги местным университетам, после унизительного безденежья, вынужденной (по 20 франков в месяц) экономии во имя накопления нужной суммы (1000 франков) для получения швейцарского гражданства, душу выматывающих

домашних уроков (по 3 франка за урок) он наконец-то получил стабильную, интересную, весьма перспективную и престижную, судя по обещанному жалованью (на уровне университетской профессуры (3500 франков в год), работу.

Спустя много лет Эйнштейн, вспоминая свою службу в галлеровской «конторе», называл ее «настоящим благословением». И говорил: «Иначе я если бы и не умер, то зачах духовно».

«Подушка, на которой ты спишь, во стократ счастливее моего сердца!»

«Подушка, на которой ты спишь, во стократ счастливее моего сердца!», – заверял свою возлюбленную Милеву пылкий Альберт. – *Я потерял разум, умираю, пылаю от любви и желания… Ты приходишь ко мне ночью, но, к сожалению, только во сне*».

С Милевой Марич они познакомились на ступеньках Цюрихского политехникума, который все – от первокурсников до преподавателей – нежно называли «Поли». Озиравшийся по сторонам Альберт едва не натолкнулся на девушку, которая тоже выглядела немного растерянной.

– Ой, простите, ради Бога!

– Это вы меня простите. Я зазевалась… А вы, случайно, не знаете, как найти шестое отделение физики и математики?

– Не знаю, – развел руками Альберт. – Но мне, к счастью, туда же. Давайте поищем вместе…

В аудиторию педагогического факультета первокурсники Альберт Эйнштейн и Милева Марич вошли вместе. И уселись рядом за одним столом.

Девушка оказалась молчуньей, держалась обособленно и поначалу ничем особенным себя не проявляла. Многим она казалась излишне скромной, замкнутой и застенчивой. Лишь познакомившись с Милевой поближе, Альберт узнал, что она сербка, родом из Воеводино. Отец ее долгое время служил в армии, потом стал чиновником, успешно занимался судебной практикой. Милева была старше 17-летнего Эйнштейна на целых четыре года. Но разница в возрасте не смущала ни его, ни ее. И очень скоро он стал обращаться к ней «Мицца», как называли ее в детстве родные.

– Ты знаешь… – призналась Милева Альберту, когда он на мгновение оторвался от ее губ. – Ну, погоди же! Успокойся… Так знай же, в школе у меня было прозвище – «Наша святая».

– Правда? – удивился Альберт. – И за какие же такие заслуги?

– За высокие оценки и прилежное поведение.

– Да, они были правы. Мне тоже очень нравится твое поведение, – сказал Альберт и вновь заключил девушку в объятия. – К тому же я еще никогда в жизни не целовал святых!

– Да? А грешниц? – Она без особого желания попыталась освободиться.

– Что грешниц?

– Многих ли ты грешниц целовал?

– Не помню.

– Врун!

Но Альберт тут же перевел разговор в другое русло: «А чем ты занималась после школы?..»

– Ты не представляешь, до чего же мне очень хотелось продолжать учиться! К счастью, родители тоже были только за то, чтобы я получила высшее образование. Долго судили-рядили, советовались, в итоге выбрали Швейцарию. Во-первых, безупречная репутация здешней высшей школы. Во-вторых, тут нет этой дикой дискриминации в отношении девушек, как в некоторых других странах. Хочешь получить диплом – пожалуйста, учись на здоровье. Главный критерий: знания, а не твоя половая принадлежность…

– Да, с этой точки зрения швейцарская высшая школа мне по душе, – усмехнулся Альберт.

– Вот так я оказалась в Цюрихе и поступила в университет. А ты в то время еще бегал в свою школу, – укорила его Милева. – Только сначала я выбрала медицинский факультет, хотела стать психиатром. Но уже после первого семестра поняла, что физика и математика мне гораздо ближе медицины.

– Молодец! – одобрил Альберт. – Ты заслуживаешь моего поцелуя!

«*Как прекрасно это было в последний раз, когда ты позволила прижать мне себя, такую дорогую и маленькую*», – потом написал он своей Мицце.

* * *

Что же касается «грешниц»…

Когда у Альберта окончательно испортились отношения с преподавателями Мюнхенской гимназии и дальнейшие перспективы представлялись чрезвычайно туманными, он даже собрался бросить учебу и попросил знакомого врача-психиатра выдать ему справку о необходимости полугодового академического отпуска для восстановления здоровья. Но руководство гимназии его опередило, за год до выпуска сказав ему: «Aufviderzeen!»

Недолго думая, он решил отправиться к родным в Италию, которые к тому времени перевели туда свою фабрику. Там он сообщил им о своем решении самостоятельно подготовиться к поступлению в Цюрихский политехникум, а заодно отказаться от германского гражданства, чтобы не загреметь на службу в армию.

Но при попытке поступления на педагогический факультет Цюрихского политехникума Альберт потерпел фиаско, с позором провалив экзамены по ботанике, зоологии и французскому языку. Правда, ректор господин Альбин Герцог, которого вполне удовлетворили успехи абитуриента по математике, физике, пообещал в следующем году принять его в институт. А это время посвятите другим общеобразовательным дисциплинам, порекомендовал он. И обязательно получите аттестат зрелости. До встречи через год!

Завершать образование Альберт отправился в кантональную школу в швейцарском городке Аарау, совсем неподалеку от Цюриха. Там ему предложил кров и стол школьный преподаватель греческого языка и истории Йост Винтелер.

Год учебы в Аарау Альберт неизменно вспоминал с огромной благодарностью: «*Сравнение с пребыванием в немецкой гимназии, где царила авторитарность, отчетливо показало мне, насколько воспитание, основанное на свободе действий и чувстве ответственности перед собой, совершеннее воспитания, строящегося на муштре, дутом авторитете, честолюбии. Демократия – не пустой звук*».

Однажды преподаватель французского задал своим ученикам необычную тему домашнего сочинения – «Мои планы на будущее».

– Прошу вас быть откровенными.

И Альберт ничего не собирался скрывать:

«*Молодой человек слишком поглощен настоящим, чтобы много размышлять о будущем. Но с другой стороны, именно молодые люди любят строить смелые планы. Кроме того, для молодого человека естественно составлять по возможности точное представление о своих целях и желаниях.*

Если мне посчастливится успешно выдержать экзамены, я поступлю в Федеральный институт технологии в городе Цюрихе. Четыре года буду изучать там математику и физику. В мечтах вижу себя профессором этой области естественных наук, предпочитая их теоретическую часть.

Вот причины, побудившие меня избрать этот план. Прежде всего, способность к абстрактному и математическому мышлению, отсутствие фантазии и практической хватки. Мои желания и склонности ведут меня к такому же решению. Это вполне естественно. Человеку всегда нравится делать то, к чему у него есть талант. К тому же профессия ученого дает человеку известную долю независимости, что очень привлекает меня».

К содержанию исповедального сочинения учитель не имел никаких претензий, но что касается знания французской грамматики… Вот тут Альберт едва-едва избежал провала.

Жизнь в доме учителя Винтелера сулила массу преимуществ. Но главным, помимо чисто бытовых и учебных удобств, оказалось то, что в соседней с постояльцем комнате обитала очаровательная дочь учителя, 19-летняя Мари.

Много позже девушка настойчиво заверяла всех, что «они очень любили друг друга, но их любовь была чистой». Может быть. Но кто знает, вероятно, предаваясь воспоминаниям уже в почтенном возрасте, дама просто не желала откровенничать о своих девичьих шалостях с несовершеннолетним юношей? Во всяком случае, когда Альберт уехал в Цюрих поступать в местный политехникум, Мари сочла себя до глубины души оскорбленной и покинутой. И никак не могла его забыть: «Я не могу найти слов просто потому, что их нет в природе, чтобы рассказать тебе, какое блаженство почиет на мне с тех пор, как обожаемая душа избрала себе обителью мою душу…»

Студент Эйнштейн продолжал трогательно убеждать ее в искренности своих чувств: «*Какое очаровательное письмо, оно меня бесконечно обрадовало. Какое блаженство прижать к сердцу листок бумаги, на который с нежностью смотрели эти дорогие мне глаза, по которому грациозно скользили твои прелестные ручки. Мой маленький ангел, сейчас впервые в жизни я в полной мере почувствовал, что значит тосковать по дому и томиться в одиночестве. Но радость любви сильнее, чем боль разлуки. Только теперь я понимаю, насколько ты, мое солнышко, стала необходима мне для счастья. Ты значишь для моей души больше, чем прежде значил весь мир*».

Альберт ничуть не кривил душой, говорил совершенно искренне. Он всякий раз влюблялся раз и навсегда. Но столь же быстро и без сожалений остывал.

Много-много лет спустя у многомудрого Эйнштейна как-то вырвалось признание: «*Очень скоро я устану от теории относительности. Даже такая* ***страсть*** *улетучивается, когда ей уделяешь слишком много внимания…*» Хотя, конечно, нет, в своей страсти к физике Эйнштейн был куда более постоянен, нежели в любви к женщинам.

Мари же продолжала бередить его душу: «Я люблю тебя вечной любовью, и пусть Господь спасет и сохранит тебя… Милый, милый, любимый, наконец-то, наконец-то я счастлива, как бывает только тогда, когда я получаю твои бесценные, бесценные письма».

* * *

Итак, со второго захода Альберту все же удалось покорить Цюрих и стать студентом Поли, все-таки диплом кантональной школы давал право поступления с определенными преимуществами. И тут же появилась еще одна причина для поддержки доброго настроения: из Ульма он получил справку, что более не является германским (точнее, вюртембергским) гражданином.

Но зато сколько огорчений доставляли неприятности, которые просто преследовали его родителей. Прогорела семейная фабрика в Павии, потом им пришлось свернуть все свои коммерческие дела в Милане.

Альберт писал сестре Майе: «*Больше всего меня угнетают денежные невзгоды моих родителей. Меня глубоко удручает, что я, взрослый человек, вынужден стоять в стороне сложа руки, неспособный оказать хоть какую-нибудь помощь. Я стал обузой для семьи… Лучше бы мне вовсе не родиться на свет. Порою одна лишь мысль поддерживает меня и не дает мне впасть в отчаяние – я всегда делал все, что в моих маленьких силах, и ни в нынешнем, ни в минувшем году не позволял себе никаких забав и развлечений, за исключением тех, которые связаны с моими занятиями*».

Впрочем, попозже, когда положение семьи Эйнштейн несколько стабилизировалось, в его письмах к Майе уже проскальзывают оптимистические нотки: «*Мне приходится много работать, но все же не чересчур много. Время от времени удается выкроить часок и побездельничать в живописных окрестностях Цюриха. Я счастлив при мысли, что худшее для моих родителей уже позади. Если бы все жили, как я, не было бы приключенческих романов…*»

В студенчестве Альберта тяготило одиночество. Он нуждался если не в друзьях, то хотя бы в собеседниках или в человеке, который бы смог его выслушать и услышать.

Оценивая свои молодые годы, Эйнштейн был вполне самокритичен, если не обращать внимания на легкую иронию: «*Я вскоре заметил, что мне придется удовлетвориться ролью посредственного студента. Для того, чтобы быть хорошим студентом, надо обладать даром легкого усвоения, желанием сосредоточить свои силы на всем, что вам преподносят, любовью к порядку; чтобы записывать все, что сообщается на лекциях, я затем добросовестно прорабатывать это. Все эти качества начисто отсутствовали у меня, что я и вынужден был с сожалением констатировать. Так я постепенно научился*

уживаться с (в какой-то степени) нечистой совестью и устраивать свое учение так, как это соответствовало моему интеллектуальному пищеварению и моим интересам. За некоторыми лекциями я следил с напряженным вниманием. В основном же я много прогуливал, чтобы со священным трепетом штудировать дома корифеев теоретической физики. Это само по себе было не плохо, но способствовало также тому, чтобы настолько ослабить угрызения совести, что душевное равновесие уже не испытывало сколько-нибудь серьезных нарушений. Интенсивные самостоятельные занятия были просто продолжением прежней привычки; в них принимала участие сербская студентка Милева Март, на которой я впоследствии женился».

Безусловно, не относя Альберта к числу прилежных студентов, отдадим должное: от развеселых пирушек он все же по возможности старался уклоняться, ссылаясь на авторитетное мнение канцлера Бисмарка: «Пиво делает людей глупыми и ленивыми». Но когда избежать дружеских посиделок было невозможно, компании никогда не портил. Хотя себя он и считал человеком, у которого «нет потребности часто встречаться с людьми», время от времени Альберт коротал вечера за кофе, покуривая сигару, в застольной болтовне с однокурсниками, успевая при этом усердно ухаживать за податливыми девушками.

– В сравнении с этими бабами любой из нас – король, – уверял он своего приятеля Мишеля Бессо. – Потому что мы стоим на своих ногах, не ожидая чего-то извне. А **эти** вечно ждут, что кто-то придет, чтобы удовлетворить все их потребности. Не тоскуй, дружище!

Из Цюриха Альберт по-прежнему отсылал свое грязное белье Мари. И девушка покорно исполняла странную прихоть былого возлюбленного, передавая назад с оказией или по почте аккуратные посылочки с идеально выстиранным и отглаженным бельем.

Зная, насколько крепко заражена верная Милева вирусом ревности, Альберт на всякий случай лукаво сообщал ей о своем отношении к этой девушке из Аарау: «*Сейчас я защищен крепостными стенами своего спокойствия и чувствую, что я* ***почти*** *в безопасности. Но я знаю, что стоит мне увидеть ее еще несколько раз, и я утрачу контроль над собой. Я в этом уверен и боюсь этого как огня*».

Дабы сохранить добрые отношения с четой Винтелер, некогда приютивших его, он обратился к фрау Паулине, «матушке № 2», с любезными и донельзя туманными объяснениями по поводу несчастной Мари: «*Я испытываю своеобразное удовлетворение*

оттого, что сам отчасти разделяю боль, которую причинило нашей милой девочке мое легкомыслие и непонимание того, насколько она хрупка и ранима. Напряженная интеллектуальная работа и стремление постигнуть замысел Господа – эти дарующие силу и утешение, но бесконечно строгие ангелы, которые проведут меня невредимым сквозь все несчастья. Если бы я мог поделиться их утешительными дарами с нашей милой девочкой! И все же – какой это странный способ переносить жизненные бури: в минуты просветления я кажусь себе страусом, прячущим голову в песок, чтобы избежать опасности. Человек создает себе крошечный мир, и каким бы жалким и незначительным это мир ни был по сравнению с вечно переменчивым величием подлинной жизни, человек чувствует себя в нем чрезвычайно большим и значительным, в точности как крот в своей норе. Но стоит ли очернять себя, если это, когда потребуется, сделают другие?..»

Мари страдала, и, в конце концов, напереживалась до такой степени, что даже угодила на лечение в психбольницу. К счастью, скоро поправилась. Потом вышла замуж и даже родила сына, который, как ей казалось, был очень похож на неверного, но такого милого Альберта…

* * *

А вот у Милевы, как оказалось, был тот еще, мужской характер. Узнав, что знаменитый и неприступный Гейдельбергский университет наконец снял табу, соизволил открыть свои двери и впустить наконец женщин в науку, она без всяких сомнений оставила Цюрих и отправилась в Германию.

Душевные, возвышенные разговоры с Альбертом теперь Мицца вынужденно продолжала уже в эпистолярном жанре: «Я сомневаюсь, что человек неспособен постигнуть понятие бесконечности, потому что таково устройство его мозга. Он понял бы, что такое бесконечность, если бы в юные годы, то есть тогда, когда формируются его представления и способности к восприятию, ему позволили дерзко устремить свой ум в просторы мироздания, а не удерживали бы его дух, как в клетке, в пределах интересов к земному или, хуже того, в четырех стенах застойной провинциальной жизни. Если человек способен поразмышлять о бесконечном счастье, он должен уметь постигнуть бесконечность пространства – я думаю, второе куда проще сделать…»

Находясь на вынужденном расстоянии, Альберт писал ей: «*Как мог я только жить раньше, ты мое маленькое всё. Без тебя мне не хватает уверенности в себе, страсти к работе, и жизнь не*

в радость – короче, без тебя мне и жизнь не жизнь». Сообщая возлюбленной о своих научных изысканиях, Альберт постоянно сбивался на лирический лад: *«Я изучил также прекрасные места из Гельмгольца по поводу атмосферных движений – от страха перед Вами и, между прочим, к собственному удовольствию. Сразу же добавлю, что я хотел бы вместе с Вами просматривать всю историю… Когда я читал первый раз Гельмгольца, я не мог поверить, как не могу до сих пор, что Вы не сидите со мной рядом. Совместно работать с Вами я нахожу прекрасным и полезным, работа идет спокойнее и кажется мне менее скучной».*

В своих любовных посланиях он иногда называл ее «Долли», а она его – «Джонни».

«Мой милый Джонни, потому что мне так дорог и ты так далек от меня, что я не могу тебя поцеловать, я пишу тебе, чтобы спросить, нравлюсь ли я тебе так же, как ты нравишься мне? Ответь мне немедленно. Целую тебя тысячу раз. Твоя Долли».

Сразу после зимнего семестра «маленькая беглянка» все же вернулась из Гейдельберга назад, в Цюрихский политехникум, или скорее – к Альберту. Они стали жить вместе, и сердце Альберта перестало завидовать подушке Милевы.

Требовательность к себе студентки Марич порой поражала даже преподавателей. Ее не удовлетворял строго очерченный академический курс, и она, как говорится, с головой зарылась в старые книги и новейшие научные издания в поисках свежих идей. Чтобы не отстать от подруги, Альберт стал самым прилежным читателем университетской библиотеки. Мысли, которые высказывал юный студент по поводу современных научных изысканий, звучали для нее мелодиями любовных признаний. И то, с каким кротким вниманием она внимала его словам, покорило Альберта. Именно это, а далеко не живость ума или привлекательная внешность, коими Милева, мягко говоря, не обладала, окончательно сблизило молодых людей.

Хотя кто знает, если бы в Поли учились и иные представительницы прекрасного пола, не исключено, что выбор симпатичного и любвеобильного парня по имени Альберт мог бы пасть на кого-нибудь из них, а вовсе не на Милеву?..

Но Мицце-Долли была рядом, стоило только протянуть ладонь, чтобы почувствовать исходящее от нее тепло. Она действительно была идеальной партнершей для Эйнштейна, безошибочно понимавшая его научный говорок. К тому же была какой-никакой, но все же женщиной, в нежности и ласках которой он постоянно нуждался: «*Целую тебя повсюду, где ты мне разрешаешь*».

Отправившись к родным в Италию, Альберт засыпает

возлюбленную нежными письмами: «*Ты обязательно должна приехать сюда, моя очаровательная волшебница. Потеряешь немного времени и доставишь мне небесные наслаждения*».

Милева, разумеется, откликнулась на зов будущего гения (в чем она абсолютно уверена) и явилась наяву. А после он с восторгом вздыхал: «…*Приятные воспоминания о том, как счастлива ты была в наш последний день, проведенный вместе, не покидает меня. Так что позволь мне поцеловать твой маленький ротик, чтобы не дать уйти этому счастью*!»

* * *

По окончании Поли Альберт оказался единственным из выпускников 6-го отделения физики и математики, оставшимся без каких-либо реальных видов на трудоустройство. Получив диплом преподавателя математики и физики, он остался как бы «вольным художником».

По-разному толкуют факт, что дипломированному специалисту Эйнштейну не предложили поработать в политехникуме. Кто-то говорил, что виной тому его неукротимый атеизм. Ведь юноша, заполняя анкету, в графе «религиозная принадлежность» написал: «Никакой религии». Другие говорили о том, что у него отсутствовали какие-либо преподавательские или аналитические способности. Сам Эйнштейн видел корень зла в ином: «*Я был третируем моими профессорами, которые не любили меня из-за моей независимости, и закрыли мне путь в науку*». Во всяком случае, таковым являлся профессор Вебер, руководитель кафедры, на которой учился будущий отец общей теории относительности. Почтенный ученый наотрез отказался оставить у себя на работе молодого вольнодумца, который в нарушение всех норм и правил осмеливался обращаться к нему не «господин профессор», а просто «господин Вебер», как к простолюдину, какому-то зеленщику или почтальону. Но главное – господин профессор отказывал Альберту в праве на свободомыслие и самолюбие. Однажды он сказал ему: «Вы умный малый, Эйнштейн, очень способный малый, но у вас есть большой недостаток – не терпите замечаний».

Руководителя физической лаборатории, профессора Жана Перне раздражало, что студент Эйнштейн при проведении тех или иных экспериментов начисто игнорировал стандартные, проверенные годами методические инструкции и пытался действовать самостоятельно, путем проб и ошибок. Зачем?! Перне даже советовал ему оставить в покое физику и заняться чем-

нибудь другим, например, медициной, юриспруденцией или безопасной филологией.

– Но у меня же к этому нет призвания, господин профессор! – услышав это предложение, удивился юный Эйнштейн. – Почему бы мне все-таки не попытать счастья в области физики?

– Как хотите, молодой человек, – насупился Перне. – Я только хотел вас предостеречь, это в ваших же интересах.

Даже голос влиятельного профессора математики Германа Минковского, высоко ценившего способности своего студента, не помогло Эйнштейну избавиться от прилипчивого ярлыка нерадивого и крайне неучтивого юноши. Хотя профессор, конечно, нередко сам поругивал Эйнштейна за склонность к прогулам и как-то, не сдержавшись, даже назвал его «ленивым щенком». Однако позже ощутимо помог Альберту в формулировании математического аппарата специальной теории относительности в терминах четырехмерного пространства-времени.

(Как утверждают некоторые дотошные исследователи биографии Эйнштейна, в дальнейшую судьбу «вольного художника» активно вмешались таинственные и всемогущие «вольные каменщики». Завистливые современники ученого поговаривали между собой, что именно масоны сумели разглядеть в начинающем амбициозном ученом потенциальную звезду первой величины, и взяли его под свое покровительство).

Тем временем Альберт наконец-то решился поставить в известность о своих сердечных делах родных, не вдаваясь, слава Богу, в интимные подробности. У чувствительного «семейного деспота» матушки Паулины случился обморок. Боже пресвятой: она же тебе не пара, слишком стара, чтобы составить тебе счастье. Он вспоминал, как мама бросилась на постель и, зарывшись в подушки, рыдала навзрыд: «Она такой же книжный червь, как и ты! А тебе нужна жена! Подумай, когда тебе стукнет тридцать, она уже будет старой ведьмой…»

Милева, зная об отношении к ней матери Альберта, говорила: «Как видно, у этой дамы одна цель: испортить как можно больше жизнь не только мне, но своему сыну… Я никогда бы не поверила, что бывают такие бессердечные люди, ведь она же – воплощенная злость!»

Родня Милевы тоже скептически относилась к выбору дочери. Да и однокурсники посмеивались над матримониальными планами Альберта:

– Ты здоров, парень? Где твои глаза?! На кой тебе эта хромоножка? Оглянись, вокруг столько прелестниц! А эта? Малорослa, сутула, угрюма, не говоря уже о невзрачном личике.

– Да отстаньте вы от меня! – отмахивался Эйнштейн. – Вы сами ни черта не смыслите в женщинах. Прихрамывает? Ну и что? Родовая травма, пройдет… Да нет, Милена – это удивительное создание, о которой можно только мечтать… Вы слышали, как она поет? А как рисует?.. Да и готовит замечательно! Даже умеет шить себе платья, лишь бы сэкономить лишний франк! У нее есть ум и душа…

Он писал своей ненаглядной Мицце: «*Когда ты станешь моей маленькой женушкой, мы будем вместе заниматься наукой и потому никогда не превратимся в двух старых обывателей, так ведь? Моя сестра показалась мне непроходимо глупой. Только не становись похожей на них – это было бы невыносимо. Ты всегда должна оставаться моей колдуньей и моим уличным сорванцом… Все, кроме тебя, кажутся мне чужими, они отделены от меня невидимой стеной*».

Восторженный юноша, прекрасно разбиравшийся в проблемах времени и пространства, был абсолютным профаном в вопросах куда более прозаических, точнее, физиологических. Милева почувствовала, что беременна, и с естественной радостью сообщила об этом Альберту. Появление будущего ребенка, мягко говоря, озадачило его. К своему отцовству он был совершенно не готов. И мир вокруг внезапно сузился и поблек, теряя краски.

Но Милева решила забросить свою, уже почти готовую диссертацию и отправилась рожать в Нови-Сад. В январе 1901 года на свет появилась девочка, которую назвали Лизерль. Соблюдая приличия, молодой отец интересовался у Милевы: «*Здорова ли она, послушна ли? Какого цвета глазенки? На кого из нас больше похожа?..*»

Правда, в душевной компании друзей он скромно декламировал свежеиспеченные, по-баварски брутальные, судя по всему, автобиографичные, очень личные стишки:

И слышать было б мне приятно,
Что я яйцом налево брякнул,
Когда б не боль других людей…

Он не грешил против истины. Но дамы краснели…

Точно такой же неестественный румянец проступал на щеках некой Джулии Ниггли из Аарау, которая, читая письмо Альберта, вспоминала редкие визиты к ней (втайне, конечно, от Мари) вихрастого школяра. А теперь он ее уже покровительственно поучал: «*До чего же странна девичья душа! Неужели вы действительно верите, что сможете обрести безмятежное счастье через другого человека, даже если этот человек один-*

единственный любимый мужчина? Я близко знаком с этим животным по личному опыту, ибо я один из них. Я точно знаю, что от них нельзя многого ожидать. Сегодня мы грустны, завтра веселы, послезавтра холодны, затем опять раздражительны и усталые от жизни – да я чуть не забыл о неверности и неблагодарности, и эгоизме – о том, что нам присуще в значительной степени, чем милым девушкам…»

* * *

Появление на свет наследницы оставалось тайной за семью печатями даже для самых близких товарищей Эйнштейна. Во всяком случае, когда Милева вернулась к нему в Швейцарию, ребенка при ней не было. Лизерль взяли на воспитание дальние родственники Милевы.

В силу тогдашних пуританских нравов ребенок, рожденный вне брака, считался незаконнорожденным. А учитывая, что в тот момент Эйнштейн рассчитывал на получение швейцарского гражданства и престижную работу в государственном бюро, сей факт считался крайне нежелательным. Моральный облик потенциальных кандидатов на гражданство тщательно проверялся специальными детективами.

Правда, для родителей Милевы, истовых католиков, поступок дочери (с молчаливого согласия так называемого отца ребенка) был ударом. И они потребовали от нее немедля уйти прочь от этого жестокосердного Альберта.

Однако проклятия Маричей-старших и трагическая потеря дочери (Лизерль умерла еще в младенчестве во время эпидемии скарлатины и как внебрачная и некрещеная, была безымянно похоронена) не имели особого значения для Милевы. Она по-прежнему любила своего Альберта, молилась на него, верила в его счастливую звезду и мечтала о свадьбе. «Мой Бог, – заверяла его она, – как прекрасен будет мир, когда ты увидишь меня своей маленькой женой».

Ее даже не смутили условия «брачного контракта» или «меморандума», сочиненного Альбертом.

«*Ты заботишься о том,*

– чтобы моя одежда и белье содержались в аккуратном состоянии;

– чтобы я три раза в день получал в свою комнату надлежащим образом сервированную еду;

– чтобы моя спальня и рабочий кабинет содержались постоянно в порядке, особенно чтобы мой письменный стол был

только в моем распоряжении.

Ты отказываешься от всех личных отношений со мной, соблюдение которых не является обязательным в обществе. В частности, ты отказываешься:

– от того, чтобы я сидел при тебе дома;

– от того, чтобы я с тобой выходил в свет или путешествовал.

Особенно обязуешься ты в общении со мной обращать внимание на следующие пункты:

– ты не должна от меня ожидать нежностей и высказывать мне какие-либо упреки;

– ты должна немедленно прекращать обращенную ко мне речь, если я об этом прошу;

– ты должна немедленно покинуть мою спальню или кабинет, если я об этом прошу;

– ты обязуешься ни словами, ни действиями не унижать меня в глазах моих детей».

6 января 1903 года после скромной процедуры бракосочетания в Бернском муниципалитете, отужинав в кабачке вместе с «веселыми академиками» (из родных жениха и невесты никто не присутствовал), молодожены отправились домой, на съемную квартиру, у дверей которой выяснилось, что незадачливый супруг где-то (видимо, на работе) позабыл ключи. А молодая жена так мечтала о первой законной брачной ночи! Пришлось будить сварливую хозяйку дома…

Вскоре он с восторгом сообщал Мишелю Бессо, одному из своих другу: «*Теперь я добропорядочный женатый человек, веду с женой очень приятную и уютную жизнь. Она умеет позаботиться обо всем, прекрасно готовит и все время в хорошем настроении*». Самые радостные чувства переполняли и Милеву. Своей самой близкой подруге Элен Савич она признавалась: «Сейчас я к нему, к моему сокровищу, привязана еще больше (если это вообще возможно), чем когда мы жили в Цюрихе. Он мой единственный друг и товарищ, мне не нужно другое общество, и часы, когда он со мной рядом, это счастливейшее время в моей жизни».

Все видели: Милева отважно делила с Эйнштейном годы нужды и создавала ему для работы по-богемному не устроенный, но все-таки сравнительно спокойный домашний очаг. Многочисленные гости, дневавшие и, бывало, ночевавшие в их доме, благодарно говорили о хлебосольстве и сдержанности Милевы.

Правда, уже через несколько лет Эйнштейн уже признавался, что женился из чувства долга, а Милеву называл «женщиной

необычайно отвратительной». Как тут не вспомнить классическое: «Мама была права!»?

Смирившиеся родители Милевы после свадьбы подарили молодоженам солидную сумму, и наконец-то можно было относительно спокойно вздохнуть. Однако…

Случилось то, что случилось. Когда Милева с ужасом обнаружила, что вновь беременна, она долго собиралась с силами, чтобы сообщить Альберту: «Милый, мы были неосторожны…» К ее удивлению, он отнесся к известию спокойно и с пониманием: «*Я ни в коем случае не сержусь на мою маленькую Долли, которая начала вынашивать нового маленького птенчика. Я очень счастлив этому и уже думал по этому поводу. В конце концов, ты же не должна отрицать, что это совершенно естественно для женщины*».

В 1904 году в семье Эйнштейна родился сын Ганс Альберт. А потом, в 1910-м – Эдуард.

Но главным плодом «любви роковой» для ученого все-таки стало создание теории относительности в 1905 году! В первой статье, посвященной броуновскому движению, он предсказывал движение взвешенных в жидкости частиц, обусловленное столкновением с молекулами. Во второй работе, посвященной фотоэффекту, Эйнштейн высказал революционную гипотезу о природе света: при определенных обстоятельствах свет можно рассматривать как поток частиц, фотонов, энергия которых пропорциональна частоте световой волны. Практически не нашлось физиков, которые согласились бы с этой идеей. Но через два десятилетия экспериментально картина фотонов стала общепризнанной в рамках квантовой механики. И наконец, в сентябрьском номере журнала «Анналы физики» появились статья Альберта Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел», а затем целая обойма публикаций с изложением основных идей специальной теории относительности.

В обеденное время и по вечерам приятели, коллеги, заглядывая на Крамгассе, 49, где обосновались Эйнштейны, нередко наблюдали, как молодой папаша Альберт, зажав в зубах сигару, левой рукой покачивал коляску с плачущим младенцем, а правой огрызком карандаша вносил правки в очередную статью. О чем? Автор пока помалкивал.

Друг юности Бессо стал первым, кому Эйнштейн решился рассказать о своей теории относительности. Это было справедливым. Ведь свою статью «К электродинамике движущихся тел» первооткрыватель релятивизма резюмировал так: «В заключение отмечу, что мой друг и коллега М. Бессо явился верным помощником при разработке изложенных здесь

проблем и что я обязан ему рядом ценных указаний».

Еще одному «олимпийцу» Конраду Габихту Альберт с едва скрываемой гордостью писал: «*Между нами длилось священное молчание, и то, что я его прерываю малозначительной болтовней, покажется кощунством… Ну, а вообще, что делаете вы, замороженный кит, высохший и законсервированный обломок души? Почему вы не присылаете мне свою диссертацию? Разве вы, жалкая личность, не знаете, что я буду одним из полутора парней, которые прочтут ее с удовольствием и интересом? За это я вам обещаю прислать четыре свои работы. Первая посвящена излучению и энергии света и очень революционна, как вы сами убедитесь, если сначала пришлете мне свою работу. Вторая работа содержит определение истинной величины атомов. Третья доказывает, что согласно молекулярной теории тепла тела величиной порядка 1/1000 мм, взвешенные в жидкости, испытывают видимое беспорядочное движение молекул. Такое движение взвешенных тел уже наблюдали физиологи – они называли его броуновским молекулярным движением. Четвертая работа пока еще находится в стадии черновика, она представляет собой электродинамику движущихся тел и меняет представление о пространстве и времени*».

Попутно Эйнштейну удалось вывести еще один замечательный закон: «*Радость видеть и понимать – есть самый прекрасный дар природы*». Не менее полная и глубокая формула, чем магическая $\mathbf{E = mc^2}$, где все предельно просто: E – энергия, m – масса (для состояния относительного покоя), а c^2 – постоянный множитель, численно равный квадрату скорости света. То есть по мере того, как предмет начинает двигаться быстрее, масса его растет. И количественная мера материи в любой ее физической форме – масса – пропорционально связана с количественной мерой движения – энергией. Вам ясно, господа?

Умница Милева в письме своей подруге Элен не сдерживала чувств: «Я счастлива, что к нему пришел успех, которого он действительно заслуживает. Остается только пожелать, чтобы слава не испортила его как человека, я очень на это надеюсь».

Он никогда не отрицал, что математическую часть его работ делала Милева, ибо еще в студенчестве он откровенно мало интересовался высшей математикой: «*Мне ошибочно казалось, что это настолько разветвленная область, что можно легко растратить всю свою энергию в далекой провинции, к тому же по своей наивности я считал, что для физика достаточно твердо усвоить элементарные математические понятия и иметь их готовыми для применения, а остальное состоит в бесполезных для физики тонкостях, – заблуждение, которое только позднее с*

сожалением осознал. У меня, очевидно, не хватало математических способностей, чтобы отличить центральное и фундаментальное от периферийного и не принципиально важного».

Говоря, что тогда ему «еще не было ясно, что путь в глубины теоретической физики связан с самыми сложными математическими расчетами», Эйнштейн надеялся списать этот грех на ошибки молодости, отсутствие опыта… Но ведь и в зрелом возрасте он нередко позволял себе довольно бесцеремонное обращение с математической наукой. Споря с инженером Ферье о жестких правилах и законах математики, в качестве аргумента Эйнштейн выложил на стол перед своим оппонентом пять спичек.

– Каждая спичка имеет длину шесть с половиной сантиметров. Какова суммарная длина этих пяти спичек?

– Тридцать два с половиной сантиметра, – вздохнул Ферье.

– Это вы так считаете, – покачал головой физик-теоретик. – А вот я в этом сильно сомневаюсь. И вообще, не верю я в математику…

Позже одному из своих ассистентов Эйнштейн мимоходом ехидно заметил: «*Математика – единственный совершенный способ водить самого себя за нос*».

Чудо-пробка для бутылки красного мерло

– Ну что, коллега Эйнштейн, может быть, вам удастся разгадать эту головоломку, а? – Один из экспертов подошел к рабочему столу Альберта и протянул ему бумаги с какими-то корявыми чертежами и диковинную пробку для винной бутылки. – Хотя, конечно, это не совсем ваш профиль, далекий от электротехники, но все же полюбопытствуйте на досуге… Кстати, а что это вы сделали со своим столом?

– Со столом? – Альберт с удивлением посмотрел на сослуживца. – Да ничего особенного. Просто взял ножовку и подпилил ему ножки. Вот и все. Зато мне теперь очень удобно. Знаете, надоело возиться с этой «тонкой регулировкой» крышки, никак не удается установить нужный градус наклона. Вот и укоротил передние ножки, и получилось нечто вроде конторки-бюро. Правда, напоминает дирижерский пюпитр, верно? Очень удобно работать стоя, поверьте. Кроме того, не надо тратить время на каждодневные «упражнения» по методу господина директора… Ну, давайте ваши бумаги. У меня как раз образовалась свободная минутка…

Старший эксперт положил на наклонную крышку стола чертежи и бутылочную пробку.

– Это притащил нам местный крестьянин из пригорода. Говорит, что его чудо-пробка позволяет абсолютно точно дозировать количество жидкости, которая выливается из бутылки. До грамма. Но мы никак не можем уяснить, в чем тут секрет.

– А бутылка-то у вас есть? – Эйнштейн взял пробку и начал пристально ее рассматривать под разными углами.

– С вином – нет. А пустую найдем, – кивнул эксперт. – Если, конечно, наша фрау Марта утром не выбросила ее на помойку.

…Эйнштейн наклонил бутылку с водой над пустой рюмкой и стал считать капли, которые просачивались через заковыристые «поры» необычной пробки. Вокруг собралась небольшая группа любопытствующих сослуживцев. Когда рюмка наполнилась, экспериментатор поднял ее, зачем-то понюхал содержимое, даже посмотрел на свет, словно надеясь на дне обнаружить истину. Потом выплеснул содержимое в горшок с чахлым цветком, и повторил «опыт».

– Больше можете не проверять, коллега. Точность изумительная. Мы пробовали эту пробку-агрегат, испытывая самые разные жидкости, – признался кто-то.

– Да-да, я вам верю, – задумчиво сказал Эйнштейн. И пошутил: – Хотя, мне кажется, для алкогольных напитков эта штука вряд ли потребуется, тут глазомера и опыта виночерпия вполне достаточно… А вот… Постойте, господа! Кажется, я все понял! Это специфический капиллярный эффект… В свое время я этой проблемой интересовался довольно обстоятельно, еще прозябая домашним учителем в Цюрихе. Именно капиллярным эффектам была посвящена моя первая научная работа. Все очень просто! А где, кстати, наш изобретатель?

– Послезавтра обещал наведаться.

– Тогда я возьмусь за подготовку патентного свидетельства. Да и саму заявку надо бы переоформить, как полагается, иначе…

Директор одобрил документы, но, прежде чем подписать свидетельство, еще раз вернулся к тексту самой заявки. Потом вопросительно взглянул на Эйнштейна:

– Довольно грамотно составлена, убедительно. Это он сам готовил?

Молодой эксперт не стал хитрить и признался, что заявку переписал он:

– Господин Галлер, вы же сами говорили, что нам необходимо помогать людям. А умение правильно излагать мысли я перенимаю у вас.

Доктор поморщился: «Прекратите мне льстить». – «Отнюдь, – возразил Альберт. – Я всегда говорю чистую правду… Почти всегда».

Бернский крестьянин действительно, как и обещал, через день прибыл в бюро. И не с пустыми руками. Он прихватил с собой еще несколько образцов своих удивительных пробок-дозаторов и пятилитровую бутыль доброго мерло – «для чистоты эксперимента».

По такому поводу сотрудники ведомства духовной собственности во главе с господином доктором Галлером собрались в большой комнате на третьем этаже и торжественно вручили герою официальное свидетельство – патент на изобретение. Когда господин директор удалился к себе, ошеломленный, вне себя от счастья бернский самоучка тут же предложил «коллегам» испытать замечательные возможности уникальной пробки путем дегустации своего замечательного домашнего вина. Что и произошло.

Впрочем, тот эпизод с чудо-пробкой был лишь невинным исключением, редкой забавой и для Эйнштейна, и для всех сотрудников бюро. Свободного времени на подобные мелочи у экспертов практически не было. Не зря же Альберт называл себя и своих коллег «батраками», «патентными рабами», а само бюро –

«светским монастырем». Но, тем не менее, уверял: «*После восьми часов работы остается восемь часов на всякую всячину, да еще есть и воскресенья*».

Приступая к своим обязанностям, Эйнштейн, прежде всего, занялся ликвидацией своих технических пробелов, на которые указал ему доктор Галлер. С директором шутки были плохи. Один из коллег Альберта – Флюкигер рассказывал: «В условиях строгого патриархального уклада, царившего в руководимом Галлером Бюро патентов, у Эйнштейна не оставалось времени для его научных исследований: он должен был усваивать технические чертежи. Только в свободное от работы время он мог удовлетворять свое научное любопытство и трудиться над статьями. Здесь это просто необходимо отметить, чтобы рассеять легенды, согласно которым должность Эйнштейна в Бюро была синекурой, и он доставал из ящика своего стола сочинения и занимался ими между делом».

Директор господин Галлер вызывал к себе подчиненных особым звонком, звук которого приводил всех в состояние оцепенения: кто станет жертвой в этот раз? Впрочем, Альберт вполне успешно приноровился к жесткому характеру и требованиям патрона и неоднократно повторял: «Директор Галлер – чудесный человек и светлая голова. К его резкому тону быстро привыкаешь. Я его глубоко уважаю».

Доктор Галлер также похвально отзывался о своем эксперте и рекомендовал Федеральному совету квалифицировать его уже как эксперта П класса: «В настоящее время он относится к числу наиболее высоко ценимых экспертов бюро. Зимой он получил звание доктора философии Цюрихского университета. Потеря этого еще молодого человека была бы для руководства бюро чрезвычайно нежелательной».

А ко «всякой всячине» Альберт относил, конечно же, «Академию Олимпии». Даже спустя десятилетия Альберт Эйнштейн напоминал своему другу юности Морису Соловину: «Хорошее было время тогда в Берне, когда мы учредили нашу веселую академию, которая была менее ребяческой, нежели те почтенные академии, с которыми я близко познакомился позднее».

Компания «веселых академиков» образовалась, в общем-то, стихийно. Однажды молодой румынский студент Морис Соловин, «славный Соло», постигавший в университете основы философии, заинтересовался объявлением в местной газете, в котором некто Эйнштейн приглашал всех желающих на частные уроки по физике («Пробные уроки – бесплатно»). Морис, еще окончательно не определившийся, кем же он хочет стать в будущем – философом,

физиком или кем-то еще – соблазнился и отправился по указанному адресу. Позвонил в дверь и тотчас услышал громкое приглашение:

– Прошу!

Я был поражен необычайным сиянием его глаз, вспоминал Соло свои первые впечатления о хозяине квартиры. «Учитель» и «ученик» проговорили несколько часов, и Эйнштейн в итоге сказал: «Вам не надо обучаться физике, мой друг. Просто приходите ко мне, когда захотите. Я буду рад пообщаться с вами». Вскоре к друзьям присоединился Конрад Габихт, который приехал в Берн завершать математическое образование. Чуть позже в компании появился Мишель Бессо, который, по мнению Эйнштейна, был «лучшим резонатором новых идей». Частым гостем чуть позже стал младший брат Габихта Пауль, который прекрасно варил кофе по-турецки, а с «президентом» Эйнштейном мастерил прибор для измерений малых напряжений. (К слову, для братьев Габихт «академические» вечера и ночи не прошли даром: помимо потенциал-мультипликатора, они создали немало других интересных технических новинок, а Пауль к тому же получил четыре патента на совершенствование кофеварки).

«Уроки физики» быстро превратились в многочасовые дискуссии по самым разным мировоззренческим проблемам. Морис предложил своим новым друзьям вместе читать и обсуждать наиболее интересные книги. Молодые люди собирались после работы или учебы, вслух читали «Этику» Баруха Спинозы, «Трактат о человеческой природе» Давида Юма, «Анализ ситуаций» и «Механику в ее историческом развитии» Эрнста Маха, «Науку и гипотезу» Анри Пуанкаре… Последняя книга произвела на молодых людей настолько сильное впечатление, что, как рассказывал Соловин, в течение нескольких недель они не могли прийти в себя.

Кроме того, предметом их внимания становились шедевры мировой литературы – «Антигона» Софокла, «Дон Кихот» Сервантеса, произведения Диккенса, Расина. «Прочитывалась одна страница, – вспоминал Соло, – иногда только пол страницы, а порой только одна фраза, после чего следовало обсуждение, которое, если вопросы были важными, могло затянуться на много дней».

Мишель (Микельанджело) Бессо, сотрудник патентного бюро, об атмосфере, царившей в их среде, отзывался в высшей степени поэтически: «Этот орел на своих крыльях поднял меня – воробья – на большую высоту И там воробышек вспорхнул еще немного вверх».

Жаркие споры и дискуссии нередко затягивались на всю ночь.

Трапезничали скромно: сосиски, сыр грюйер, фрукты, чай. Летом они иногда отправлялись в горы, окружавшие Берн, и встречали там рассвет. Романтик Соловин вспоминал: «Вид мерцающих звезд производил на нас сильное впечатление и вдохновлял на разговоры об астрономии. Мы были зачарованы медленным приближением солнца к горизонту, которое, наконец, появлялось во всем великолепии, чтобы залить мистическим розовым светом Альпы». Потом они ждали, пока откроется любимое кафе, расположенное тут же, в горах, выпивали по чашечке черного кофе и спускались вниз. Пора было идти – кому на службу, кому – в университет. А расставаться так не хотелось…

Свои дружеские «посиделки» или философские ужины друзья решили окрестить «Академией Олимпии». Президентом единогласно избрали Альберта, несмотря на то, что он был моложе других «академиков». А Соло даже изготовил особый диплом «Академии», на котором под связкой сосисок красовался профиль Эйнштейна, увенчанный пышным «титулом»: «Человек невероятно эрудированный, обладающий исключительными, изысканными и элегантными познаниями, с головой погруженный в революционные исследования космоса».

Даже на склоне лет Альберт Эйнштейн не забывал об «академических» уроках и, пафосно обращаясь как бы к самой мадам «Академии», заявлял: «Ваши члены создали вас, чтобы посмеяться над вашими давно созданными инфантильными сестерами-академиями. Насколько точно их ирония попала в цель, я смог вполне убедиться за долгие годы тщательных наблюдений».

«Академики» любили розыгрыши, острое словцо. Однажды Габихт укрепил на двери квартиры «президента» табличку с надписью «Albert Ritter von Steissbein», переводимую как «Рыцарь Задницы» (при этом Steissbein было так созвучно Scheissbein (фекалии), что сами шутники покатывались со смеху.

Милева? Да, она изредка присутствовала на заседаниях «Академии Олимпии». Но, как отмечали «академики», была необщительна, слушала внимательно, однако никогда не вмешивалась в мужские разговоры. И лишь изредка про себя вздыхала: как можно так безрассудно тратить время?..

Хотя тогда ей больше всего хотелось восстановить прежние, нежные и доверительные, отношения с Альбертлем, вытащить его из этого швейцарского, насквозь, как ей казалось, гнилого буржуазного болота, найти для него достойное преподавательское место. «Мы попытались найти где-нибудь работу, – сообщала она своей сербской подруге. – Как ты думаешь, люди нашего типа могут найти что-нибудь в Белграде?»

Милева говорила, что они согласны на любую работу, могут преподавать что угодно – даже немецкий язык в школе…

* * *

«Всякую всячину» Альберт распространял также и на бесконечно таинственный мир музыки, которая становилась для него подлинной страстью. В период работы в бюро он при каждом удобном случае музицировал в любительском квинтете, состав которого был весьма разношерстен: собственно, сам физик-эксперт, юрист, математик, переплетчик и тюремный надзиратель.

Ульм, Мюнхен, Бавария, 1879-й и другие годы

– Герман, мне кажется, я скоро сойду с ума. Нашему Альбертлю уже скоро семь, а он до сих пор говорит только «да», «нет», «хочу», «не хочу»… Разве это нормально? По-моему, он просто умственно отсталый.

– Прошу тебя, Паулина, не надо так волноваться. Перерастет, – пытался успокоить жену Герман Эйнштейн. – Он вполне нормальный, здоровый, крепкий парень. Не переживай. Ну хочешь, давай еще раз съездим к герру доктору, пусть еще обследует нашего мальчика.

– Хорошо, я согласна.

Мать всю жизнь казнила себя за слова, которые непроизвольно вырвались у нее, когда она впервые увидела своего младенца на руках акушерки: «О, Боже, какого же уродца я произвела на свет!»

Эйнштейн-старший ничего не сказал, а утром следующего дня отправился зарегистрировать свидетельство о рождении сына:

«*№ 224. Ульм, 15 марта 1879 г. Сегодня торговец Герман Эйнштейн, проживающий в Ульме, Ванхофштрассе, 135, иудейского вероисповедания, лично известный, предстал перед нижеподписавшимся регистратором и заявил о рождении ребенка мужского пола, нареченного Альбертом, в Ульме, по месту его жительства, от жены Паулины Эйнштейн, урожденной Кох, иудейского вероисповедания, марта 1879 г. в 11 ч. 30 мин. утра. Прочел, подтвердил и подписал Герман Эйнштейн. Регистратор Хартман*».

Вскоре молодая чета перебралась в Мюнхен. Отец, забросив свое производство перин, на новом месте попытался с братом Якобом организовать новое предприятие по изготовлению водопроводной и газовой аппаратуры. Через несколько лет братья решили открыть фабрику по производству динамо-машин, дуговых ламп и электроизмерительного оборудования для муниципальных электростанций и сетей. Мама же всецело занималась домом и музыкой.

Развитие юного Альбертля крайне беспокоило родителей. Мальчик явно отставал от своих ровесников, до трех лет вообще не говорил. Только с шести лет стал повторять следом за

родителями заученные односложные, короткие фразы: «Иду гулять» – «Спокойной ночи» – «Доброе утро» – «Кушать» – «Не буду» – «Не хочу».

Еще больше их тревожили необъяснимые припадки гнева, которые время от времени волной накатывали на Альберта. И в такие моменты лицо его становилось совершенно желтым, а кончик носа бледнел. Как правило, свою злость Альберт срывал на своей младшей сестре Майе. Однажды он швырнул в нее кегельным шаром, в другой раз едва не пробил ей голову детской лопаткой. Врачи отмечали в мальчике признаки легкой формы аутизма, самопогружения в собственный мир.

Он не любил играть с ровесниками. Его излюбленные занятия требовали самостоятельности, терпения и целеустремленности. Без этого никак нельзя было построить карточный домик или стройный колодец из спичек.

– …И все-таки я с тобой не согласен, Полли, – горячился Герман. – Кстати, Якоб тоже говорит, что с нашим Альбертлем все в порядке. О какой отсталости ты говоришь? А компас?.. Ты помнишь, Паулина, как его заворожила магнитная стрелка? Он же часами наблюдал за ее поведением.

Матушку, конечно, больше тревожил аппетит сына, его внешний вид, поведение и здоровье, нежели какой-то дурацкий компас. А Альберт еще долго-долго помнил те свои детские впечатления: «*То, что стрелка вела себя так определенно, никак не подходило к тому роду явлений, которые могли найти себе место в моем неосознанном мире понятий (действие через прикосновение). Я помню еще и сейчас – или мне кажется, что я помню, – что этот случай произвел на меня глубокое и длительное впечатление. За вещами должно быть что-то еще, глубоко скрытое. Человек так не раз реагирует на то, что видит с малых лет. Ему не кажется удивительным падение тел, ветер и дождь, он не удивляется луне и тому, что она не падает, не удивляется разнице между живым и неживым*».

Когда в шесть лет родители надумали обучать его игре на скрипке, мальчик безмерно страдал и вымещал злость на учителях-мучителях. Бывало, даже кидался на преподавательницу, вооружившись складным стульчиком. Но со временем ненависть к урокам музыки чудесным образом растаяла, и уже с 14 лет Альберт со своим альтом стал участвовать в домашних концертах. Музыка спасала его от ипохондрии.

Этот элегантный музыкальный инструмент, которому Эйнштейн дал имя Лина, в часы покоя возлежал на шелковом покрывале, укутанный в особый шерстяной «пуловер». Моцарт,

Бах, Шуберт, Шуман были безоговорочными кумирами Эйнштейна и в юности, и в зрелом возрасте. Фортепьяно молодой человек освоил позже самостоятельно и частенько импровизировал.

В Мюнхенской гимназии с учебной программой он, в общем-то, справлялся, переходя из класса в класс, но занятия его мало интересовали, как, впрочем, и обычные школьные забавы. Он даже слыл среди одноклассников непроходимым тупицей и тугодумом. Своих преподавателей Альберт раздражал независимым поведением, но особенно замедленной речью. Детей здесь муштровали, они маршировали, а учителя не вразумляли учеников, а отдавали команды. Это была не школа – казарма. С презрением вспоминая годы своего мюнхенского школярства, Эйнштейн говорил: «Учителя в начальной школе казались мне сержантами, а в гимназии – лейтенантами». А «лейтенанты» качали головами и мрачно предрекали: «Из вас, Эйнштейн, никогда ничего путного никогда не выйдет».

Однажды классный руководитель, не сдержавшись, мечтательно признался Альберту:

– Мне бы так хотелось, чтобы вы покинули нашу школу.

– Но я ведь ни в чем не виноват, господин учитель, – попытался возразить растерявшийся школяр.

– Да, это верно, – печально согласился педагог. – Но одного вашего присутствия в классе, Эйнштейн, уже достаточно, чтобы полностью подорвать уважение к учителю…

Зато, будучи в зрелом возрасте, он получил возможность подтрунивать над любопытными собеседниками, которые интересовались, как это ему удалось создать свою теорию относительности: «*Почему именно я создал теорию относительности? Когда я задаю себе такой вопрос, мне кажется, что причина в следующем. Нормальный взрослый человек вообще не задумывается над проблемой пространства и времени… Я же развивался интеллектуально так медленно, что пространство и время занимали мои мысли, когда я стал уже взрослым. Естественно, я мог глубже проникать в проблему, чем ребенок с нормальными наклонностями*».

Школьное образование его раздражало своей скукой, однообразием, зато уж дома он наслаждался свободой… Он мастерил различные механические модели, дядя Якоб, живший с ними, нередко подсовывал Альбертлю математические задачки и головоломки, и мальчишка бывал по-настоящему счастлив, когда ему удавалось с ними справляться. Якоб пытался внушить племяннику: «Алгебра – очень веселая наука. Когда мы не можем обнаружить зверя, за которым охотимся, мы временно называем

его икс, и продолжаем охоту, пока не засунем его в подсумок».

Заметив неподдельный интерес юнца к точным наукам, студент-медик Макс Талмуд, который по вторникам столовался в доме Эйнштейнов, сначала вручил Альберту евклидовы «Начала», а потом «Силу и материю» Бюхнера и «Критику чистого разума» Эммануила Канта. Вселенная для Альберта перевернулась еще раз – он открыл для себя строгие доказательства геометрии и абстрактные понятия философии. Его временные религиозные настроения куда-то мгновенно улетучились, и он стал исповедовать нечто вроде космической религии неверующего, сохранившуюся в нем навсегда. Эйнштейн вспоминал:

«*В возрасте 12 лет я пережил еще одно чудо: источником его была книжечка по евклидовой геометрии на плоскости… Там были утверждения, например, о пересечении трех высот треугольника в одной точке, которые и не были сами по себе очевидны, но могли быть доказаны с уверенностью, исключавшей как будто всякие сомнения. Эта ясность и уверенность произвела на меня неописуемое впечатление*».

На том и была поставлена точка (или крест?) на его мальчишеской религиозности: «*Чтение научно-популярных книжек привело меня вскоре к убеждению, что в библейских рассказах многое не может быть верным. Следствием этого было прямо-таки фантастическое свободомыслие, соединенное с выводами, что молодежь умышленно обманывается государством. И это был потрясающий вывод. Такие переживания породили недоверие ко всякого рода авторитетам и скептическое отношение к верованиям и убеждениям, жившим в окружающей меня тогда официальной среде*».

Потерянный религиозный рай юности стал для него первой попыткой освободиться от пут «только личного».

– Это неправда, господин Эйнштейн. Вы, как всегда, шутите. И замечу вам, это не лучшая ваша шутка!

Получив прошение Альберта об увольнении, господин директор Галлер был ошеломлен: из его бюро не уходили по собственному желанию, неугодных просто увольняли. Причем с «волчьим билетом».

Однако после обстоятельного разговора с господином экспертом П класса Эйнштейном господин Галлер вынужден был сообщить Федеральному совету: «Его уход означает потерю для бюро. Однако г-н Эйнштейн считает, что преподавание и научная работа являются его истинным призванием, а потому директор бюро воздерживается от того, чтобы удерживать его предложением об улучшении его финансового положения».

Вот и прощай, Ведомство духовной собственности! Эйнштейн никогда не жалел о годах, проведенных в Берне. Это было счастливое время. «*Что касается атмосферы учреждения,* – вспоминал он, – *то она очень приятна. Взаимоотношения с экспертами дружеские и простые*».

Попрощавшись с коллегами, он вышел на улицу, взглянул на знаменитую башню с часами, которую возвели сразу после основания Берна в 1191 году, а через четыреста лет украсили хитроумной вращающейся картой звездного неба.

Стрелки на часах приближались к цифре 12, и Эйнштейн приостановился, чтобы еще раз, может быть, напоследок увидеть, как из дверцы выскочит сказочная фигурка озорного шута с колокольчиками. Потом начнется парад медведей, закукарекает петух, а за ним появится вооруженный благородный рыцарь. И завершит это чудесное представление нестареющий бог времени Хронос со скипетром и песочными часами в руках…

* * *

В 1908 году перед патентоведом-экспертом Эйнштейном забрезжила вполне реальная возможность покинуть вконец постылое бюро и получить место экстраординарного профессора в родном Цюрихском университете.

Кроме него, на эту должность претендовал также товарищ Альберта по Поли Фридрих Адлер, чьи шансы оценивались весьма высоко. Однако Адлер, о котором говорили, что он человек маниакальной честности, узнал, что невольно стал конкурентом

Эйнштейну и подал в университет официальное заявление:

«Если имеется возможность заполучить такого человека, как Эйнштейн, то было бы абсурдом брать на это место меня. Я должен со всей искренностью признать, что мои способности не идут ни в какое сравнение с эйнштейновскими. Нельзя терять – в угоду политическим симпатиям – возможность получить в университет человека, который может принести ему так много пользы, подняв его престиж».

Новая должность – экстраординарного профессора! – громко звучала только для несведущих. По сути же, Эйнштейн являлся лишь внештатным профессором с окладом на уровне того же эксперта П класса. Вот только жизнь в Цюрихе была дороже. И Милеве пришлось пополнять семейный бюджет, занимаясь приготовлением домашних обедов для студентов.

Профессорский дебют Эйнштейна оказался удивительно удачным. Когда он поднялся на кафедру, в поношенном костюме, со слишком короткими брюками, когда мы увидели его железную цепочку от часов, у нас появилось скептическое отношение к новому профессору, вспоминал один из слушателей Ганс Таннер. Но с первых фраз он покорил наши черствые сердца своей неповторимой манерой чтения лекций. Манускриптом, которым Эйнштейн пользовался при чтении, служил листок бумаги величиной с обычную визитную карточку. Там были обозначены вопросы, которые он хотел осветить в лекции. Таким образом, Эйнштейн черпал содержание лекции из собственной головы, и мы оказались свидетелями работы его мысли. Насколько привлекательным был подобный метод для студентов, привыкших к стилистически безукоризненным, отфильтрованным лекциям, увлекавшим в первый момент, но оставлявшим ощущение пропасти между преподавателем и нами. А здесь мы сами видели, как возникают научные результаты – оригинальными путями. Нам казалось после лекции, что мы сами могли бы ее прочесть.

Эйнштейн должен был излагать в своих лекциях главным образом классическую физику. Но теперь, после пересмотра ее основ, классика трактовалась уже по-иному и, соответственно, подавалась в другой манере. Перед студентами представало не законченное строение, а живая строительная площадка, и Эйнштейну становилось интереснее обсуждать со своими слушателями не планировку этого здания, а проект его перестройки.

Отношения между ними сохранялись непринужденными. Обычно после еженедельного вечернего коллоквиума по физике профессор поднимал руку и спрашивал:

– Итак, кто со мной в кафе «Терраса»?

Там дискуссии продолжались, но уже совсем не в академической обстановке. И не обязательно по физическим или математическим вопросам. Но и по сугубо жизненным проблемам в том числе. Когда наступал «полицейский час» и кафе закрывалось, профессор уводил к себе домой наиболее рьяных спорщиков, и там, готовя кофе, любил озадачить их какой-нибудь математической шарадой: «Найдите-ка, друзья, ошибку».

А вот философские споры с верными единомышленниками и коллегами – Марселем Гроссманом и Фридрихом Адлером – чаще всего заканчивались на чердаке. Нельзя было докучать домашним – как-никак, в семье Эйнштейна появился еще один младенец по имени Эдуард. А кто мог помешать единоверцам под ветхой крышей дома? Разве только голуби…

Альберт полюбил одиночество, «*мучительное, когда ты молод, и восхитительное, когда становишься зрелым человеком*».

Но, как позже выяснилось в ходе многочасового общения с Зигмундом Фрейдом, умственная потенция всегда сопряжена с потенцией сексуальной.

И в Цюрихе с Эйнштейном порой приключались курьезные эпизоды, которые друзья потом преподносили как «подвиги Геракла». Однажды во время лекции Эйнштейн отвлекся, увидев, что в аудиторию случайно забрела девица «очень легкого поведения», яркая, красивая, правда, несколько вульгарно накрашенная. Она столь призывно взглянула на лектора, что ему сразу же захотелось объявить перерыв. Что он и сделал, удалившись со «студенткой» в неизвестном направлении… Лекция затем была успешно завершена.

Старый, мудрец Макс Планк (а точнее – Макс-Карл-Эрнст-Людвиг фон Планк), бессменный секретарь Прусской академии наук и председатель общества имени кайзера Вильгельма, объединявшего крупнейшие научно-исследовательские институты Германии, был одним из первых крупных ученых, кто всерьез заинтересовался дебютными статьями некоего А.Эйнштейна из Берна, опубликованными в «Анналах физики». С превеликими трудностями он отыскал его адрес и отправил письмо мало кому известному физику со своей лестной оценкой и более чем оптимистическим пророчеством: «Предвещаются после Вашей работы такие научные битвы, сравниться с которыми смогут лишь те, что велись когда-то за коперниковское мировоззрение…»

Маститый ученый также настоятельно советовал своим коллегам, профессорам Бернского университета Грунеру и Форстеру внимательно присмотреться к «этому юноше, я хочу сказать, одному из величайших физиков нашего времени», который мечтает всецело посвятить себя науке.

Когда в немецком университете имени Карла Фердинанда в Праге открылась вакансия ординарного профессора на кафедре теоретической физики, все тот же Макс Планк выдал Эйнштейну самые блестящие рекомендации: «Работа по теории относительности, возможно, по дерзости превосходит все, что было сделано до сих пор путем умозрительных построений и с применением теории познания. Неевклидова геометрия рядом с этим – просто детская игрушка… Если теория Эйнштейна окажется справедливой, на что я рассчитываю, его следует считать Коперником XX столетия».

Поначалу утверждение на должность проходило с трудом. Министерство не соглашалось из-за моего семитского происхождения, полагал Эйнштейн. Но когда волей императора Австро-Венгрии Франца Иосифа назначение все же состоялось, новоиспеченный профессор, заполняя анкету, в графе «Вероисповедание» упрямо указал – «Моисеево».

Так Альберт весной 1911 года перебрался в Прагу. Милеве было тяжело расставаться с привычной атмосферой Цюриха, переезжать куда-то, в совершенно незнакомый, чужой город, да еще с двумя детьми на руках, и начинать, по сути, все сначала. Но, тем не менее, она последовала за мужем, своим неугомонным кочевником.

За год с небольшим работы в Праге Эйнштейн приобрел немало друзей и столько же недоброжелателей. Он всегда искал и находил единомышленников. При этом не ограничивал круг своего интеллектуального общения только преподавателями. Профессор с неподдельной заинтересованностью встречался с историками, юристами, врачами, людьми, далекими от физики и математики. Им были доступны самые общие представления о времени и пространстве, порой наивные размышления о секретах мироздания, не искореженные устоявшимися и казавшимися незыблемыми догмами. У Эйнштейна их воззрения служили исходной точкой новых физических концепций.

Вдова богатого фармацевта Берта Фанта каждый четверг превращала свой дом на Староместской площади в салон пражских интеллектуалов. Кроме удовлетворения своих духовных запросов, мадам Берта преследовала и чисто земные цели: как-никак, две дочери были на выданье.

Именно в этом салоне Эйнштейн познакомился с молодым писателем Максом Бродом, историком, специалистом по санскриту Морицем Винтерницем, философами Хуго Бергманном и Мартином Бубером. Время от времени здесь появлялся и мало кому известный чиновник страховой компании Франц Кафка, который тихонько располагался где-нибудь в углу, пил кофе и

старался никому не мешать. (В то время, пожалуй, лишь Макс Брод знал, что Франц всерьез занимается литературой. Позже, кстати, именно Брод, к счастью, не исполнил посмертную волю друга – не сжег его рукописи, а опубликовал, прославив имя Кафки.)

С коллегами по кафедре Эйнштейн не находил дружеского взаимопонимания и реальной поддержки. Он видел: «*Они либо надменны, сохраняя аристократизм, либо раболепны*». Бесил бюрократизм: «*Бесконечно количество бумаг по поводу ничего не значащего дерьма*». Раздражала общепринятая профессорская униформа для особых случаев – треуголка с перьями, брюки с золотыми лампасами, генеральская шинель, шпага. А ко всему еще и обязательность визитов, участия в официальных церемониях и прочие докучливые фомальности. Например, всенепременное присутствие в траурных мероприятиях.

Однажды, шагая в скорбной колонне вслед за гробом совершенно не знакомого ему покойника, Альберт Эйнштейн не сдержался и шепнул на ухо какому-то профессору: «Знаете, присутствие на похоронах, по-моему, это то, что ты делаешь, дабы угодить людям вокруг… Мне это напоминает усердие, с которым мы чистим ботинки каждый день только потому, чтобы никто не сказал, что мы носим грязные ботинки».

Отрываясь по временам от работы над новой теорией гравитации, Эйнштейн любил постоять у окна своего кабинета, откуда был виден чудесный парк. По утрам там обычно прогуливались женщны, а во второй половине дня почему-то только мужчины. Кто – в одиночку, погруженный в свои раздумьях, некоторые же собирались в группы, что-то бурно обсуждая между собой. Профессор с большим интересом наблюдал за этой праздной, несколько странной публикой. Когда ему объяснили, что парк принадлежит крупной психиатрической лечебнице Богемии, а эти люди ее пациенты, Эйнштейн долго смеялся: «Теперь понятно. Это – сумасшедшие люди, которые не посвятили себя квантовой теории…»

Однако не столько подобное соседство угнетало и портило ему настроение, сколько никак не складывающиеся отношения с местной профессурой, непрекращающиеся межклановые дрязги и интриги.

Совсем иную атмосферу, искреннюю, теплую, творческую, он ощутил на первом съезде ведущих физиков Европы, которую в Брюсселе организовал бельгийский миллионер и меценат Эрнест Сольвей. Кого там только не было! И Планк, и Резерфорд, и Ланжевен, и Лоренц, и Пуанкаре… В перерыве между научными дискуссиями Макс Планк познакомил своего подопечного с

молодой высокой женщиной в черном платье:

– Мадам Мари Кюри – мсье Альберт Эйнштейн.

Женщина улыбнулась, сняла печатки, обнажив руки, обожженные лучами радия, и сказала:

– Вот реальное подтверждение энергии. Пароль: $E = mc^2$. Верно?

– Мадам, вы очаровательны…

Они много общались, и их симпатия оказалась взаимной.

А вскоре так случилось, что Альберт был вынужден вступиться за женскую честь Марии и протянуть ей дружескую руку помощи и поддержки. Сразу после сольвеевской конференции в Париже разразился грандиозный скандал, который непосредственным образом касался Мари Кюри и ее молодого возлюбленного Поля Ланжевена. Жена Ланжевена, узнав о романе своего мужа, наняла какого-то ушлого прохиндея, который проник в дом Кюри и выкрал любовную переписку. Эти письма взбешенная ревнивица передала в газеты. Разъяренная пуританская (?) французская публика и не менее высокоморальная пресса по возвращении Мари из Брюсселя устроили мадам форменную обструкцию: пикетировали ее дом, преследовали малолетних дочерей. Дошло до того, что секретарь Шведской академии написал несчастной женщине, что ей, пожалуй, не стоит приезжать в Стокгольм на торжественную церемонию вручения Нобелевской премии, которая была присуждена Марии Склодовской-Кюри за выдающиеся открытия в области химии. Но она приняла премию, хладнокровно заявив при этом, что не видит никакой принципиальной связи между своей научной работой и фактами ее личной жизни.

Восхищенный Эйнштейн тут же написал несгибаемой женщине:

«*Глубокоуважаемая мадам Кюри*!

Прошу не смеяться над моим решением написать Вам. Стоит признать, ничего целесообразного я Вам сейчас не поведаю. Но меня привело в ярость свинское поведение общественности по отношению к Вам. Я просто-напросто не могу об этом молчать – мне нужно выплеснуть эмоции. Однако я убежден, что такой тактичный человек, как Вы, особо и не обращает внимания на то, что о нем пишут, будь то хвалебная ода или же грязные сплетни, которые претендуют на то, чтобы стать сенсацией.

Должен Вам сказать, что восхищаюсь Вашим умом, энергией и харизмой, которую Вы излучаете, а также Вашей честностью, и, по правде говоря, я был неизмеримо рад возможности лично познакомиться с Вами тогда в Брюсселе. Скажу Вам больше… Все

те, кто не принадлежит к числу этих рептилий, чрезвычайно счастливы, что вообще имеют привилегию быть знакомыми с такими людьми, как Вы и Поль.

Если этот скандал, связанный с Вами, будет все еще продолжаться, и эти выродки так и не оставят Вас в покое, дам Вам совет: просто закройте глаза и вообще не читайте всю эту чепуху, лучше оставьте ее тем идиотам, для которых она состряпана.

С самыми наилучшими пожеланиями Ваш искренний друг Альберт Эйнштейн».

…Тем временем Эйнштейн решил все же навсегда покинуть Прагу. Город ему очень нравился. А люди… Люди встречались разные, «совсем чужие», как сообщил он другу Бессо.

Пора возвращаться в Цюрих, в свой Поли. Летом, перед началом учебного года, к нему в гости наведалась Мари Кюри вместе своими двумя очаровательными девочками – Ирен и Евой. Эйнштейн, прихватив с собой старшего сына Ганса-Альберта, предложил всей компанией совершить восхождение на удивительной красоты ледник Энгадин.

«Когда мы поднимались на кручу, – позже рассказывала отважная женщина, – и надо было внимательно следить за каждым шагом, Эйнштейн вдруг остановился и сказал: «Да, дорогая Мари, а задача, которая сейчас стоит передо мной, – это выяснить подлинный смысл закона падения тел в пустоте…» И потянулся за листком бумаги и карандашом, которые торчали у него в боковом кармане…»

Кюри его остановила: «Как бы нам сейчас не пришлось проверять этот закон на собственном примере!» Эйнштейн расхохотался, и восходители продолжили свой путь к непокоренной вершине.

Своеобразный был юмор у гениальных ученых…

Берлин, 1914 год и далее. Война объявлена. ОТО

Макс Планк, пристально следя за успехами и неудачами своего протеже, всячески настаивал на возвращении автора специальной теории относительности домой, в Германию. Благодаря его стараниям Прусская академия наук уже была готова избрать доктора Эйнштейна своим действительным членом. Берлинский научно-исследовательский центр предлагал ему возглавить физический институт на сказочных условиях: никаких административных обязанностей! Только наука! Столичный императорский университет гарантировал профессору Эйнштейну право читать лекции только тогда и столько, когда и сколько он сочтет необходимым. Возвращайтесь!

Наконец, в Цюрих на «открытую охоту» за Эйнштейном прибыла целая миссия в составе Планка и профессора Вальтера Нернста с супругами. Вновь обрисовав радужные перспективы, которые открываются перед Альбертом уже завтра, Планк поинтересовался, чем он занимается сейчас. Эйнштейн с энтузиазмом начал рассказывать ему о своих находках в области ОТО. Планк остановил его:

– Как старший товарищ я должен предостеречь вас против продолжения этой работы. Во-первых, у вас ничего не выйдет. А во-вторых, даже если вы добьетесь успеха, вам все равно никто не поверит.

Взяв минимум времени на раздумья, Эйнштейн сообщил, что дорогие гости узнают о его решении, если сегодня вечером они соизволят прогуляться по окрестностям Цюриха. Там он встретит Планка и Нернста и в случае согласия помашет им белым платочком. «Капитуляция» – маленький спектакль «режиссеру» Эйнштейну – к всеобщему удовольствию, удался. Он вообще обожал театральные эффекты. Друзья замечали: отдельные свойства актера, довольно средненького, непостижимым образом уживались в нем с его духовным величием.

Поддавшись на уговоры и щедрые посулы, Эйнштейн честно предупредил:

– Господа берлинцы, вы носитесь со мной, как с несушкой-рекордисткой. А я ведь сам не знаю, смогу ли еще снести хотя бы одно яйцо…

Макс Планк был человеком слова. Вместе с коллегами он составил особую рекомендацию Альберту Эйнштейну для принятия в члены Прусской академии. Уже весной он отправился

в Берлин. Слава бежала впереди. Журналисты крупного немецкого издания «Die Vesicle Zeitung», расталкивая конкурентов, чуть ли не на перроне вокзала атаковали Эйнштейна, предложив рассказать читателям их газеты о своей научной работе. В статье «О принципе относительности» автор касался, главным образом, проблем заветной ОТО. Публикация была полемична и завершалась вопросом: «*Является ли очерченная выше теория относительности в основном законченной, или же она представляет только первый шаг на пути дальнейшего развития?.. Даже физики, ценящие теорию относительности, еще не имеют единого мнения*».

2 июля 1914 года Альберт Эйнштейн стал членом Прусской академии наук. Напутствуя 35-летнего академика, Планк заметил: «По-настоящему вы любите то направление работы, которое позволяет личности проявить себя с наибольшей свободой». И выразил надежду, что немецкая экспедиция, которая вот-вот будет направлена в Крым для наблюдения солнечного затмения 21 августа 1914 года, предоставит все необходимые данные для проверки расчетов по искривлению лучей света, ранее произведенных господином Эйнштейном.

* * *

Но только какая там крымская экспедиция? Какое еще солнечное затмение?! 28 июля выстрелом юнца-провокатора Гаврилы Принципа в Сараево началось вселенское затмение на Земле – Первая мировая война!

Развернувшиеся военные действия перечеркивали все прежние перспективы и надежды. Преподавательская работа оказалась никчемной. Научные институты спешно переориентировались исключительно на выполнение заказов армии.

– Простите, господа, – отнекивался от настойчивых предложений Эйнштейн, которому паспорт традиционно нейтральной Швейцарии пока еще в какой-то степени служил некой индульгенцией, – но в настоящий момент я крайне занят одной неотложной теоретической проблемой. Извините…

Еще до начала военных действий профессор осмелился обнародовать свою непримиримо пацифистскую позицию: «*Я глубоко презираю тех, кто может с удовольствием маршировать в строю под музыку, эти люди получили мозги по ошибке – им хватило бы и спинного мозга. Нужно, чтобы исчез этот позор цивилизации. Командный героизм, путы оглупления,*

отвратительный дух национализма – как я ненавижу все это. Какой гнусной и презренной представляется мне война. Я бы скорее дал разрезать себя на куски, чем участвовать в таком подлом деле. Вопреки всему я верю в человечество и убежден: все эти химеры исчезли бы давно, если бы школа и пресса не извращали здравый смысл народов в интересах политического и делового мира».

Макс Планк и Альберт Эйнштейн оказались по разные стороны баррикад. Добро бы, если бы сугубо научных…

Коллеги по Прусской академии, используя имя прославленного ученого, заявили о своем бесспорном долге перед фатерляндом, о священной миссии Германии и о необходимости новой организации Европы. Около сотни интеллектуалов выступили с воззванием к немецкой нации в поддержку вторжения Германии в нейтральную Бельгию, именуя врага «русскими ордами, объединившимися с монголами и неграми для развязывания войны против белой расы». Авторы ура-патриотического обращения заклинали, предупреждая, что без германской военной силы «немецкая культура будет стерта с лица Земли. И мы как культурная нация – нация, которая дорожит наследием Гете, Бетховена и Канта, не менее священным, чем домашний очаг, – будем вести эту борьбу до самого конца».

Альберт Эйнштейн не собирался отмалчиваться. Вместе с друзьями-единомышленниками он подписал «Обращение к европейцам» с призывом объединить усилия тех, кому действительно дорога европейская цивилизация, стремиться к учреждению «Европейской лиги». Первым шагом на этом пути стало создание пацифистской организации «Лига за новое общество».

Другу Паулю Эренфесту Эйнштейн с горечью в сердце писал: «*Международная катастрофа тяжело отзывается во мне, человеке интернациональном. Тот, кто живет в это* «*великое время*», *начинает осознавать, что принадлежит сумасшедшему, опустившемуся виду, которому к тому же дарована свобода воли. Если бы был где-нибудь остров для доброжелательных и светлых людей, вот там хотел бы я быть пламенным патриотом*».

Снисходительно именуя национализм «детской болезнью, корью», Эйнштейн, видимо, все еще не забывая своих наблюдений за пациентами Богемской лечебницы, замечал: «*Я начинаю привыкать к теперешнему нездоровому ажиотажу, ибо сознательно отстраняюсь от всего, чем озабочено наше сумасшедшее общество. И в сумасшедшем доме служитель может жить спокойно. С сумасшедшими приходится считаться, ведь дом,*

в котором живешь, построен для них. Выбор же дома отчасти зависит от нас, хотя, впрочем, разница между всеми этими заведениями куда меньше, чем нам представляется в молодости».

Лидеру пацифистов того времени, знаменитому французскому писателю Ромену Роллану Эйнштейн с энтузиазмом и отчаянием написал: «*Из газет и при содействии союза «Новое Отечество» я узнал о смелости, с которой Вы выступили, чтобы устранить то тяжелое, что разделяет сейчас немецкий и французский народы. Это заставляет меня выразить Вам чувство моего горячего уважения. Пусть Ваш пример пробудит других людей от ослепления, которое охватило столько умов… Поблагодарят ли будущие поколения нашу Европу, в которой три столетия самой напряженной работы привели лишь к тому, что религиозное безумие сменилось безумием националистическим? Даже ученые различных стран ведут себя так, будто бы у них ампутировали головной мозг…*

Я предоставляю в ваше распоряжение мои слабые силы на тот случай, если вы сочтете разумным воспользоваться ими, учитывая мои связи с германскими и иностранными академиями.

Глубоко преданный вам Альберт Эйнштейн».

Когда осенью 1915 года они встретились в отеле на берегу Женевского озера, писатель был поражен: «Необычайно вольны его суждения о Германии, в которой он живет. Не всякий немец обладает такой свободой суждений. Другой человек страдал бы, чувствуя себя духовно изолированным в этот страшный год. Этот – нет. Он смеется».

Нет, не только смеется. Эйнштейн все больше задумывался над «проклятыми вопросами»: «*Как могло случиться, что эпоха, столь любящая культуру, могла оказаться так чудовищно безнравственной? Все больше и больше убеждаюсь, что милосердие и любовь к ближнему – ценнее и выше всего остального… Весь наш хваленый технический прогресс – да и вся наша цивилизация – подобны топору в руках психически больного преступника*».

Тем не менее, ученый сторонился каких-либо организованных форм борьбы за мир, неуступчиво отказываясь «ходить строем» даже в том самом союзе «Нового отечества», в создании которого принимал самое деятельное участие. У него, с юных лет ненавидящего любые формы насилия – Zwang, пацифизм имел, скорее всего, инстинктивную природу, нежели являлся плодом длительных интеллектуальных раздумий. Отвечая по данному поводу литературному секретарю Льва Толстого В. Булгакову, Эйнштейн писал: «*Понятие «насилие» является столь нечетким и общим, что, в конечном счете, под него попадает все – потому что*

мы причиняем вред всему живому… всем тем, что мы делаем… То, что мы делаем с чувством любви к творению Божьему, – это для меня «хорошо». Радоваться радостям ближнего и страдать его страданиям – вот лучшие ценности, которыми всегда можно руководствоваться… Считаю войну мерзкой хотя бы из-за тех чувств, которые делают ее возможной».

Его Отечеством оставалась наука. Конечно, ученый суеверно кокетничал, когда говорил, что не стоит сравнивать его с «несушкой-рекордисткой». Уже осенью 1915 года вышла в свет первая статья Эйнштейна, посвященная общей теории относительности (ОТО). Далее последовал еще ряд серьезных публикаций, которые окончательно обосновали самую выдающуюся, по признанию мировой общественности, научную идею XX века.

Он пытался более-менее популярно объяснить суть ее в книге «О специальной и общей теории относительности (общедоступное изложение)».

Итак, пространство деформируется объектами, и чем массивнее объект, тем больше эффект. Степень деформации или искривления пространства выше всего вблизи объекта, и становится все меньше и меньше по мере того, как расстояние от него увеличивается. Представьте, к примеру, что пространство – упругая резиновая простыня. Помещенный на нее камень, конечно, заставит ее прогнуться или деформироваться в этом месте. И чем тяжелее будет камень, тем, естественно, большим станет прогиб. Шарик, катящийся по поверхности простыни, будет отклоняться, проходя около камня. И по мере приближения к камню это отклонение будет расти. Если бы шарик смело прошел очень близко к камню, он стал бы многократно вращаться вокруг него.

Отсюда вывод: точно так же и в нашей Вселенной излучение и материальные объекты, проходя около массивных объектов, отклоняются кривизной пространства. Именно поэтому Земля вращается по орбите вокруг Солнца, а Луна – вокруг Земли, двигаясь по линии наименьшего сопротивления в поле, создаваемом Землей.

Понятно, господа? Да как сказать… Во всяком случае, сенатор Брэндиджи признавался: «У меня такое ощущение, как будто я бесцельно пространствовал с Алисой по Стране чудес и участвовал в чаепитии с Безумным Шляпником».

Время от времени Эйнштейна охватывало вполне объяснимое уныние: «*Меня постоянно угнетают безмерно трагические события, обременяющие нашу жизнь. Раньше я спасался, погружаясь в физику, но теперь уже и это не помогает*».

Кое-кто посмеивался, считая пустой тратой драгоценного времени внезапно возродившийся у Эйнштейна в период интенсивных исследований по ОТО интерес к экзотическим лабораторным экспериментам. А он писал другу Бессо: «*Эксперимент скоро закончится… Изумительная работа… Какую же изощренность демонстрирует природа, когда пытаешься проникнуть в ее тайны… Я все еще увлекаюсь проведением опытов*». Речь шла о гиромагнитных явлениях микрочастиц – о повороте свободно подвешенного образца при его намагничивании внешним магнитным полем.

Практические уроки Бернского патентного бюро все-таки сказывались. С Лео Сциллардом Эйнштейн запатентовал три типа холодильных машин, насосы для них, компрессоры. С Мюзамом измерял диаметр капилляров. После завершения работы с Гольдштейном над созданием слухового аппарата Эйнштейн выразил свои эмоции в стихотворной форме:

Я понял,
Что мыслителю порой
Немного техники
Несет отраду и покой…

Danke schon, господин директор Галлер!

Законная супруга по-прежнему оставалась в Цюрихе, обосновавшись с сыновьями в пансионате. На жизнь не жаловалась, тем более, что Альберт время от времени присылал из Берлина переводы. А когда этих денег не хватало, Милева подрабатывала уроками математики и игры на фортепьяно. Альберт писал ей: «*Я охотно посылал бы тебе больше денег, ноу меня самого их не осталось. Сам я живу более чем скромно, почти по-нищенски. Только так мы сможем отложить что-то для наших мальчиков*».

Что поделаешь, ведь жить ему приходилось, по сути, на две семьи, деля кров с кузиной Эльзой. Последняя, конечно, высказывала претензии Альберту, утверждая, что Милева бессовестно помыкает им как хочет. На что Эйнштейн решительно возражал: «*Я с полной убежденностью заявляю Вам, что считаю себя вполне достойным представителем своего пола. Надеюсь, у меня когда-нибудь появится возможность Вас в этом убедить*». И утешал страдающую любовницу: «*Отсутствие Милевы мне так приятно. Как ты видишь, я тоже получаю удовольствие от брака*».

Отдадим должное стойкости и настойчивости Милевы, которая из последних сил стремилась сохранить распадающиеся брачные узы. Она даже заботливо предупреждала ненавистную соперницу-разлучницу: «Надобно тебе знать, что ты – бесстыдная потаскуха, а посему желаю тебе всего самого наихудшего. Не надейся, что твоя судьба сложится лучше, чем моя».

Вся в слезах Эльза прибежала к Альберту:

– Прочти, что пишет твоя благоверная!

Эйнштейн мельком взглянул на письмецо Милевы и приобнял плачущую Эльзу:

– Дорогая, нет никаких причин, чтобы у тебя болела голова из-за моей жены. Еще раз заверяю тебя, что этой проблемы не существует. У нас с ней давным-давно разные спальни. И я рассматриваю свою так называемую жену в качестве служанки, которую я не могу уволить. Понятно?..

А друзьям в порыве откровения признавался: «*Когда я живу с Милевой, у меня ощущение, будто у меня под носом говно*».

Эйнштейн был бесконечно благодарен Эльзе за то, что она никогда не пересекала проведенную им самим демаркационную линию между его научным миром и семейной жизнью. Это давало

Эйнштейну свободу и возможность в любую минуту оставаться наедине с самим собой. Период некоторого творческого застоя в научных поисках, который случился с ним после расставания с Милевой, изнурительной болезни и обретения новой заботливой спутницы сменился всплеском новых открытий. В конце 1915 года он сообщал одному из коллег: «*Последний месяц был одним из самых тревожных и тяжелых в моей жизни, но и одним из наиболее успешных… Я понял, что мои прежние уравнения гравитационного поля были совершенно необоснованными. После того, как у меня исчезло всякое доверие к прежней теории, я ясно увидел, что удовлетворительное решение можно найти только на основе идеи Римана. К великой моей радости, выяснилось, что, кроме решения Ньютона как первого приближения, во втором приближении появилось смещение перигелия у Меркурия. Для отклонения света Солнцем получилось значение, вдвое больше прежнего… Как только вы изучите общую теорию относительности, вы убедитесь в ее правильности. Поэтому я ни слова не скажу в ее защиту…*»

Всего за годы войны он опубликовал, кроме книги об ОТО, еще около пятидесяти статей, что было просто ошеломительным результатом.

Работая, он забывал обо всем на свете, об отдыхе, о сне, о еде. Неожиданно навестившая отчима Марго, сразу отправилась на кухню.

– Альберт, а что это?!

В кастрюле с супом великий экспериментатор варил яйцо.

– Обед, – ответил он. – Сразу будет и первое блюдо, и второе. Попробуй, вкусно!

Беспорядочный образ жизни, неважное питание печально сказывались на общем состоянии здоровья ученого, особенно терзали его болезненные приступы, связанные с расстройством желудка, и прочие малоприятные проблемы пищеварения. Плюс ко всему потом добавилась желтуха и обострение болезни печени. Все заботы об Альберте взяла на себя Эльза, окружив беспокойного пациента материнским вниманием и заботой. Порой даже чрезмерными.

В конце концов, Эйнштейн все-таки решился проинформировать Милеву: «*Поскольку наша раздельная жизнь прошла проверку временем, я прошу тебя о разводе*». При этом заверял: «*Обещаю тебе, что когда получу Нобелевскую премию, то отдам тебе все деньги. Ты должна согласиться на развод, в противном случае ты вообще ничего не получишь*».

Суд признал их развод в феврале 1919 года на основании разъяснительного документа, в котором Эйнштейн был вынужден

сознаться в супружеской неверности и рукоприкладстве. Но позже он написал Милеве: «*С течением времени ты убедишься, что нет лучше экс-супруга, чем я, ибо я верен и честен*». А также просил не писать ему, пока она всерьез не соскучится по нему. На что Милева ответила: «Я все ждала и ждала скуки, но так и не дождалась – и не знаю, что с этим делать…»

* * *

Члены Нобелевского комитета оказались в затруднительном положении. При обсуждении кандидатур в области физики за 1917 год сразу три авторитетных ученых высказались в пользу Альберта Эйнштейна. При этом французский физик Пьер Вейс свою рекомендацию сформулировал в возвышенно-поэтическом стиле: «за его попытки обуздать неизвестное». Но, не отрицая несомненных заслуг физика-теоретика, ученые отмечали: «Теория относительности Эйнштейна независимо от ее возможных достоинств в других контекстах, не заслуживает Нобелевской премии». Иными словами, теория нуждалась в практическом подтверждении. Поскольку других кандидатов не было, а том году присуждение премии было отложено.

Союзником Эйнштейна выступил секретарь Британского Королевского астрономического общества Артур Эддингтон. Английский математик и астроном, воодушевленный теорией Эйнштейна, в частности, об искривлении световых лучей под воздействием гравитации, даже привнес в нее некоторые свои идеи.

Оставалось ждать полного солнечного затмения, чтобы сделать фотографии звездного света. Расчеты показывали, что наблюдать это удивительное природное явление возможно будет только в тропиках. Заблаговременно были подготовлены две экспедиции астрономов – одна под руководством Эндрю Кроммелина отправилась в местечко Собраль на северо-востоке Бразилии, другая, которую возглавил сам Артур Эддингтон, – на остров Принсипи у африканского побережья. Перед отъездом Эддингтон писал: «Эти экспедиции либо впервые докажут, что свет имеет вес (т. е. дадут значение Ньютона), либо подтвердят фантастическую теорию неевклидова пространства, выдвигаемую Эйнштейном, либо принесут результаты, которые будут иметь еще более далеко идущие последствия – покажут всякое отсутствие искривления».

Расчетная дата «Ч» уже была точно известна – 29 мая 1919 года.

…Утро этого дня не внушало оптимизма временным британским поселенцам острова Принсипи: лил непрерывный дождь. Эддингтон был в отчаянии: все подготовительные работы летели в тартарары! Наконец, только после полудня, около часа дня сквозь тучи робко выглянуло солнце. Астроном схватил фотоаппарат, приготовленные пластины – и с азартом принялся за работу. Всего 302 секунды длилась полная фаза затмения. Всего или целых 302 секунды? Только после осторожнейшей проявки фотографических пластин британский астроном смог облегченно вздохнуть: на 16-м кадре отчетливо получились отпечатки всех избранных для измерения звезд. А это значит? Значит, великая догадка Эйнштейна подтвердилась!

Вскоре поступила информация о том, что группа Кроммелина, которая работала в бразильском Собрале, со своей программой тоже справилась успешно.

Артур подозвал своего помощника и, смеясь, успокоил:

– Теперь вам уже не придется возвращаться домой одному.

Соль шутки поняли лишь они одни. Да еще, конечно, королевский астроном Фрэнк Дайсон, который, провожая их в дальний путь, сумрачно предрекал помощнику Эддингтона: «Если случится неудача, ваш шеф сойдет с ума, а вам придется вернуться Англию в одиночку».

Какова была реакция Эйнштейна на долгожданные известия от астрофизиков? Он отправился в лучший магазин музыкальных инструментов, купил новую скрипку, и весь вечер напролет играл любимые произведения Шуберта и Моцарта. Слушатели ему были ни к чему.

Осенью в Лондоне на совместном заседании Британского королевского общества и Королевского астрономического общества Артур Эддингтон доложил, что обе экспедиции наблюдали отклонения света вблизи Солнца в момент полного затмения, при этом измеренные отклонения поразительно точно совпали с предсказанным Эйнштейном значением. Тут же первооткрыватель электрона, нобелевский лауреат Джон Томсон торжественно провозгласил теорию Эйнштейна «одним из величайших – а может быть, и самым великим – достижением в истории человеческой мысли». Королевский астроном, директор Гринвичской обсерватории официально заявил, что результаты экспедиций, наблюдавших солнечное затмение, свидетельствуют о полной победе Эйнштейна над Ньютоном. При этом почтенный астроном с опаской оглянулся на портрет великого английского ученого, украшавший зал высокого собрания.

Так или иначе, идеи Альберта Эйнштейна действительно полностью разрушали общепринятые представления о законах

мироздания, которые прежде стояли, как «на трех слонах», на законах механики Исаака Ньютона. Своим гением создатель ОТО сумел подняться над привычным, устоявшимся пониманием мира, над математическими расчетами и выкладками, дав совершенно иное (физическое и философское) толкование «пространства-времени».

«*Где-то там был этот огромный мир, существующий независимо от нас, людей, и стоящий перед нами как огромная вечная загадка,* – говорил Эйнштейн, – *доступная, однако, по крайней мере, частично, нашему восприятию и нашему разуму. Изучение этого мира манило как освобождение…*»

Что касается Ньютона, то Эйнштейн напоминал: «*Природа для него была открытой книгой… Он был и экспериментатором, и теоретиком, и мастеровым, и художником… Он остался в воспоминаниях современников сильным, убежденным и одиноким*».

Хотя, возможно, он говорил и о себе самом тоже?..

Лондонская газета «Times» дипломатично предложила германскому ученому оценить вклад английских астрофизиков в подтверждение его теории.

– О, конечно, я сделаю это с радостью! Вы даете мне прекрасный шанс!

«*С великими и благородными традициями в вашей стране полностью согласуется то, что выдающиеся ученые должны были отдать много времени и сил, чтобы проверить смысл теории, которая была закончена и опубликована во время войны в стране ваших врагов…*

Вот еще один пример относительности (для развлечения читателей). Сейчас меня в Германии называют «немецким ученым», а в Англии я представлен как «швейцарский еврей». Но если бы мне было уготовано судьбой стать «bête noire» (неугодным), то произошло бы обратное: я оказался бы «швейцарским евреем» для немцев и «немецким ученым» для англичан».

Редакция газеты не удержалась от комментариев: «Последняя фраза – вполне простительная шутка. Однако хотелось бы отметить, что в духе своей теории доктор Эйнштейн не дал абсолютного описания собственной личности».

Эйнштейн – нет. Но зато газетчики постарались на славу: имя Альберта Эйнштейна, его ОТО триумфально шествовали по всему свету. Ученый снисходительно посмеивался, говоря по этому поводу:

– Мир стал похож на какой-то большой сумасшедший дом.

Каждый кучер или официант рассуждает о том, справедлива ли общая теория относительности.

Впрочем, уже давно планета стала похожа на дом умалишенных. Первые симптомы болезни обнаружились с началом мировой войны, а далее с последующей какой-то дикой, непонятной, азиатской революции в России. И фантастическая Эйнштейнова теория, едва обретя какие-то смутные для обывателя подтверждения, становилась предтечей новой, хотя и совершенно невнятной веры, как бы даруя людям спасительный лучик надежды на избавление от послевоенных ужасов и всяческих несчастий.

Прозорливые политики, искушенные мудрецы, услужливые говоруны-пропагандисты меняли сюртуки, фраки и мантии на замызганные плотницкие рубища, спасительную «соломинку», обнаруженную Эйнштейном, принялись выдавать за остов могучего плота, «Ноева ковчега», призванного избавить человечество от всех невзгод, уводя его в неведомый и заманчивый мир с грандиозными возможностями и перспективами. В сознании обывателя реальные очертания приобретали утопические картины фантастического путешествия во времени, из одного мира в другой посредством сообщающихся «черных дыр».

Замена старых истин новыми, пока еще туманными, заодно порождали опасения, неосознанные страхи. Оппонент Эйнштейна профессор небесной механики Колумбийского университета Чарльз Пур, по сути, повторял его слова о клиническом превращении мира в сумасшедший дом: «В последние годы весь мир находился в состоянии беспокойства, как физического, так и душевного. Возможно, что физический аспект этого беспокойства – война, забастовки, восстание большевиков – являются на самом деле зримыми проявлениями какого-то подспудного, глубокого нарушения, которое имеет всемирный характер», однако шел дальше и прямо упрекал своего европейского коллегу: «Тот же дух смятения проник и в науку…»

Но все равно создателя ОТО буквально засыпали бесчисленными предложениями и заявками на доклады и лекции со всего мира. Немецкие дипломаты информировали министерство иностранных дел: «Выступления господина Эйнштейна приносят пошатнувшемуся после войны авторитету Германии громадную пользу». Лекции физика делали для сближения вчера еще враждующих народов куда больше, нежели усилия дипломатов, разрушая стереотипный образ «тупого немца-солдафона».

* * *

Итак, 1919 год стал историческим, «звездным годом» для ученого Эйнштейна.

И он же принес решительные изменения в его личной жизни. 2 июня были наконец узаконены уже неприлично затянувшиеся интимные отношения с Эльзой Лёвенталь, двоюродной сестрой по материнской линии и троюродной по отцовской.

(Кстати, в столь причудливом на первый взгляд, матримониальном союзе никто не усматривал ничего противоестественного, аномального. Герман Эйнштейн и Паулина Кох, будущие родители Альберта, являлись двоюродным братом и сестрой. Эльза (в девичестве Эйнштейн) появилась на свет от аналогичного брака. Словом, генеалогическое древо Эйнштейнов таило немало проявлений «семейственности» в брачных отношениях).

Но, вообще-то, к браку как таковому Альберт Эйнштейн относился крайне отрицательно, считая, что супружеские отношения придумал «*какой-то боров, лишенный воображения*». Своим друзьям он не раз повторял, что «*брак – это неудачная попытка превратить короткий эпизод в нечто продолжительное*», что это – «*цивилизованная форма рабства*» и т. п.

Эльза была на три года старше, давно находилась в разводе с прежним супругом – неким мелким торговцем Лёвенталем, одна воспитывала двух вполне уже взрослых дочерей.

И здесь следует отметить, что в какой-то момент Альберт даже стоял перед выбором: а не соединить ли ему свою судьбу с Ильзе, старшей дочерью Эльзы? Кокетливая девица даже консультировалась по этому щекотливому вопросу со своим прежним любовником Георгом Николаи:

«*Ты – единственный человек, которому я могу доверить то, что скажу ниже, кто может дать мне совет… Ты помнишь, что мы недавно говорили о браке мамы с Альбертом, и ты сказал, что брак между Альбертом и мной был бы более правильным. Я никогда не думала об этом до вчерашнего дня. Вчера внезапно был поднят вопрос о том, желает ли Альберт жениться на маме или на мне. Этот вопрос, прозвучавший изначально в виде полушутки, в течение нескольких минут стал серьезным, и сейчас он должен рассматриваться всесторонне и серьезно.*

Сам Альберт отказывается принять окончательное решение. Он готов жениться либо на мне, либо на маме. Я знаю, что он любит меня так сильно, как, может быть, ни один мужчина меня любить не будет. Он мне даже сам об этом вчера сказал. С одной

стороны, он мог бы даже с большим удовольствием жениться на мне, так как я молода, и он мог бы со мной завести детей, что, естественно, невозможно в случае мамы, с другой – он слишком порядочный и любит маму слишком сильно, чтобы упоминать о такой возможности.

Ты знаешь, как наши с Альбертом взгляды близки, я его очень люблю, испытываю к нему огромное уважение. Если только есть истинные эмоции дружбы и товарищества, то именно их я испытываю по отношению к Альберту. Я никогда не имела ни малейшего желания физической близости с ним. В его случае – все наоборот. По крайней мере, с недавних пор. Он признался мне однажды, как трудно ему держать себя под контролем.

Третьей стороной… в этой странной и, конечно, очень смешной истории станет мама. Поскольку она еще не уверена твердо, что я действительно говорю серьезно, она позволила мне принимать решение совершенно свободно. Если бы она увидела, что я смогу быть счастлива только с Альбертом, она, несомненно отошла бы в сторону. Но для нее это было бы тяжелым испытанием. И поэтому я не знаю, было ли действительно справедливо, если бы я стала бороться с ней за то место, которое она добилась для себя теперь, после всех лет ее борьбы, когда она наконец у цели…

Я, двадцатилетняя глупышка, должна сделать такой серьезный выбор. Я сама с трудом могу поверить в это и чувствую себя очень несчастной… Помоги мне. Твоя Ильза».

Окончательный выбор сделала все-таки мать. С уверенным появлением Эльзы в жизни Эйнштейна друзья сразу ощутили перемены: «Альберт, в котором всегда было что-то богемное, стал жить жизнью буржуа средней руки… в доме, типичном для зажиточной берлинской семьи… с хорошей мебелью, коврами и картинами. Войдя, вы ощущали, что он тут чужой, как представитель богемы в гостях у буржуа».

По своему разумению фрау Эльза украсила гостиную огромным портретом одного из основателей сионизма Теодора Герцля. Тут же находились две внушительные копилки, в которые гости, в зависимости от содержимого своих портмоне и уровня национального сознания, оставляли пожертвования на поддержку движения. На все это хозяин дома не обращал внимания. Или делал вид, что не замечал странных новшеств в домашнем интерьере.

Раввин, нередко навещавший семейство великого теоретика, говорил, что «госпожа Эйнштейн поразительно похожа на своего мужа. Она тоже невысокая и плотная, волосы у нее не такие

седые, как у мужа, но вьются так же, как у него, мелкими волнами. Даже одеты они с мужем были почти одинаково: на ней тоже брюки и свитер». Наблюдательные дамы хихикали над некоторыми странностями Эльзы. Страдая близорукостью, она, тем не менее, напрочь отказалась от очков, предпочитая аристократический лорнет, из-за чего в японском ресторане, например, случались конфузы: изысканную икебану дама могла принять за оригинальный салат, и орхидеи безвинно гибли под острым ножом.

Зато Эльзе удавалось окружать покоем и комфортом хозяина дома, угадывать самые неожиданные желания своего непредсказуемого Альберта. «Мы стараемся ему не мешать, – рассказывала она. – Мы незаметно ставим ему еду и достаем пальто. Иногда он даже в холод выходит из дома без пальто и шляпы. Потом возвращается, и вот уже на лестнице слышны его шаги…»

Спальни супругов находились в разных концах длинного коридора. Эльза, смеясь, объясняла это тем, что муж невероятно громко храпит и спать с ним рядом просто нет никакой возможности. Иногда ночью он выходил из своей комнаты со скрипкой в руках и отправлялся музицировать на кухню. По его мнению, облицованная кафелем кухня обладала самой лучшей в доме акустикой.

Распорядок рабочего дня? Для Эйнштейна это был странный вопрос. «Работать – значит думать, – говорил он. – Поэтому точно учесть рабочий график не всегда легко. Обычно я работаю от 4 до 6 часов в день. Я не слишком прилежен».

И еще. Эльза безропотно закрывала глаза, когда Эйнштейн отправлялся на своей яхте в дальнее плавание, и не всегда одиночное. А возвращался, как правило, ночью или на рассвете. Или не возвращался вовсе. Когда некоторые из женщин после ужина благоволили остаться на ночь, Эльза провожала гостью в подготовленную комнату, а сама как ни в чем не бывало оправлялась к себе в спальню и засыпала в одиночестве. Зато утром Альберта всегда ждала чашка горячего кофе.

Она полагала, что гений, подобный ее мужу, не может быть безупречен во всех отношениях. И в приторных знаках внимания, которые оказывали ее Альберту посторонние женщины, видела пусть обременительные, но обязательные элементы атрибутов славы, и только. Друзья дома горячо поддерживали ее заблуждения и заверяли, что поклонницы Эйнштейна – дамы, случайно попавшие в XX век из эпохи романтизма с присущим ей культом блестящих гениев, замечательных героев и отважных рыцарей.

За годы второго супружества сексуальные вкусы Эйнштейна существенно изменились. Его уже мало интересовали случайные потаскушки. Как правило, ученого окружали знатные богатые дамы, которые могли позволить себе любой каприз. Например, прикатить за Альбертом в шикарном лимузине и увезти невесть куда на целый день. Провожая мужа на прогулку, Эльза тайком совала ему в карман деньги на карманные расходы.

Роскошная вдова фрау Тони Мендель, приезжая за «своим профессором», между прочим, никогда не забывала при этом «подсластить пилюлю», прихватывая для Эльзы шоколад и прочие лакомства. Но потом увозила Эйнштейна на театральные вечера, а далее к себе на виллу. Где он вынужден был оставаться на ночь, чтобы потешить милую фрау Тони чем-нибудь из классики XVIII века. Не менее настойчивой была и владелица сети цветочных салонов госпожа Эстелла Каценелленбоген. Потом целое лето у Эйнштейна длился роман с роскошной блондинкой Маргарет Лебах. Еженедельно она приезжала к Эйнштейну в Капут, чтобы угостить его супругу ванильными булочками собственной выпечки. Отведав гостинцев, Эльза благоразумно исчезала на весь день «за покупками», предоставляя гостье мужа полную свободу гулять по берегу живописного озера и собирать кувшинки…

Эйнштейн ухаживал за своими пассиями порой наивно, как ребенок, который, увидев изумительную игрушку, ни за что на свете не хотел с ней расставаться. Оправдывался тем, что научные исследования, поиски истины и красоты – это та уникальная сфера деятельности, в которой позволено всю жизнь оставаться детьми. Юношеская бесшабашность и безоглядность, ярко проявлявшиеся в нем в периоды влюбленности, по мнению Эльзы, просто были украдены у Альбертля тем ранним браком с Милевой.

Благонравная Эльза испытывала к мужу больше материнских, нежели супружеских, чувств, обращаясь с ним как с любимым, порой капризным ребенком, которому прощалось все. Она учила его пользоваться зубной щеткой, запрещала появляться в гостиной перед посторонними в халате, надевать туфли без носков. Отбывая в свои многочисленные зарубежные поездки, Эйнштейн по-школярски добросовестно отчитывался перед ней о своих бытовых делах (иные ее мало интересовали): «*Мое пребывание здесь подходит к концу, – сообщал он ей из Оксфорда. – Это было хорошее время, и я уже начинаю привыкать к смокингу, так же, как я привык когда-то к зубной щетке. Однако даже в самых торжественных случаях я уходил без носков и прятал нехватку цивилизованности в высоких ботинках*».

В благодарность за внимание она высылала ему по почте в

плотных пакетиках обожаемые Альбертлем хрустящие гусиные шкварки. Он уверял, что эти послания трогают его гораздо больше, чем самые прекрасные любовные стихи.

Мишель Бессо восхищался своим другом: «Более всего меня поражала его способность долгие годы жить не только в мире, но и в настоящем согласии с этой женщиной».

Участники званого обеда во Франкфурте вспоминали, как Эйнштейн после окончания трапезы изъявил желание принять участие в камерном концерте. Его тут же окружила толпа бойких поклонниц, которые (коль уж не случилось поцеловать) осыпали его комплиментами. Многие из них были хороши собой, обольстительны, и почти все жаждали общения более близкого, чем то, на которое претендовали в самом начале светского знакомства. Некоторые, добиваясь встречи с ним, прибегали к хитроумным стратегическим или тактическим уловкам, другие действовали с ошеломляющей простотой.

Некая видная мадам, знакомясь с Эйнштейном, тут же обернулась к Эльзе и без обиняков спросила: «А могу я поговорить несколько минут с профессором тет-а-тет?», на что последовал тактичный ответ – «Да, безусловно, можете» – и понимающая улыбка мужу.

Не менее пылкая представительница слабого пола прямо предложила Эйнштейну вступить с нею в интимную связь, чтобы завести замечательное потомство: «Представьте, дорогой, что они будут так же умны, как вы, и прекрасны, как я».

– Прекрасная идея! – тут же оценил ученый. – Но что, если произойдет совсем наоборот?

Обычно экзальтированные особы покидали дом ученого в полной уверенности, что Эйнштейн спиритуалист, верящий в «четвертое измерение». Болтушка Герта Валдоу, служившая у Эйнштейна горничной, без устали твердила на каждом углу: «Как ему нравятся красивые женщины! А они его – так просто обожают!» Он действительно не оставлял без внимания ни одной юбки, включая домашнюю прислугу. И не предпринимал попыток поиска женщин по каким-то своим особым приметам, мечтаниям, предпочитая брать под ручку тех, кто оказывался рядом. Но каждую придерживал на расстоянии.

Разумеется, незаурядный темперамент Эйнштейна был для Эльзы неразрешимой проблемой. С удручающей точностью сбывались мрачные пророчества фрау Милевы Марич…

Ученому крайне необходима была надежная помощница в повседневных делах, которая бы строго следила за его рабочим графиком, поддерживала порядок в бумагах, организовывала деловые встречи и пр.

Один из друзей Эйнштейна порекомендовал ему взять в качестве секретаря свою племянницу. Юная Бетти Найман всем была хороша, и Эйнштейн вскоре забыл, что девушка должна так же исполнять еще и служебные обязанности. Его бурный роман с Бетти не стал секретом для бдительной Эльзы. В конце концов, она смирилась, но предъявила ультиматум: если уж ты, милый муженек, не в состоянии обойтись без сексуальных услуг этой особы, будь добр встречаться с ней не чаще двух раз в неделю. И при этом отказаться от всех прочих любовниц. Идея Эйнштейна: «Жить втроем!» – энтузиазма у женщин не вызвала.

Элен Дюкас в жизни ученого появилась в 1928 году. В тот момент Эйнштейн уже четвертый месяц валялся в постели, его мучили сердечные недомогания, и фрау Эльза совсем сбивалась с ног. Уход за больным, бесконечные хлопоты по дому, дети… Еврейская сиротская организация, где она была президентом, порекомендовала ей рассмотреть в качестве возможного секретаря нобелевского лауреата кандидатуру фройляйн Элен. Симпатичная, высокая, стройная женщина с твердым, как позже обнаружилось, характером, сразу пришлась ко двору. Она приглянулась и хозяйке, и главное – хозяину дома. Он сразу оценил и внешний вид будущей помощницы, и своего доверенного лица, и ум, и даже острый язычок. То, что милая девушка не имела образования, значения не имело. При первой встрече с Дюкас Эйнштейн протянул к ней руки и воскликнул: «Покойник к вашим услугам!»

У Элен были и другие, чисто женские достоинства, которые весьма высоко ценил отец релятивизма. Хотя она упорно отрицала какие-либо внеслужебные отношения с патроном, утверждая, что обычно Эйнштейн проявлял к ней не больше нежных чувств, чем к столу или стулу. Очень скоро к Элен все стали относиться, как к полноценному члену семьи. Именно она стала домашним гением Эйнштейна, снимая с гения тяготы повседневной жизни одной ей известным способом.

Кстати, накануне смерти Эйнштейн именно Дюкас завещал не только личные вещи и книги, но и 20 тысяч долларов (на пять больше, чем больному сыну Эдуарду и вдвое больше, чем Гансу), но самое главное – предоставил ей пожизненное право получать гонорары от публикаций его книг и статей. Дюкас под семью замками надежно хранила все – семейные, сугубо личные, научные – секреты Эйнштейна от чужих глаз, ушей и жадных, загребущих рук.

Зашифровав в своей шутливой «формуле успеха» (A = X + Y + Z) в слагаемом «Z» умение держать язык за зубами, он знал одно: «*Уникальность вашего творчества зачастую зависит от*

того, насколько хорошо вы умеете прятать свои источники. Вас могут вдохновить другие великие люди, но если вы в положении, когда на вас смотрит весь мир, ваши идеи должны выглядеть уникальными».

Хотя Эйнштейна, конечно же, куда больше занимали проблемы мировоззренческие, нежели нюансы супружеской жизни и взаимоотношения полов: «*Я хочу узнать, как Бог создал мир. Мне не интересны те или иные явления в спектре того или иного элемента. Я хочу знать Его мысли, остальное – это детали*». А о своей душе говорил: «*Я действительно одинокий путник, который не принадлежит всем сердцем ни государству; ни родине, ни друзьям, ни семье… Не знаю, почему меня никто не понимает, но каждый любит*».

* * *

Женщины с первого взгляда очаровывались Альбертом, считая его особым, светлым, просто «светящимся человеком». Создатель и руководитель московского театра для детей Наталья Сац на всю жизнь запомнила свою случайную встречу с Эйнштейном во время берлинских гастролей в начале 30-х годов прошлого века. Она даже не догадывалась, что перед ней великий физик, просто любовалась импозантным мужчиной: «Где я видела эти черные, одна выше, другая ниже, словно в пляске, брови, большие карие смеющиеся и такие лучистые глаза, мягкий подбородок, высокий лоб, черно-седые волосы, которым, видимо, очень весело и свободно на этой голове?.. Галстук набок, обжитой пиджак…»

После спектакля «Фальстаф» в Кролль-опере Наталье Ильиничне передали, что чета Эйнштейн приглашают ее провести воскресенье у них на вилле «Капут». Накануне визита бедная женщина два дня, не смыкая глаз, штудировала книги ученого, доставленные ей из советского посольства. Потом грустно признавалась: «Труды Эйнштейна для меня явно трудны… Непривычные слова не «оседали», а кружились в голове – получалась какая-то чертова мельница… В памяти одиноко торчало слово «относительность – Relativist». Еще вспомнила, что девяносто девятый элемент в менделеевской таблице, кажется, получил название «эйнштейний». И, на всякий случай, заучила образное толкование общей теории относительности, которое Эйнштейн придумал для своего 9-летнего сына Эдуарда: «*Когда слепой жук ползет по изогнутому суку, он не замечает, что сук изогнут. Мне посчастливилось заметить то, что не видел жук,*

что сук кривой».

Но московская гостья понапрасну волновалась. Никаких научных дискуссий ничуть не предполагалось. Эйнштейн, встретив ее в саду, для начала активно вовлек Наташу в полив клубничных грядок, потом в отчаянную борьбу с сорняками. Она исподволь наблюдала за небожителем эпохи: «Мне хотелось, чтобы он говорил, заучивать его афоризмы, а он хотел молчать… Переключил энергию мозга на физическую, окунувшись с головой в милые дачные работы. Но мысли… они ведь непослушные! Какой огромный у него лоб, сколько жизни в глазах – все видят, все время в движении, может быть, именно сейчас новое открытие зреет под черно-серебряными непослушными волосами? Как хорошо работать на грядке рядом с ним…»

Далее был обед. Все по-семейному, без церемоний, прислуги и лакеев. Но все равно, когда она решилась произнести заранее подготовленный для нее тост, то от волнения сбилась и, путая слова, но с торжественной дрожью в голосе ляпнула совсем уж несуразное: вместо «советское юношество» – «советские артисты хорошо знают теории Эйнштейна…»

Хозяин дома искренне удивился:

– А зачем им это нужно? Пусть каждый занимается своим делом…

В конце концов, разговор перешел на привычные темы – об искусстве, о музыке. И вот Эйнштейн принес свою скрипку и попросил Сац поаккомпанировать ему:

– Мы тут уже почти все русские, поэтому давайте играть Чайковского… Дайте, пожалуйста, «ля»…

И вновь впечатался, как фотокарточка, в ее память облик полностью погруженного в музыку ученого: «Лоб огромный, выпуклый, озорные – одна выше, другая ниже – широкие брови, черные щеткой усы, черно-серебряные волосы в разные стороны. В вечной динамике, как-то набок, углы ворота рубахи, пуловер – все, что на нем надето, и поразительно звездные, смеющие глазищи, с великой мудростью познавшие вселенную и по-детски не перестающие удивляться чудесам этой вселенной, всему, что он видит…»

Старый Свет, Новый Свет. Единство пространства и времени

– А я и не ожидал ничего другого, – весело сказал Эйнштейн, когда ему сообщили об окончательных результатах обработки данных английских экспедиций английских астрономов. – Мое убеждение в том, что предсказание моей теории состоится, было не меньшим, чем… Чем уверенность в том, что сегодня вторник, а не пятница. Все правильно, все справедливо. И я благодарен судьбе, что дожил до этого известия… Вот и все.

Нет, не все. Успех Эйнштейна достиг уже поистине астрономического, планетарного масштаба.

Швейцарские друзья-физики разродились стихотворным приветствием национальному герою:

Вмиг изчезли все сомненья —
Луч подвергнут искривленью.
Звездный луч издалека —
Славен наш Альберт в веках!

Не Бог весть какое достижение поэтической мысли, но автор ОТО был тронут.

Искривленное пространство и отклонение световых лучей были у всех на устах, эта мудреная, весьма специфичная лексика завораживала податливую публику. Портреты Эйнштейна заполонили первые полосы мировых изданий. Заголовки европейских и американских газет приковывали всеобщее внимание: «Революция в науке! Эйнштейн против Ньютона!», «Новая теория строения Вселенной», «Альберт Эйнштейн – новый гигант мировой истории!», «Лучи изогнуты, физики в смятении. Теория Эйнштейна торжествует!». 7 ноября 1919 года лондонская «Таймс» констатировала окончательный переворот в физике, опубликовав статью «Ниспровержение теории Ньютона!»

– Да нет же! – пытался урезонить ниспровергателей Эйнштейн. – При каждом очередной повороте научной мысли новые слова кладутся на старую музыку, а те, которые звучали прежде, не вычеркиваются, а подправляются, корректируются.

В мировых столицах стихийно собирались многолюдные митинги, на которых сторонники и противники Эйнштейна вдохновенно и самозабвенно лупили друг друга, а после сливались в жарких объятиях. В честь Эйнштейна уже называли

младенцев, телескопы, башни. Владелец сигарной фабрики раструбил на весь мир, что новый сорт его сигар назван «Rekativist» («Относительность»). Французские журналисты остроумно именовали Альберта Эйнштейна «Гинденбургом немецкой науки»: генерал-фельдмаршалу в 1914 году не удалось покорить Париж, зато это легко сделал после войны остроумный, общительный и обаятельный профессор из Берлина.

Альберт Эйнштейн стал для массового сознания символом великого ученого, новым идолом. Он вызывал благоговение даже у людей, имевших самое смутное представление о физике и сути его открытий и предвидений. По этому поводу британская газета «Таймс» иронизировала: во всем мире только 12 человек поняли теорию Эйнштейна. Возможно, даже еще меньше.

Даже знаменитый Конрад Рентген разочарованно разводил руками: «Все это никак не укладывается в голове». А нобелевский лауреат Джозеф Томсон сетовал: «Возможно, Эйнштейну и принадлежит самое большое достижение в истории человеческой мысли, но никто пока не преуспел в том, чтобы на ясном и понятном языке изложить, что же в действительности представляет собой теория Эйнштейна». Французский математик Эмиль Пикар и вовсе признался: «От такого предмета, как относительность, у меня в глазах темнеет». На что Эйнштейн реагировал в своей манере: «*Есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Хотя насчет Вселенной я не вполне уверен*».

Да, пожалуй, ученому-теоретику не позавидуешь, невесело вздыхал он, оставаясь наедине с самим собой. Природа, точнее эксперимент, – неумолимый и не очень дружелюбный судья его работы. Он никогда не говорит теории «Да». В лучшем случае он говорит «Возможно», а в подавляющем большинстве – просто «Нет». Если опыт согласуется с теорией, это означает для теории «Возможно»; если не согласуется, это означает «Нет». Вероятно, каждая теория рано или поздно услышит свое «нет», а большинство теорий слышит это сразу после рождения…

К невиданной популярности Эйнштейн относился все-таки как к должному, понимая масштаб своей личности и совершенных им открытий. Хотя, конечно, иронией всячески пытался маскировать свои потаенные чувства: «*Слава делает меня еще глупее и глупее, что, впрочем, вполне обычно. Существует громадный разрыв между тем, что человек собою представляет, и тем, что другие о нем думают или, по крайней мере, говорят вслух. Но все это нужно принимать беззлобно*».

Он прекрасно понимал: «*От меня хотят статей, заявлений, фотографий и пр. Все это напоминает сказку о новом платье короля и отдает безумием, но безобидным*».

Завистники и недруги шептались за его спиной: если бы он на самом деле противился паблисити, рекламе, их бы и не было. Это не столь уж сложно. Никто не понуждает этого Эйнштейна колесить по белому свету. Тяготишься невиданной славой – поезжай в свой несчастный швабский Ульм и блаженствуй в полной тишине и абсолютной безвестности. Так нет же!.. Слаб человек, слаб. Или как там – ничто человеческое мне не чуждо?..

В апреле 1921 года Эйнштейн впервые ступил на землю американского континента. В Штатах его встречали огромные толпы людей. Репортеры и фотокорреспонденты сбивались с ног, эмансипированные девицы были готовы отдаться ему прямо при публике.

– По-видимому, для них это нечто вроде цирка Барнума, – пошутил Эйнштейн, обращаясь к Эльзе, которая глазела на бродвейское шествие в честь мужа. – Но я почему-то убежден, что им было бы куда интереснее увидеть слона или жирафа, чем немолодого ученого, ей-богу.

Журнал «Scientific American» объявил открытый конкурс среди своих читателей на самое доступное толкование теории относительности с призом в 5 тысяч долларов. Участников набралось более чем достаточно. Эйнштейн по своему обыкновению шутил, что стал единственным, кто от участия в нем отказался: «Боялся, что не справлюсь».

Правда, выступая перед студенческой аудиторией, попытался разбавить сухой текст лекции о времени и пространстве легкомысленным, но вполне доступным примером: «Час, проведенный с девушкой на скамейке в парке, пролетает как минута, а минута сидения на горячей плите тянется, как час».

На одной из пресс-конференций бойкая журналистка обратилась к ученому с глубокомысленным, по ее мнению, вопросом: «Не могли бы вы объяснить мне связь между временем и вечностью?» Ошарашенный Эйнштейн пристально посмотрел на нее и без тени улыбки ответил: «Видите ли, если бы у меня хватило времени, чтобы вам это объяснить, вам бы, мисс, понадобилась вечность, чтобы это понять».

В Вашингтоне Эйнштейна принимал президент Уоррен Гардинг, а в Капитолии в честь именитого гостя утвердили специальную приветственную резолюцию Конгресса. Правда, не обошлось без конфуза. Перед голосованием по принятию документа почтенный сенатор Пенроуз из штата Коннектикут честно заявил: «Господин председатель, у меня дома имеется книга означенного мистера Эйнштейна. И я должен вам заявить, что я почти полностью потерял свои умственные способности, когда пытался понять эту книгу. Поэтому я считаю, что сенату

нашей великой страны, возможно, не столь уж необходимо принимать резолюцию с приветствием помянутому Эйнштейну…»

Но большинством голосов резолюция все же была принята. Заодно великому физику было присвоено звание почетного гражданина Нью-Йорка. Впрочем, мистер Эйнштейн куда больше гордился другим своим титулом – «Великого Родича» (читай: «Великого Вождя Относительности»), которым его удостоили в Большом Каньоне при посещении индейской резервации.

В нью-йоркской протестантской церкви Риверсайд-Чёрч высокого гостя подвели к огромному каменному барельефу с изображением святых, пророков, королей, философов, ученых. Среди шестисот скульптур рядом с Архимедом, Галилеем и Ньютоном Эйнштейн обнаружил и свое изваяние.

– Я мог бы еще предположить, – сказал пастору смущенный физик, – что из меня можно сделать еврейского пророка… Но мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь я смогу превратиться в протестантского пророка…

А в Англии, на причале Ливерпульского порта, ученого приветствовали Томсон и Резерфорд. Для выступлений Эйнштейну предоставляли большие концертные площадки. Знаменитый Лондонский эстрадный театр «Палладиум» предложил ему сцену, чтобы он три недели вел собственную программу. Что говорить об ажиотаже, если дочь лорда Холдейна, под чьим кровом гостю было предложено остановиться, при встрече с Эйнштейном упала в обморок.

Ему понравилась Великобритания, по душе пришлись англичане, но консервативная незыблемость традиций, правил, обычаев, нравов, что в совокупности составляло британское понимание «образа жизни», смущало, смешило и даже пугало. Он потом, хохоча, рассказывал друзьям как раз не об обмороке молодой впечатлительной англичанки, а о том, как его встретил дворецкий и все присутствующие в сановном доме были во фраках и смокингах. Сопровождавший Эйнштейнов слуга, показав предназначенные супругам апартаменты, остался у двери в немом ожидании дальнейших распоряжений. Эйнштейн косо посмотрел на лакея, потом на Эльзу и тихо спросил:

– Как ты думаешь, они нас выпустят, если мы попытаемся убежать?..

На торжественном обеде в Крайст-Черч оказалось еще больше фраков и смокингов. И ему уже стало казаться, что все англичане большую часть времени заняты только тем, что по разным поводам переодеваются. Нет-нет, господа, это не для меня!

– Всех вас восемь человек, только восемь! – приветствовал Эйнштейна великий остроумец Бернард Шоу при знакомстве в

том самом Крайст-Черче.

– Как? – Эйнштейн не понял смысла тирады драматурга и смутился.

Тогда Шоу принялся объяснять, загибая при этом пальцы: Пифагор, Птолемей, Аристотель, Коперник, Галилей, Кеплер, Ньютон и вы, сэр. Восемь!

Затем Королевское общество чествовало ученого в стенах колледжа Троицы, где некогда жил и работал великий Исаак Ньютон. «То, кем Ньютон был для восемнадцатого столетия, тем Эйнштейн стал для века двадцатого, – провозгласил председатель. – Признать этот факт англичанам, возможно, нелегко, но, как видите, они его признают».

«*Прости меня, Ньютон*! – говорил Эйнштейн. – *Ты нашел единственно возможный для своего времени путь, который был доступен человеку величайшей мысли, каким был ты… Но сегодня мы уже знаем, что для более глубокого постижения мировых связей мы должны заменить твои понятия другими, более удаленными от сферы непосредственного опыта…*»

Во время одного из приемов рядом с Эйнштейном усадили архиепископа Кентерберийского. Просвещенный духовный сан, улучив подходящий момент, с тайной надеждой спросил ученого, какое отношение теория относительности имеет к религии? «Ровным счетом никакого, – развел руками Эйнштейн. – Увы, ничем не могу помочь».

Тогда же Бернард Шоу не удержался и сказал: «Ньютон создал Вселенную, которая существовала последние двести лет. Сколько будет существовать Вселенная, созданная Эйнштейном, мы пока не знаем».

Именитый английский писатель Чарльз Перси Сноу наблюдал за прославленным ученым с любопытством естествоиспытателя: «Вблизи Эйнштейн оказался таким, каким я и представлял себе, – величественный, лицо светилось мягким юмором. У него был высокий, покрытый морщинами лоб, пышная шапка седых волос и огромные, навыкате, темно-карие глаза. Я не могу сказать, за кого можно было бы принять его. Один остроумный швейцарец сказал, что у Эйнштейна простое лицо ремесленника и выглядит он, как старомодный, солидный часовых дел мастер из маленького городка, занимающийся, наверное, по воскресеньям ловлей бабочек.

Меня удивило его телосложение. Он только что вернулся с прогулки на парусной лодке и был в одних шортах. Его массивное тело было очень мускулистым; правда, он уже несколько располнел, но выглядел еще весьма крепким и всю жизнь, должно быть, отличался физической силой».

И у такого крепыша-оптимиста журналисты допытывались, о чем тот станет размышлять на смертном одре: удалась ли жизнь? Осерчавший ученый им отвечал: «*Ни на смертном одре, ни ранее не стану я задавать себе такого вопроса. Природа – не инженер и не подрядчик: я сам – часть Природы*».

Неутомимого ученого манили дальние страны и новые впечатления. Как замечал тот же наблюдательный Сноу, он бродил по свету, как странствующий музыкант. Жаловался каждому и самому себе на тяжкое бремя популярности и питал одновременно слабость к фотографам и толпе.

В Китае студенты несли лауреата на руках по улице Нанкина. Возвращаясь после зимнего цикла лекций в Японии, Эйнштейн решил немного отклониться от маршрута и посетить Палестину. Он пробыл там две недели. Британский верховный комиссар поселил супругов в своем дворце и взял на себя роль гида. При каждом выезде из резиденции раздавался пушечный залп, а за машиной следовали кавалеристы в парадных мундирах. Эйнштейн стал почетным гостем на церемонии закладки будущего Еврейского университета в Иерусалиме на горе Скопус. И здесь, прямо на строительной площадке, он прочитал лекцию:

«*Вплоть до недавнего времени я жил в Швейцарии, и пока был там, я не сознавал своего еврейства… Когда я приехал в Германию, я впервые узнал, что я еврей, причем сделать это открытие помогли мне больше неевреи, чем евреи… Тогда я понял, что лишь совместное дело, которое будет дорого всем евреям в мире, может привести к возрождению народа.*

Если бы нам не приходилось жить среди нетерпимых, бездушных и жестоких людей, я бы первый отверг национализм в пользу универсальной человечности».

Во время путешествия радиограмма принесла Эйнштейну весть о присуждении ему Нобелевской премии по физике за 1921 год. На церемонии вручения лауреат присутствовать, естественно, не мог.

Секретарь Шведской академии наук Кристофер Аурвиллиус информировал его: «Как я уже сообщал Вам телеграммой, Королевская академия наук на своем вчерашнем заседании приняла решение присудить Вам премию по физике за прошедший (1921) год, отмечая тем самым Ваши работы по теоретической физике, в частности, открытие закона фотоэлектрического эффекта, не учитывая при этом Ваши работы по теории относительности и теории гравитации, которые будут оценены после их подтверждения в будущем».

Но, естественно, свою нобелевскую лекцию в Гетеборге лауреат посвятил исключительно теории относительности, игнорируя формулировку Нобелевского комитета, успешно увеличивая армию своих сторонников.

– Классическая механика позволяет отличать (абсолютно) неускоренные и ускоренные движения; она также утверждает, что скорости существуют только в относительном смысле, зависящем от выбора инерционной системы отсчета… В соответствии с классической механикой существует «относительность скорости», но не «относительность ускорения». Вы согласны со мной, господа?..

Что касается денежного эквивалента Нобелевской премии, то Эйнштейн слово сдержал, и половину суммы передал Милеве.

Одновременно он старался всячески отгородиться по постоянного (порой бестактного) присутствия Эльзы рядом с собой. Последней каплей стал скандальный эпизод, случившийся во время поездки в Японию. Утром организаторы лекционного турне сообщили гостю, что на площади перед отелем ночью собралась толпа людей, жаждущих увидеть своего кумира. Эйнштейн вышел на балкон, поднял приветственно руки – и эти люди в оцепенении от восторга опустились на колени. Услыхав какую-то возню за спиной, ученый оглянулся и увидел, как на балкон в домашнем халате и бигудях выползает Эльза, тоже, видимо, вознамерившись пообщаться с японскими почитателями общей теории относительности. Осерчав, Эйнштейн тут же удалился в гостиничный номер и на ключ запер за собой дверь. Позже мисс Дюкас, наводя порядок на его письменном столе, обнаружила лист бумаги с простыми и ясными стихотворными строками:

Нелепое «мы» меня ставит в тупик:
Ведь к ближнему в душу никто не проник,
Любой договор недомолвки таит,
За внешней гармонией хаос сокрыт.

И еще она слышала, как Эйнштейн строго-настрого предупреждал жену: «Говори о себе или обо мне, но о **нас** – не смей».

С тех пор в официальных и даже в приватных беседах Эльза не осмеливалась называть Эйнштейна просто Альбертом, предпочитая говорить: «мой супруг», «мой муж», «господин профессор». Но еще чаще как бы в третьем лице: «принесите господину Эйнштейну книгу», «Господину Эйнштейну необходимо. ..». *А* на вопрос, знает ли она теорию

относительности, Эльза заученно отвечала: «Не очень. Зато никто в мире лучше меня не знает самого Эйнштейна».

(Ремарка. В общении с Милевой Марич Эйнштейн постоянно использовал только местоимение «мы»: «*К нашим исследованиям…*», «*Если бы мы только могли начать нашу работу сразу же, завтра…*», «*Мы окажемся вместе и сможем довести нашу работу об относительности движения до победного конца…*», «*Как я счастлив, что нашел в тебе равноценное существо, которое является таким же сильным и независимым, как и я сам…*».

Разумеется, с фрау Эльзой ученый не занимался какими-либо совместными научными изысканиями. Ее предназначение и призвание было в ином. Посему – просто к слову.)

А вот меморандум, заключенный некогда между Альбертом и Милевой, не утратил своей силы и во времена Эльзы. Дома ученый большую часть времени довольствовался одиночеством, избегая лишнего общения. Эльза так н не получила права переступать порог его рабочего кабинета. Хотя ее это, вероятно, обижало, но свою независимость и свободу Эйнштейн ценил выше идеалов супружеской верности.

* * *

А свиданий и приватных аудиенций с творцом теории относительности жаждали президенты, премьер-министры и короли, видные деятели науки, искусства и культуры.

Профессор Фрейд: «Вы отбираете ветер ветер у моих парусов!»

Первая встреча великих ученых состоялась 2 января 1927 года в Берлине во время рождественских праздников. Зигмунду Фрейду было семьдесят лет, он был еще плох после операции по поводу рака нёба. Боли и протез верхней части рта не позволяли словоохотливому доктору много говорить, поэтому он больше слушал. Находившийся под впечатлением книги Фрейда об анализе сновидений, Эйнштейн увлечен нежданно раскрывшимися перед ним тайнами человеческой психики и не скупился на комплименты автору. Однако выдающийся психиатр сразу понял: «Эйнштейн столько же понимает в психологии, сколько я – в физике».

И все же их неудержимо тянуло друг к другу В 1936 году, поздравляя Фрейда с 80-летием, Эйнштейн писал: «*До самого последнего временил мог только чувствовать умозрительную мощь вашего хода мыслей, но не был в состоянии составить определенное мнение о том, сколько он содержит истины. Недавно, однако, я имел возможность слышать о нескольких случаях, не столь важных самих по себе, но по моему суждению, исключают всякую иную интерпретацию, кроме той, что дает ваша теория вытеснения и подсознания. Я был восхищен, столкнувшись с ними, поскольку всегда испытываешь восторг, когда большая и красивая концепция оказывается совместимой с реальностью*».

В ответном письме почтенный доктор воздержался от благодарностей: «Должен сообщить вам, что я действительно был очень доволен услышать об изменениях в ваших суждениях – или, по крайней мере, о начале таковых. Я всегда знал, что вы «восхищаетесь» мною только из вежливости и очень слабо верите в любую из моих доктрин, хотя часто задавался вопросом, чем в них тогда восхищаться, если они неверны, то есть если они не содержат в себе серьезной порции истины? Между прочим, разве вы не думаете, что ко мне относились бы гораздо лучше, если бы в моих доктринах содержался большой процент ошибок и безумия? Вы настолько моложе меня, и я все еще надеюсь причислить вас к кругу моих «последователей» к тому времени, когда вы достигнете моего возраста. Поскольку я не буду знать об этом, то ожидаю соответствующего вознаграждения сейчас».

Они были похожи между собой. И уверенностью в своей правоте, и удивительным, хотя порой и мрачноватым, может быть мефистофельским (больше у Фрейда), чувством юмора,

перманентной ироничностью, желчным сарказмом. И, наконец, тем, что для основателя современной физики, как и для основоположника современной психиатрии, главной персоной личных и научных событий всегда оставалась женщина, не так ли? При том, что и Альберт Эйнштейн избегал разговоров о своей первой жене, безропотной помощнице на начальном этапе его научных поисков Милеве Марич, и Зигмунд Фрейд предпочитал помалкивать о первом источнике своих необычных идей по имени Берта Паппенхейм.

С демонстративным уважением относясь друг к другу, ученые соревновались, словно фехтовальщики: кто больше сможет нанести уколов друг другу. Эйнштейн, отказываясь от углубленного психоанализа, шутя признавался, что он предпочитает оставаться во тьме того, что не проанализировано.

Зная, что Эйнштейна всегда привлекали яркие, необычные таланты, люди со сверхъестественными способностями, Фрейд зазвал его к себе в гости на телепатический сеанс, который обещал продемонстрировать перед ними его юный друг Вольф Мессинг.

– Итак, внимательно следите, господин Эйнштейн. Я мысленно, не произнося ни звука, не совершая никаких выразительных жестов, сейчас дам Вольфу некое поручение и прошу его исполнить.

Мессинг поднялся из кресла и уверенно направился в туалетную комнату. Выйдя оттуда уже с пинцетом в руке, он приблизился к Альберту Эйнштейну.

– Простите, господин профессор, но такова воля нашего уважаемого хозяина. Маэстро Фрейд мне это поручил, вы уж не обессудьте…

Телепат деликатно, двумя пальцами чуточку приподнял сиятельный нос нобелевского лауреата и пинцетом с ловкостью цирюльника выщипнул из роскошных усов физика два волоска.

– Шутка! – натужно ухмыльнулся гостеприимный хозяин. – Но исполнена с блеском! Надеюсь, больно вам не было?..

Эйнштейн засмеялся: «Спасибо, ничуть!» И тут же, что-то вспомнив, спросил: «Знаете, профессор, меня еще с детства озадачила мудреная фраза Канта: «Смех есть аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто». Как вы относитесь к этим словам?»

– Как отношусь? – переспросил Фрейд. – По-моему, смех – это понос душевного возбуждения.

Поговаривали, что Фрейд завидовал Эйнштейну по двум причинам. Во-первых, потому, что физик опирался на поддержку целой армады гениальных предшественников – от Ньютона и

далее. А ему, бедолаге, приходилось «в одиночку прорубать каждый шаг через дебри джунглей». А во-вторых, потому, что «Вы имеете возможность работать в сфере математической физики, а не психологии, где каждый думает, будто ему есть что сказать».

Когда в 1928 году развернулась кампания в поддержку кандидатуры Зигмунгда Фрейда в качестве номинанта на звание лауреата Нобелевской премии, Эйнштейн предпочел остаться в стороне: «*При всем моем восхищении гениальными достижениями Фрейда я не могу участвовать в этом деле. В отношении степени истинности учения Фрейда я и сам не могу прийти к определенному мнению, не говоря уже о том, чтобы выносить суждение, которое может повлиять на других*».

Через какое-то время Лига Наций обратилась к Эйнштейну с предложением выступить перед мировой общественностью по актуальным проблемам развития человечества. Он, разумеется, выбрал тему защиты мира от угрозы войны. И за поддержкой обратился к самому авторитетному психотерапевту:

«*Дорогой профессор Фрейд! Предложение Лиги Наций и ее Международного института интеллектуальной кооперации в Париже, состоящее в том, чтобы я пригласил человека по моему выбору для искреннего обмена мнениями по любой из проблем, которая меня интересует, дает мне прекрасную возможность обсудить с Вами вопрос, на мой взгляд, наиболее неотложный среди всех других, стоящих перед лицом цивилизации. Эта проблема формулируется так: существует ли для человечества путь, позволяющий избежать опасности войны?..*»

Фрейду это предложение показалось почему-то несколько провокационным. И он тут же сообщил «коллеге по интеллектуальной кооперации»:

«*Дорогой г-н Эйнштейн! Вопрос, который Вы адресовали мне… оказался для меня сюрпризом. Кроме того, я был буквально ошеломлен вестью о* ***моей*** *(чуть было не написал –* ***нашей****) некомпетентности; для ответа мне надо было бы стать чем-то вроде практического политика, сравнявшись в образовании с государственным мужем. Но затем я понял, что вы поставили вопрос не как естествоиспытатель и физик, но как гуманно настроенный человек, действующий в рамках призывов Лиги Наций, подобно тому, как исследователь Севера Фритьоф Нансен взял на себя миссию помощи голодающим и оставшимся без родины жертвам мировой войны. Я подумал также о том, что от меня не ждут практических предложений, я должен всего лишь рассказать,*

как выглядит проблема предотвращения войны с точки зрения психолога.

Формулируя в своем письме постановку задачи, Вы отбираете ветер у моих парусов!»

Но от вселенских проблем – к личным.

Эйнштейна беспокоило душевное здоровье младшего сына Эдуарда. Он проявлял огромный интерес к психоанализу, считая Фрейда одним из величайших гениев человечества. Над его кроватью висел портрет венского ученого. Эдуард даже поступил на медицинское отделение Цюрихского университета, где когда-то училась его мать. Но в итоге стал не врачом-психиатром, а пациентом специальной клиники. Как считал отец, болезнь сына была спровоцирована неразделенной любовью. В университете он безответно влюбился в студентку старшего курса, которая к тому же была замужем. Альберт Эйнштейн, как мог, пытался успокоить сына, заверяя, что увлекаться противоположным полом, конечно, приятно и полезно, но для мужчины это не должно быть одним из главных в жизни занятий. И выражал надежду: «Если ты сумеешь справиться со своим состоянием, у тебя будет возможность стать хорошим врачевателем душ».

Но, увы. Эдуард провел большую часть жизни в психиатрических лечебницах, где и умер в возрасте 55 лет, забытый всеми родными и близкими.

Фрейд тоже был терзаем своей личной бедой. Он рассказывал Эйнштейну о своем сыне Оливере, необычайно одаренном человеке с идеальным характером – до того момента, пока невроз окончательно не сломил его. Отец-психоаналитик тоже оказался бессилен.

«Здравствуйте, господин Тагор!»

При первой встрече в Индии в 1922 году Рабиндранату Тагору удалось «умыкнуть» своего заморского гостя на несколько дней в свой Шантиникетан – легендарную обитель покоя.

– Рождением этой обители Индия обязана моему отцу, – с гордостью сообщил поэт Эйнштейну – Некогда ему довелось возвращаться из лодочного путешествия по Райпуру, он увидел здешнюю природу – и был поражен этой сказочной красотой. Луга, пышная зелень садовых деревьев, финиковых пальм, звенящая тишина… Ты слышите тишину? Ее ведь тоже надо уметь слушать…

Я переехал сюда двадцать лет назад, чтобы основать ашрам, куда вошли и экспериментальная школа, и библиотека, и молитвенный зал, окруженные садами и рощами. Надо было спасать юные души от негодного влияния больших городов. Здесь чистое небо легко вливается в душу человека, и он создает собственные творения, видения и живет ими… Пойдемте, вы все увидите, господин Эйнштейн.

Их новое свидание состоялось спустя семь лет, на золотом юбилее Эйнштейна, а затем летом следующего года в Капуте накануне поездки Тагора в Советскую Россию. Хотя эти годы вовсе не служили препятствием для их регулярного общения.

Тогда в Капуте венценосные нобелевские лауреаты по-домашнему расположились в саду в тени деревьев. От предложенного Эльзой чая Тагор отказался, и они продолжили занимательную мировоззренческую беседу. Их разговор не являлся спором, дискуссией. Скорее, это был заинтересованный обмен мнениями людей, которые хотели услышать друг друга.

– …Скажите, вы верите в Бога, изолированного от мира? – спрашивал ученый, продолжая неспешную беседу.

– Сагиб, не изолированного, – поднял руку и улыбнулся Тагор. – Неисчерпаемая личность человека постигает Вселенную. Ничего непостижимого для человеческой личности быть не может. Это доказывает, что истина Вселенной является человеческой истиной. Чтобы пояснить свою мысль, я воспользуюсь одним научным фактом. Вам он известен. Материя состоит из протонов и электронов, ведь так? Между ними ничего нет, но материя может казаться сплошной, без связей в пространстве, объединяющих отдельные электроны и протоны. Точно также человечество состоит из индивидуумов, но между ними существует взаимосвязь человеческих отношений, придающих обществу единство живого организма. Вселенная в

целом так же связана с нами, как и индивидуум. Это – Вселенная человека.

– Да, но существует две концепции относительно природы Вселенной, – напомнил Эйнштейн. – Первая – мир как единое целое, зависящее от человека. И вторая – мир как реальность, которая не зависит от человеческого разума.

Поэт понимающе улыбнулся: «Да, я знаю. Но хочу вам сказать: когда наша Вселенная находится в гармонии с вечным человеком, мы постигаем ее как истину и ощущаем ее как прекрасное».

– Это – чисто человеческая концепция Вселенной.

– А другой и быть не может! – оживился Тагор. – Наш с вами мир – мир человека. Вот ваши глубоко научные представления о нем, уважаемый Эйнштейн, это представления ученого. Поэтому мир отдельно от нас не существует. Наш мир относителен, верно? Его реальность зависит от нашего с вами сознания… Есть некий стандарт разумного и прекрасного, который придает этому миру достоверность, – это стандарт Вечного человека, чьи ощущения совпадают с нашими.

– Ваш Вечный человек, – сказал Эйнштейн, приподнимаясь с кресла, – это и есть воплощение сущности человека… Давайте немного пройдемся. Я покажу вам сад…

Тагор тоже встал и продолжил свою мысль:

– Да, вечной сущности… Мы познаем Высшего человека, который лишен свойственной нам ограниченности. Наука рассматривает то, что не ограничено отдельной личностью. Она, в сущности, есть внеличностный человеческий мир истин. Возьмем религию. Она постигает эти истины и устанавливает их связь с нашими более глубокими потребностями. Наше индивидуальное осознание истины приобретает общую значимость. Религия наделяет истины ценностью, и мы постигаем истину в полной гармонии с ней.

– Отсюда вывод. – Эйнштейн остановился. – Истина или прекрасное не являются независимыми от человека, так?

– Да.

– И если бы людей вдруг не стало, то Аполлон Бельведерский или этот куст чудесных роз, – хозяин виллы указал на предмет своей гордости, – перестали бы быть прекрасными?

– Именно так. – Поэт склонился к цветам и вдохнул пьянящий аромат.

– Хорошо, я согласен с вашей концепцией прекрасного. Но не могу принять концепцию истины.

– Почему? – удивился Тагор. – Ведь истина познается человеком! Прекрасное – в идеале совершенной гармонии,

которая заключена в универсальном человеке. Истина есть совершенное постижение универсального разума. Мы, индивидуумы, приближаемся к истине, совершая мелкие и крупные ошибки, накапливая опыт, просвещая свой разум… Каким же еще образом мы познаем истину?

– Знаете, дорогой Рабиндранат, я не могу доказать, что научную истину следует считать истиной, справедливой независимо от человечества. Но я в этом твердо убежден. – Эйнштейн остановился и похлопал себя по карманам. – Забыл! Прошу вас, давайте вернемся к столу. Ужасно хочется курить, а я забыл там свою трубку… Да, так вот. Теорема Пифагора в геометрии устанавливает нечто приблизительно верное, независимо от существования человека. Во всяком случае, если есть реальность, не зависящая от человека, то должна быть истина, отвечающая этой реальности, и отрицание первой влечет за собой отрицание последней…

– Уважаемый Альберт, истина, воплощенная в Универсальном Человеке, должна быть человеческой. Ибо в противном случае все, что мы, индивидуумы, могли бы познать, никогда нельзя было бы назвать истиной, по крайней мере, научной истиной, к которой мы можем приближаться с помощью логических процессов. То есть посредством органа мышления, который является человеческим органом. Согласно нашей, индийской философии, существует Брахма, абсолютная истина, которую нельзя познать разумом отдельного индивидуума или описать словами. Она познается лишь путем полного погружения индивидуума в бесконечность. Такая истина не может принадлежать науке. Природа же той истины, о которой мы говорим, носит внешний характер, то есть она представляет собой то, что представляется истинным человеческому разуму, и поэтому эта истина – человеческая. Ее можно назвать Майей, или иллюзией…

Мудрецы помолчали. Угадав эту минуту, Элен Дюкас все же подала им чай. Но Эйнштейна трудно было отвлечь:

– Нашу естественную точку зрения относительно существования истины, не зависящей от человека, нельзя ни объяснить, ни доказать, но в нее верят все, даже первобытные люди. Мы приписываем истине сверхчеловеческую объективность. Эта реальность, не зависящая от нашего существования, нашего опыта, нашего разума, необходима нам, хотя мы и не можем сказать, что же она означает.

Тагор, раскрыв перед собою ладони, надолго замолчал, глядя в них, как в книгу. Потом медленно заговорил:

– Наука доказала, что стол как твердое тело – это одна лишь

видимость и, следовательно, то, что человечество воспринимает как стол, не существовало, если бы не было человеческого разума. В то же время следует признать и то, что элементарная физическая реальность стола представляет собой не что иное, как множество отдельных выдающихся центров электрических сил и, следовательно, так же принадлежат человеческому разуму. В процессе постижения истины происходит известный конфликт между универсальным человеческим разумом и ограниченным разумом отдельного индивидуума. Непрекращающийся процесс постижения идет в нашей науке, философии, в нашей этике. Во всяком случае, если бы и была какая-нибудь абсолютная истина, не зависящая от человека, то для нас она была бы абсолютно не существующая. Нетрудно представить себе разум, для которого последовательность событий развивается не в пространстве, а только во времени, подобно последовательности нот в музыке. Для такого разума концепция реальности будет сродни музыкальной реальности, для которой геометрия Пифагора лишена всякого смысла. Существует реальность бумаги, бесконечно далекая от реальности литературы, так? Для разума моли, равнодушно поедающей бумагу, литература абсолютно не существует, но для разума человека литература как истина имеет куда большую ценность, чем сама бумага. Точно так же, если существует какая-нибудь истина, не находящаяся в рациональном или чувственном отношении к человеческому разуму, она будет оставаться ничем до тех пор, пока мы будем существами с разумом человека.

Эйнштейн развеселился:

– В таком случае, я более религиозен, чем вы.

Седобородый патриарх мировой поэзии вздохнул:

– О чем мы говорим? Моя религия заключается в познании Вечного Человека, Универсального Человеческого Духа, в моем собственном существе… А хотите, я почитаю вам свои стихи?

– Конечно.

Тагор поднялся, отодвинул кресло и стал читать свою «Женщину»:

Ты не только творение Бога, не земли порождение ты, —
Созидает тебя мужчина из душевной своей красоты.
Для тебя поэты, о, женщина, дорогой соткали наряд,
Золотые нити метафор на одежде твоей горят.
Живописцы твой облик женский обессмертили на холсте
В небывалом еще величье, в удивительной чистоте.
Сколько всяческих благовоний, красок в дар тебе принесли,

Сколько жемчуга из пучины, сколько золота из земли.
Сколько нежных цветов оборвано для тебя в весенние дни,
Сколько истреблено букашек, чтоб окрасить твои ступни…
В этих сари и покрывалах, свой застенчивый пряча взгляд,
Сразу ты недоступней стала и таинственнее стократ.
По-иному в огне желаний засияли твои черты.
Существо ты – наполовину, полувоображение ты.

Эйнштейн благодарно склонил голову и, объективно оценивая свои поэтические способности, не рискнул ответить Тагору стихами собственного сочинения примерно на ту же тему:

Мои друзья меня дурачат:
Я прижил дочь на стороне.
Да, в жизни было все иначе,
Жены и дел хватало мне.
Но я приятно удивлен:
Я был умен и так силен,
Чтобы с двойною жизнью справиться.
Пусть думают угодно что.
Мне это нравится.

Он скромно промолчал, а про себя весело подумал: «А ведь это тоже истина…»

В конце беседы Тагор вновь заговорил о поездке в Россию: «Я не хочу умирать, пока ее не увижу!»

Наблюдая за прогуливавшимися в саду Марго и ее мужем Димой Марьяновым, поэт сказал с намеком: «Как бы я хотел взять с собой туда человека, знающего русский язык как родной». Хитрющая Марго как будто бы ждала этого сигнала-недомолвки (ведь наверняка же заранее успела перекинуться словечком-другим с добрым дядюшкой Тагором!), тут же подбежала к «великим мудрецам»:

– Мы с Димой готовы поехать с вами в Москву, господин Тагор! Альберт, вы ведь отпустите нас?..

Куда было деваться? Конечно! Счастливого пути…

* * *

Много лет спустя, осенью 1949 года, в Принстон специально для встречи с Эйнштейном прибыл премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, совершавший официальный визит в Соединенные Штаты. Они тоже сидели в саду, как когда-то с Тагором. Хозяин дома вспоминал о своей давней поездке в Индию, говорил о дружбе с индийскими физиками.

Неру рассказывал ему о том, как в 1933-м, томясь в одиночке индийской тюрьмы, каждый день писал своей дочери пространные письма. Собственно, это были даже не письма, а заметки для нее об истории человечества с древнейших времен до наших дней.

– Это был как бы мой учебник, мой взгляд на мир. Одно из моих посланий было посвящено вам, мистер Эйнштейн. Я писал дочери о том, что современная наука необычайно сложна и разветвлена. Что области исследований настолько широки, что каждый ученый является специалистом одной узкой области и в силу объективных причин не в состоянии быть энциклопедистом, что лишает его права называться культурным человеком в прежнем смысле этого слова. Впрочем, говорил я дочке, что, к счастью, имеются исключения, и есть несколько личностей, которые преодолели рамки узкой специализации, зашоренности и обладают более широким кругозором. В их числе я назвал вас, мистер Эйнштейн, величайшего ученого нашего времени.

Создатель теории относительности и хозяин чудесного сада протестующе поднял руку. Но Неру продолжил:

– Я сам не люблю комплименты, однако это – констатация бесспорного факта. Аксиома. Пожалуйста, воспринимайте мои слова как самоцитату. Эйнштейн, писал я, открыл ряд новых фундаментальных законов физики, затрагивающих всю вселенную, и путем тонких математических вычислений изменил законы Ньютона, применявшиеся безоговорочно на протяжении двух столетий. Я не буду объяснять тебе эту теорию, девочка, потому что она является очень отвлеченной. Но, изучая Вселенную, Эйнштейн нашел, что понятие времени и понятие пространства, взятые отдельно, недостаточно. Он развил новую идею, согласно которой оба эти понятия были объединены в одно целое. Так возникло понятие Пространства – Времени…

– Спасибо, господин Неру, за добрые слова, – склонил голову Эйнштейн. – И за огромный вклад в непростое дело популяризации моей теории.

– Не стоит благодарности. Вы заслужили куда большего, – ответил гость. И вздохнул. – Знаете, наша республика родилась буквально два года назад. Можете считать меня старым премьером юного государства. За годы иноземного владычества

наша наука и культура искусственно подавлялась и, конечно, не могла идти вровень с европейской…

– Да что вы! – воскликнул Эйнштейн. – Вот здесь я с вами не согласен. Индия – это россыпь талантов. Я знаю многих ваших ученых, они достигают замечательных результатов. А Рабиндранат Тагор? Вы не станете отрицать, что он – гордость всей мировой литературы!

И продекламировал:

Хвала и хула обратились к поэту:
«Кто друг твой, кто враг твой – скажи по секрету».
«Вы обе – и это совсем не секрет —
Друзья и враги мне», – ответил поэт.

«Чарли, вы великий человек…»

– Чарли, вас к телефону!

– Вы что, не видите? Я занят!

– Да, но это приемная президента «Universal Pictures»…

– Хорошо, иду.

Когда секретарь мистера Леммле сообщила Чаплину, что с ним хочет повидаться мистер Эйнштейн, он простодушно спросил:

– А кто это?

– Как, вы не знаете, кто такой Альберт Эйнштейн?!

– Профессор Эйнштейн, нобелевский лауреат?

– Ну, конечно! По этому поводу с вами хотел переговорить сам мистер Леммле. Соединяю…

– Чарли!

Чаплин сразу узнал характерный голос основателя ведущей киностудии Штатов «дядюшки Карла» Леммле.

– Да, я вас слушаю.

Новость, конечно, ошарашила: оказывается, Эйнштейн, выступавший с лекциями в американских университетах, в частной беседе в Белом доме обмолвился, что он является большим поклонником кинематографа, а от фильмов Чаплина вообще в восторге. И мечтал бы с ним познакомиться. Чиновники администрации пожали плечами: это не проблема – Чаплин в данный момент как раз находится в Калифорнии, занят съемками нового фильма. И если у уважаемого мистера Эйнштейна возникло такое желание, все можно организовать.

– Вот и вся интрига, Чарли, – сообщил президент компании. – К завтраку ждите гостей на студии. Я уже дал распоряжения. Покажите все, что их будет интересовать. Гостеприимству учить вас нет нужды… И, ради Бога, Чарли, никакого официоза…

О последнем господин президент мог бы и не предупреждать. И Чаплина, и Эйнштейна трудно было представить в роли участников торжественных церемоний. Хотя, конечно, Чарли при необходимости мог сыграть любую роль…

Уже при знакомстве оба мгновенно почувствовали взаимное магнитное притяжение родственных душ. Затем Чаплин пригласил гостя уже к себе в дом, и Эйнштейн искренне обрадовался продолжению встречи. Тем более что у Чаплина в тот день собралась замечательная компания – все звезды Голливуда: и Мэри Пикфорд, и Дуглас Фербенкс, и Дэвид Гриффит, и все, все, все. Рядом с почетным гостем Чаплин усадил очаровательную актрису Мэрион Дэвис, которая тут же, не

задумываясь, тактично ли, спросила своего соседа, проказливо повертев пальчиком вокруг его головы:

– Скажите, а почему вы не пострижетесь?

Обычно находчивый Эйнштейн не сразу сообразил, что ответить красотке, видимо, занятый в тот момент вовсе не интеллектуальными, а иными ее достоинствами, и потому лишь мило улыбнулся. А хозяин дома тут же поторопился пригласить всех в гостиную выпить кофе, выкурить по сигаре.

Эйнштейн с энтузиазмом поддержал предложение и вытащил свою курительную трубку.

– Какая уже по счету, Альбертль? – с укоризной вздохнула Эльза.

– Первая, – резко оборвал ее материнские заботы Эйнштейн. Но, смягчившись, сказал: – Я же вам рассказывал, дорогая, что я родом из Ульма – простого городка, который славен лишь своими мастерами курительных трубок. Так что считайте мое курение ностальгией по прошлому.

Позже, вспоминая об этой встрече, наблюдательный Чаплин по-снайперски точно оценил Эльзу: «Из этой женщины с квадратной фигурой так и била жизненная сила. Она откровенно наслаждалась величием своего мужа и вовсе этого не скрывала, ее энтузиазм даже подкупал».

В гостиной Эйнштейн общался исключительно с Чарли, не замечая остальных гостей. Они говорили о многом, избегая сугубо профессиональных тем, острили, обменивались шуточками, колкостями, но совсем другого свойства, нежели в словесных дуэлях с профессором Фрейдом, ирония которого была пропитана скепсисом, как уксусом.

– Чарли, вы великий человек. Ваше искусство понятно всем. «Золотая лихорадка» – это просто шедевр… О вас знает весь мир.

Остроумец Чаплин не оставался в долгу:

– Ваша теория относительности, мистер профессор, не понятна никому, и о вас знает весь мир. Значит, вы еще более великий человек.

Позже Чарльз Спенсер Чаплин писал: «У меня есть теория, что ученые и философы – чистой воды романтики, только страсть свою они направляют по другому руслу. Эта теория очень подходит к Эйнштейну. Он выглядел типичным тирольским немцем в самом лучшем смысле этого слова, веселым и общительным. Но я чувствовал, что за его спокойствием и мягкостью скрывается крайне эмоциональная натура, и его неукротимая жизненная энергия питалась именно этим источником».

…Когда Чаплин приехал в Германию, он первым делом

решил навестить Альберта Эйнштейна. И долго не мог взять в толк, почему для своей виллы ученый выбрал такое странное имечко – «Капут».

– Неужели повеселее ничего нельзя было придумать? – улыбался великий комик. – Ведь это по-немецки, кажется, конец, смерть, погибель?

– Верно. Но я ничего не придумывал, – открещивался Эйнштейн. – Что поделать, если соседняя деревушка так называется.

– Я понимаю. Назвали бы «Paradise», от желающих оказаться в раю отбоя бы не было, – продолжал подшучивать Чарли.

В тот день вместе с Чаплином приехал некий «добрый знакомый», имени которого хозяин «Капута» не расслышал. Во время обеда Чарли стал рассказывать о своих впечатлениях после посещения «доброй старой» Англии: полный экономический кризис, нищета, безработица, падение нравов, И впереди никакого просвета! Понимаете, господа, никакого… Что делать?

– Да это не британская, а уже вселенская беда, – соглашался Эйнштейн. – А вот что делать? Все очень просто: взять бы собрать в одну громадную кучу все эти паршивые деньги – и фунты, и марки, и доллары – и сжечь их к чертовой матери! И наступит всеобщее равенство, братство и благоденствие. Как вы считаете?

Собеседники расхохотались. А мрачноватый спутник Чаплина, отмалчивавшийся все это время, неожиданно поднялся из-за стола, суховато раскланялся и удалился. Когда он отошел на безопасное расстояние, Чарльз раскрыл инкогнито:

– Вы знаете, кто это был?.. Сэр Филипп Сассун из Лондона. Когда он узнал, что я собираюсь к вам, Альберт, упросил меня взять его с собой. Сэр Филипп – сын баронессы Алины де Ротшильд (знакома вам такая фамилия?). Он – владелец доков в Бомбее, золотых копей в Африке, угольных шахт в Шотландии. Самый богатый человек Британской империи. А вы, господин Эйнштейн, позволяете себе задевать самое дорогое, что есть у этого человека. Разве можно так: «взять кучу дерьмовых денег и сжечь»?!

– Ах так?

– Да, вот так, – грустно подтвердил Чаплин. – Стало быть, не видать мне теперь денег на новую картину. А вам, дорогой Эйнштейн – на исследования каких-нибудь своих квантиков. Полный капут…

– Ну, грешен, – смеясь, покаялся Эйнштейн. – Тогда предлагаю отправиться на озеро кататься на моей «Морской свинке»…

– И утопиться?

– Нет, получить удовольствие.

– На свинке?

– Да! Имя моего швертбота – «Tummler», то есть «морская свинка». Такое маленькое толстенькое суденышко.

* * *

В 1929 году научный мир шумно праздновал 50-летие Эйнштейна. Сам юбиляр в официальных торжествах участия не принимал, укрывшись в пригороде на берегу озера Ванзее, приняв лишь избранных друзей – Рабиндраната Тагора, Чарли Чаплина, выдающегося шахматиста Эммануила Ласкера и еще несколько человек. Стол украшали любимые блюда юбиляра: грибы, тушеные овощи, разнообразные салаты, фрукты, торт.

Взяв тайм-аут между угощениями, он показывал им сад, предмет своей особой гордости – цветочные клумбы.

– А там что за каланча торчит? – Ласкер указал на видневшуюся вдали какую-то башню.

– А-а-а, – махнул рукой хозяин «Капута». – Это сторожевая вышка или «башня Эйнштейна», как ее называют местные жители и безумные паломники-поклонники. Такие, знаете, печальные останки Потсдамской астрофизической обсерватории, которую соорудили здесь, чтобы следить за «красным смещением» линий солнечного спектра по моей теории относительности… Развалины Помпеи… А теперь любопытные просто карабкаются туда, чтобы с помощью телескопа или бинокля понаблюдать, усердно ли я окучиваю грядки…

Вернувшись к столу, юбиляр обнаружил новую груду телеграмм и приветственных писем, которые выложила перед ним заботливая мисс Дюкас.

– Если отвечать каждому адресату, вы управитесь как раз к своему шестидесятилетию, – посочувствовал кто-то из гостей.

– А я придумал общую благодарность сразу для всех. Могу вам прочесть, господа.

Все сегодня, словно братья,
Раскрывают мне объятья.
И любовные признанья
Шлют мне с искренним стараньем.
В этот день весенний, жаркий
Получаю я подарки —
Все, что только сердцу мило
Престарелого кутилы!

Попрошаек целый хор
Мне слагает льстивый вздор.
От такой несметной чести
Взвился я птенцом с насеста,
Но теперь настал момент
Вам вручить мой комплимент,
Пожелав спокойной ночи.
В небе солнышко хохочет!

Отсмеявшись, Тагор глубокомысленно произнес: «Сагиб, я бы так не смог». А Чаплин предложил считать слова поэта тостом и поднял бокал. Веселье продолжалось!

Даже вечно насупленный, сосредоточенный гроссмейстер Ласкер позволял себе улыбнуться. Эйнштейн с неизменным почтением относился к старику, считая его одним из самых интереснейших людей, и сожалел, что познакомился с ним только в зрелые годы. Чемпион мира, шахматный король на протяжении почти трех десятилетий… Признавая остроумие древнейшей игры, Эйнштейн не отрицал, что его самого всегда отталкивали шахматы из-за агрессивной борьбы за владычество и духа бесконечного соперничества.

И он верил, что ему удалось разгадать секрет Эммануила Ласкера: «*Шахматы для него были скорее профессией, нежели истинной целью жизни. Его подлинные стремления… были направлены к познанию науки. Ласкера влекла к себе такая красота, которая присуща творениям логики, красота, из волшебного круга которой не может выскользнуть тот, кому она однажды открылась. Материальное обеспечение и независимость Спинозы зиждились на шлифовке линз, аналогична роль шахмат в жизни Ласкера. Но Спинозе досталась лучшая участь, ибо его ремесло оставляло ум свободным и неотягощенным, в то время как шахматная игра держит мастера в таких тисках, сковывает и известным образом формирует его ум, так что от этого не может не страдать внутренняя свобода и непосредственность даже самых сильных личностей*».

Обычно не спускавший обид и колких замечаний в свой адрес, профессор Эйнштейн воспринял критическую статью доктора математики и философии Ласкера о специальной теории относительности как раз как сигнал о том, что у него появился еще один союзник и единомышленник: «*Острый аналитический ум Ласкера сразу ясно показал ему, что краеугольный камень всей проблемы – это вопрос о постоянстве скорости света в пустом пространстве. Он ясно видел, что если признать это постоянство,*

то невозможно не согласиться с идеей относительности времени, которая не вызывала у него больших симпатий. Что же делать? Он попытался поступить так же, как Александр, прозванный историками «Великим», когда тот разрубил гордиев узел».

Эйнштейн объяснял, как Ласкер пытался решить злокозненную проблему: «*Никто не обладает непосредственным знанием того, с какой скоростью распространяется свет в абсолютно пустом пространстве. Ибо даже в межзвездном пространстве всегда и повсюду имеется некоторое, пусть и минимальное, количество материи, уж подавно в пространстве, где человек плохо ли, хорошо ли создал искусственный вакуум. Кто же имеет основание оспаривать утверждение, что скорость распространения света в абсолютно пустом пространстве бесконечно велика? Ответить на это мы можем так: действительно, никто не установил прямым опытом, как распространяется свет в абсолютно пустом пространстве. Но значит, практически невозможно создать разумную теорию света, согласно которой максимальные следы материи могли бы иметь, несомненно, значительное, но почти не зависящее от плотности этой материи влияние на скорость распространения света. До тех пор, пока не будет создана подобная теория, которая должна согласоваться с известными оптическими явлениями в почти пустом пространстве, упомянутый гордиев узел, по-видимому, будет оставаться нераспутанным для любого физика, если он не удовлетворится уже имеющимися решениями.*

Мораль: острый разум не может заменить чутких пальцев…»

* * *

Будучи не в самом добром расположении духа, Эйнштейн растолковывал одной из своих поклонниц сущность и место женщин в этом мире: «*Что касается вас, женщин, то ваша способность создавать новое сосредоточена отнюдь не в мозге*». Потом взлохматил и без того буйную шевелюру, еще раз посмотрел на экзальтированную даму и взорвался: «*Неужели природа могла позволить себе создать половину человеческого рода без мозгов*?!. *Непостижимо*!»

Исключение ученый делал для Марии Кюри. Он признавался ей: «Радостно пожать руку честному человеку, который, собрав столь богатый урожай, может с гордостью оглянуться на проделанную работу. Добрая и упрямая одновременно – такой я люблю Вас, и я счастлив, что мне удалось в те спокойные дни, проведенные рядом с Вами, заглянуть в глубины Вашей души, где

идет своя тайная жизнь».

Именно Кюри считалась единственной женщиной времен Эйнштейна, которая поняла его теорию относительности. Когда выдающаяся женщина скончалась, потрясенный потерей Эйнштейн сказал, что ее моральный облик оказал, быть может, еще большее влияние на науку, чем открытый ею радий: «*К моему великому счастью, в течение двадцати лет мы были связаны с мадам Кюри возвышенной и безоблачной дружбой. Мое восхищение ее человеческим величием постоянно росло. Сила ее характера, чистота помыслов, требовательность к себе, объективность, неподкупность суждений – все эти качества редко совмещаются в одном человеке. Она в любой момент чувствовала, что служит обществу, и ее большая скромность не оставляла места для самолюбования. Ее постоянно угнетало чувство жестокости и несправедливости общества. Именно это придавало ей вид внешней строгости, так легко неправильно понимаемой теми, кто не был к ней близок, – странной строгости, не смягченной каким-либо искусственным усилием*».

«Пусть сионист Эйнштейн играет на скрипке в своей синагоге и не лезет в чужие!»

Николай Федорович, выслушав заключительную фразу монолога товарища Сталина, еще какое-то время не решался опустить телефонную трубку на рычаги, надеясь на продолжение разговора. Но раздались короткие гудки, как вопросительное многоточие: ты все понял, товарищ Гикало?..

Перед тем как позвонить в Москву, Николай дважды наизусть повторил свое обращение к генеральному секретарю ЦК ВКП (б). Рапорт соответствовал отчеканенным нормам: а) ясен, б) четок, в) лаконичен. Чуть было не перекрестился, но вовремя спохватился, словно товарищ Сталин мог его видеть в тот момент.

Но едва он приступил к сути вопроса, как Сталин его перебил:

– Товарищ Гикало, а вы давно возглавляете ЦК Компартии Белоруссии?

Николай Федорович запнулся, но тут же взял себя в руки:

– С 29 января текущего года, товарищ Сталин.

– Ну вот, – раздался глуховатый голос в трубке, и по тону невозможно было угадать, понравилась ли четкость ответа собеседника или нет. Сталин решил не томить, подсказал: – Не с того начинаете, Николай Федорович, свою работу в Белоруссии. Подумайте, товарищ Гикало…

И далее последовала та самая фраза о сионисте Эйнштейне и его скрипке в синагоге. Идиот, материл сам себя Николай Федорович, какой же я идиот. Ну чего раньше времени сунулся к Сталину (!) с этим Эйнштейном?! Мало тебя, дурака, учили: прежде чем обращаться с каким-либо вопросом или предложением к Самому, прощупай почву, проговори по возможности с ближним кругом, посоветуйся, спроси совета умных людей. Так нет же, утратил бдительность, растерял былую сноровку, за которую тебя раньше ценили и двигали на самые ответственные посты в партии. Решил внести свою лепту в развитие белорусской науки и обмишурился, очкарик, как говорится, до мокрых штанов. Ну, попадись мне на глаза этот Громмер… недорезанный!

* * *

«*Истинной ценностью, в сущности, является только интуиция,* – не раз повторял в кругу своих коллег и учеников Альберт Эйнштейн. И уточнял: – *Если не согрешить против логики, то вообще нельзя ни к чему прийти*».

В качестве доказательства приводил пример: мысль об относительности одновременности появилась у него как раз в результате внезапной именно интуитивной догадки. Проснувшись, он вдруг понял, что события, которые для одного наблюдателя происходят одновременно, могут быть вовсе не одновременными для другого. И к представлению о том, что скорость света является предельной скоростью распространения сигналов, он пришел также интуитивно.

Да, конечно, опытным путем можно проверить теорию, но нет пути – от опыта к теории. Вместе с тем существует путь от чувственного опыта к теоретическим понятиям. Это именно путь интуиции. Интуиция (а не логика) связывает их.

Однако не только теория относительности стала для ученого продуктом «изобретения», «догадки». Своим высокоорганизованным «шестым чувством» Эйнштейн пользовался и в различных жизненных коллизиях.

Лишь внешне далекий от мирской суеты, профессор прекрасно ориентировался в политической ситуации, его прогнозы по поводу развития тех или иных общественных процессов чаще всего попадали в «десятку».

– Вы ошибаетесь, герр профессор, суля Германии темное будущее, – посмеивались легкомысленные оптимисты. – Давайте возьмем результаты последних выборов в рейхстаг. Кто впереди? Социал-демократы, центристы, коммунисты… Кто на последнем месте? Нацисты. Вот цифры: у НСДАП всего-навсего жалких 2,6 процента голосов. Причин для беспокойства нет, дорогой профессор. Все будет хорошо, вот увидите!..

Но ученый-теоретик верил своему чувственному опыту. И, как всегда, оказался прав. Спустя каких-то два года, на выборах 1930-го, вчерашние аутсайдеры – члены гитлеровской партии национал-демократов – вместо прежних 12 мест в рейхстаге уже захватили почти вдесятеро больше депутатских мандатов – сто два!

И через год Эйнштейн вынес приговор, записав в дневнике: «Сегодня я решил покинуть Берлин».

Конечно, решение оставить Германию для него отнюдь не означало, что на своих научных изысканиях профессор ставит крест. Ему – 52 (всего пятьдесят два!), он, автор ОТО, лауреат Нобелевской премии, почетный профессор университетов Цюриха и Женевы, Мадрида и Лондона, Оксфорда и Кембриджа, Глазго и

Манчестера, полон сил и множества замечательных идей, которые если и не перевернут мир, но, во всяком случае, сделают его немного лучше. И какая, в конце концов, разница, где именно он должен совершать свои открытия? Его походная лаборатория всегда при нем, кроется под колпачком этой авторучки!

* * *

Эйнштейн отложил в сторону письмо Якова Громмера из далекой неведомой Белоруссии, закурил. Этот странный человек, космополит-талмудист лет пятнадцать назад чуть ли не силой прорвался к нему на кафедру Берлинского университета и с порога заявил:

– Я – тот самый Громмер. Вы меня помните, профессор? Я хочу работать вашим ассистентом…

Внешний вид посетителя мог смутить кого угодно: неправдоподобно огромные руки, лошадиное лицо, сползающий на живот подбородок. Но Эйнштейн не обращал внимания на подобные аномалии, к тому же он знал: это – признаки необычного заболевания, которое именуется акромегалия, а проще – гигантизм.

Ему была известна и история этого человека. Родившийся в Брест-Литовске, Яков до 26 лет изучал исключительно талмуд, собираясь в скором времени стать раввином. Согласно традициям, он должен был взять в жены дочь старшего раввина. Но невеста, увидев своего суженого, наотрез отказалась выйти за него замуж. Отвергнутый жених неистово, как прежде за талмуд, взялся за науку. Он уехал в Германию. Проявившего незаурядные природные способности в физике и математике, не имевшего даже аттестата зрелости Громмера без проволочек приняли на работу сначала в Бернский университет, а затем в Марбургский. Позже, уже в Геттингене, уникум в поразительно сжатые сроки написал диссертацию по теории целых и трансцендентных функций и стал доктором наук.

Выслушав историю странствий и скитаний Громмера, Эйнштейн без колебаний принял новоиспеченного доктора к себе на кафедру заниматься проблемами общей теории относительности. А когда Яков, спустя почти полтора десятка лет, все-таки решил вернуться в родную Белоруссию, написал ему рекомендательное письмо:

«*Университет г. Минска*
Проф. Альберта Эйнштейна

Доктор Громмер является одним из самых опытных ученых по предмету аналитической математики… Он работает со мной более 10 лет на последнем поприще. Лично д-р Громмер очень предан идеалу, к которому стремится русский народ и русское правительство… Он наверняка отдаст все свои силы, чтобы служить доверенной ему научной службе…»

И вот теперь Яков, видимо, догадывающийся, что сегодня у любимого профессора настают не лучшие времена, приглашает его поработать в молодом Белорусском университете. Смешной чудак… Хотя… Почему бы не попробовать? Не в одной же только в науке, но в жизни нужны смелые эксперименты, верно?

Фантастическая идея – заманить знаменитого на весь мир профессора, нобелевского лауреата Эйнштейна на работу в Белорусский университет – настолько захватила Громмера, что он не жалел ни времени, ни сил, лишь бы только достичь желанной цели. Подобно древнеримскому сенатору Катону, который каждую свою речь начинал словами: «Карфаген должен быть разрушен!», Громмер штурмовал любые кабинеты, утверждая: «Эйнштейн должен работать в Минске!» В конце концов, ему удалось воодушевить и вовлечь в осуществление своего стратегического плана даже молодого и энергичного партийного руководителя республики товарища Гикало.

Правда, теперь, говорят, Николай Федорович почему-то остыл, и на профессора Громмера смотрит волком. Может быть, как на бывшего талмудиста?.. Кто их разберет.

Однако же еще ничего не потеряно! Так почему бы не избрать Альберта Эйнштейна почетным академиком Белорусской академии наук? Покажем всему миру, что Минск ничем не хуже Оксфорда или Мадрида!

Настырность Громмера не знала границ. В конце концов, Академия наук БССР направила в ЦК родной партии ходатайство: «Фракцыя Прэзідыуму Бел. АН просіць даць згоду на выбар проф. Альберта Эйнштэйна до лік ганаровых акадэміків Бел. АН. Проф. А. Эйнштэйн зьявляецца самым выдатным міравым вучоным… Проф. А. Эйнштэйн дав таксама сваю прынцыпову згоду… Выбар проф. А. Эйнштэйна будзе мець буйное палітычнае і науковае значєньня для БССР…»

Но, увы. У Николая Федоровича Гикало была очень хорошая память. Но у товарища Сталина лучше.

«Убить Эйнштейна!»

– …Лекция окончена, – буднично и сухо объявил Эйнштейн и покинул аудиторию.

Студенты потянулись к выходу, еще не подозревая, что сегодня, 20 октября 1932 года, они в последний раз слушали своего профессора. Но для себя он уже принял окончательное решение. Домашним отвел месяц на сборы. Марго должна была, не привлекая лишнего внимания, максимально скрытно переправить весь архив отчима во французское посольство. С руководством миссии Эйнштейн уже договорился, что все бумаги уйдут в Европу дипломатической почтой. Эльза и Элен Дюкас собирали только самые необходимые домашние пожитки. Никакого барахла не брать, проявляя характер, требовал хозяин:

– Эльза, зачем тебе этот старый кофейник?! Неужели в Америке я не смогу купить тебе новый?..

Но, отправляясь на железнодорожную станцию в Потсдам, он все же посоветовал жене:

– Оглянись. Посмотри вокруг хорошенько. Запомни.

– Ты «Капут» имеешь в виду? Зачем? Почему?

– А потому, что этого ты больше никогда не увидишь…

– И Берлин тоже? И Германию?..

– Скорее всего, да.

В начале декабря из Бремена отчалил трансатлантический лайнер, следующий к берегам Соединенных Штатов. Эйнштейн, кутаясь в длинный теплый плащ, вышагивал по палубе, попыхивая сигарой. Эльза, слава Богу, оставалась в каюте.

Он не хотел вспоминать события последних месяцев, но ничего не мог с собой поделать. Один за другим покидали страну лучшие умы. Некоторые просто бесследно исчезали. Из учебников вымарывались фамилии ученых «неарийского» происхождения: не было, дескать, таковых, забудьте. Кое-кто уже называл теории Альберта Эйнштейна «еврейско-коммунистическим заговором в физике». Надежды на то, что все происходящее лишь временные симптомы дурной болезни, улетучивались с каждым днем.

Как вовремя подоспело изысканно вежливое напоминание калифорнийских коллег из технологического института о том, что мистер Эйнштейн, согласно контракту, заключенному еще осенью 1930 года, обязуется в качестве visiting professor вычитать в Пасадене двухгодичный цикл лекций. Для него, как для гражданина Швейцарии, открыта гостевая виза.

На этот раз Эйнштейну было не до познавательно-увеселительных поездок по Соединенным Штатам. Во-первых,

строгий график лекций, который утвердил для себя «приглашенный профессор», а во-вторых, и это было определяющим, – события, происходящие в мире, вовсе не располагали к легкомысленным прогулкам. Зато на душу ложился покой при мысли, что его домочадцы будут безмятежно нежиться на солнечном берегу Атлантического океана.

* * *

Назначение нового рейхсканцлера Германии не стало для Эйнштейна неожиданностью. Он уже был готов к такому повороту событий и всем последствиям.

Уже через два дня после воцарения Гитлера на имперском троне Эйнштейн, поддавшись уговорам жены, обратился к руководству Прусской академии наук с просьбой выплатить ему полугодовую зарплату сразу, а не к началу апреля, как было оговорено ранее. Жизнь показала, что такая неожиданная предусмотрительность ученого была нелишней.

Анонимный доброжелатель угодливо переслал на дом ученому роскошно изданный альбом, посвященный врагам рейха. На одной из страниц был опубликован портрет нобелевского лауреата с красноречивой текстовкой-приговором: «Эйнштейн. Еще не повешен».

«А могли бы и сжечь, как Джордано Бруно, – невесело усмехнулся кандидат в висельники. – Все же как-то благородней, покрасивее… А так – язык набок, штаны насквозь мокрые. Неэстетично…»

А позже, просматривая свежую почту, вздохнул и ругнул себя: вот и накликал. В американских газетах публиковались снимки из ночного Берлина, где на площади Оперы, рядом со зданием университета, полыхал гигантский костер из книг. В огне гибли тома Вольтера, Спинозы, Маркса, Эйнштейна, сообщали репортеры. Хорошая компания, утешался великий физик. И думал: если какие-то книги запрещены и становятся недоступными потому, что политическая ориентация или национальность их автора неугодна правящим кругам, любой человек, а ученый-исследователь прежде всего, не сможет отыскать достаточно прочное основание, на которое он мог бы опереться. А как может стоять здание, если оно лишено прочного фундамента? Чушь!

Фашисты, конечно, не собирались ограничиваться словесными угрозами и кострами из книг. Толпа вооруженных людей ночью 20 марта 1933 года ворвалась в летний дом

Эйнштейна в Капуте и объявила его конфискованным. Та же участь постигла и яхту «Морская свинка». Штурмовики СА разгромили и ограбили берлинскую квартиру ученого. Искали оружие. Но довольствоваться пришлось только двумя ржавыми тупыми кухонными ножами.

Бедная Эльза, вся в слезах, требовала от всемогущего мужа выступить с протестом, поднять мировую общественность и т. д., и т. п., и пр. Эйнштейн с улыбкой слушал причитания сварливой жены, и, как мог, утешал:

– Дорогая, там у меня оставались лишь яхта и подруги. Гитлер забрал только мою «свинку», что для последних, полагаю, явно оскорбительно…

Помолчав, добавил: «Пойми, это не наше бегство, а освобождение».

– Но, Альберт, ты же так радовался своей работе в Берлине, сам говорил, что такого количества выдающихся физиков нигде в мире больше не найти…

– Да, говорил. С чисто научной точки зрения жизнь там часто бывала приятной. Тем не менее, меня не оставляло ощущение, будто на меня что-то давит, и всегда было предчувствие, что добром все это не кончится.

27 февраля 1933 года своей сердечной подруге Маргарет Лебах он сообщил: «*Из-за Гитлера я решил не ступать больше на немецкую землю… От доклада в Прусской академии я уже отказался*». А вослед вчерашней гордости немецкой науки неслись торжествующие вопли оракулов из объединения «Немецкая физика»: «Релятивистский еврей, чья лоскутная математическая теория начинает мало-помалу разваливаться на куски, покинул Германию!»

В нью-йоркском консульстве Германии Эйнштейн долго наедине беседовал с высокопоставленным немецким дипломатом.

– Герр Эйнштейн, если вы не чувствуете за собой вины, с вами на родине ничего дурного не случится, – заверял германский консул. – Вас по-прежнему ждут.

Но когда официальная часть закончилась, дипломат, опустив глаза, тихо добавил:

– Теперь, когда мы можем поговорить по-человечески и я могу вам сказать, что вы поступаете именно так, как и следует поступать.

И поднес указательный палец к губам.

Потом пригласил в свои апартаменты, где жена уже накрыла столик для чаепития. Грация Шварц, обслуживая гостя мужа, обратила внимание: «Как будто что-то умерло в нем. Он сидел у нас в кресле, накручивал на палец белые пряди своих волос,

говорил задумчиво о различных предметах… Не смеялся…»

При расставании консул, почти как заговорщик, вручил Эйнштейну один из последних номеров «Völkischer Beobachter»: «Дома почитаете…»

Развернув газету, Эйнштейн тут же обнаружил знакомую фамилию своего вечного оппонента профессора Филиппа Ленарда. Наконец-то пробил и его звездный час! Ну что, мой старый друг, чем порадуете?

«Наиболее важный пример опасного влияния еврейских кругов на изучение природы представляет Эйнштейн со своими теориями и математической болтовней, составленной из старых сведений и произвольных дополнений. Сейчас его теория разбита вдребезги – такова судьба всех поделок, далеких от природы. Солидным ученым не избежать упрека: они допустили, чтобы теория относительности могла найти место в Германии. Они не видели или не хотели видеть, как можно выдавать Эйнштейна – в науке и в равной степени вне ее – за добропорядочного немца…»

На развороте – снова Ленард во всей красе. Открывая новый физический институт, глашатай «арийской физики» говорит: «Я надеюсь, что институт станет оплотом против азиатского духа в науке. Наш фюрер изгоняет этот дух из политики и политической экономии, где он называется марксизмом. Но в результате коммерческих махинаций Эйнштейна этот дух еще сохраняет свои позиции в естествознании. Мы должны понять, что недостойно немца быть духовным последователем еврея. Науки о природе в собственном смысле имеют целиком арийское происхождение, и немцы должны сегодня снова находить собственную дорогу в неизведанное».

Разумеется, отвечать Ленарду, комментировать это бред было бессмысленно. Тем более, вряд ли они там напечатают то, что хотелось бы сказать… А вот давнему другу Максу Планку изложить свои соображения давным-давно пора:

«*Настало такое время, когда порядочный человек в Германии должен стыдиться того, как низко со мной здесь поступают… Объявленная война на уничтожение против моих беззащитных еврейских братьев вынуждает меня бросить на чашу весов все мое влияние, которое есть у меня в мире…*

Чтобы Вы лучше меня поняли, я прошу Вас на минуту представить себе такую картину – Вы профессор в Пражском университете. И там приходит к власти правительство, которое лишает чешских немцев средств к существованию, одновременно путем насилия запрещает им покидать страну. Вдоль границы устанавливаются посты, которые стреляют в тех людей, кто

хочет уехать без разрешении из страны, чье правительство ведет против них необъявленную войну на уничтожение. Считали ли Вы тогда правильным все это молчаливо принимать, не вступаясь за них? И разве уничтожение немецких евреев взятием их на измор не является официальной программой сегодняшнего немецкого правительства?»

Что мог возразить коллеге почтенный Планк, сам запертый в клетке, увенчанной свастикой? Ни-че-го. Впрочем, в мае 1933 года он как президент общества имени кайзера Вильгельма все же добился приема у рейхсканцлера и попытался убедить Адольфа Гитлера, что такие люди, как Габер или Эйнштейн, могут быть бесконечно полезны для страны. Он мягко настаивал, что, мол, существуют разные евреи, не стоит ко всем подходить огульно, что встречаются патриархальные евреи, которые свято чтут лучшие немецкие традиции, являются верными носителями ценностей истинно немецкой культуры. Вот, например…

– Все это чепуха! – Резко перебил ученого Гитлер. – Жид есть жид. Где есть один жид, там сразу собираются евреи всех мастей. И вы меня не переубедите! Мы обойдемся без ваших евреев!

На прощание Гитлер великодушно сообщил ученому мужу, что его самого от концентрационного лагеря спасает лишь преклонный возраст…

Берлинские власти, правда, не торопились удовлетворить прошение Эйнштейна о лишении гражданства. Добровольно отказаться от немецкого гражданства? Ну уж нет! Рейхстагом был спешно принят закон, согласно которому гражданство Германии отбиралось в порядке наказания всех «врагов рейха и немецкого народа». С лета 1933 года стали публиковаться особые «проскрипционные списки» тех, кто лишался гражданства великой Германии; Лион Фейхтвангер, Генрих Манн, Йоханнес Бехер, Альберт Эйнштейн…

Это мы лишаем вас гражданства, герр профессор! Вы его недостойны!

В Штатах Эйнштейн с готовностью откликнулся на предложение бойкой корреспондентки газеты «Нью-Йорк Уорлдтелеграм» Эвелин Сили прокомментировать события в Германии:

«*Пока у меня есть возможность, я буду пребывать только в такой стране, в которой господствуют политическая свобода, толерантность и равенство всех перед законом. Политическая свобода означает возможность устного и письменного изложения своих убеждений, толерантность – внимание к убеждениям*

каждого индивидуума. В настоящее время эти условия в Германии не соблюдаются. Там как раз преследуются те, кто в международном понимании имеет самые высокие заслуги, в том числе ведущие деятели культуры и искусства. Как любой индивидуум, психически заболеть может каждая общественная организация, особенно когда жизнь в стране становится невыносимой. Другие народы должны помогать выстоять, противостоять такой болезни. Я надеюсь, что и в Германию скоро вернется здоровая атмосфера, и великих немцев, таких, как Кант и Гете, люди будут не только чествовать в дни редких праздников и юбилеев, но в общественную жизнь и сознание каждого гражданина проникнут основополагающие идеи этих гениев».

Нью-йоркское интервью было перепечатано ведущими мировыми изданиями. Эйнштейна напрасно считали наивным гением. Он гораздо быстрее многих политиков понял, что ожидает Веймарскую республику в будущем. Да и весь мир тоже.

А пока друг Чаплин с киноэкранов еще беззаботно потешался над Гитлером. Он говорил: «Его приветственный жест откинутой назад от плеча рукой с повернутой кверху ладонью всегда вызывал у меня желание положить на эту длань поднос с грязными тарелками. «Да он полоумный», – думал я…»

Но вот и Чарли прозрел: «Когда Эйнштейн и Томас Манн были вынуждены покинуть Германию, лицо Гитлера уже казалось мне не комичным, а страшным…»

Нацистов выводили из себя антифашистские заявления Эйнштейна. Геббельс развернул широкую кампанию с прямым призывом «Убить Эйнштейна!». За голову ученого была объявлена награда: пятьдесят тысяч марок. Эйнштейн, посмеиваясь, говорил друзьям: «А я и не подозревал, что моя голова стоит так дорого». В Германии его имя уже сделали синонимом предательства.

Прусской академии был предъявлен ультиматум: немедленно исключить Эйнштейна из своего состава. Однако академик умудрился всех перехитрить и загодя отправил свое заявление о выходе из академии:

«*Господствующие в Германии в настоящее время порядки вынуждают меня сложить с себя обязанности члена Прусской академии наук. Академия в течение 19 лет давала мне возможность быть свободным от любых профессиональных обязанностей и целиком посвятить себя научной работе. Я знаю, насколько велика должна быть моя благодарность за это. С сожалением покидаю ваш круг творческих и прекрасных человеческих отношений, которыми я, будучи вашим членом, столь*

долгое время наслаждался».

Одновременно Эйнштейн обратился с открытым письмом в Международную лигу борьбы с антисемитизмом, в котором подчеркивал: «*Акты грубого насилия и подавления, направленные против всех людей, свободных духом, а также против евреев, эти акты, которые происходили и происходят в Германии, разбудили, к счастью, совесть тех, кто остался верен идеям гуманизма и политической свободы*».

Тут же последовал ответный ход. Рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Геббельс объявил о начале общегерманской антиеврейской акции: «Мы часто поступали в отношении мирового еврейства милостиво, чего они вовсе не заслуживали. И какова же благодарность евреев? У нас в стране они каются, а за границей раздувают лживую пропаганду о «немецких зверствах», которая даже превосходит антинемецкую кампанию во время мировой войны. Евреи в Германии могут благодарить таких перебежчиков, как Эйнштейн, за то, что они теперь полностью законно и легально призваны к ответу!»

Закончив курс лекций в Калифорнии, Эйнштейн вернулся в Европу. Решил передохнуть, оглядеться и все-таки понять, что же ему делать дальше. В раздумьях о своей будущей судьбе Эйнштейн отправился в турне по городам Европы. Выступил с лекциями в Брюсселе, Цюрихе, Глазго. В английском порту, заполняя иммиграционную карточку, в графе «профессия», Эйнштейн, недолго думая, черкнул – «профессор», в в графе «национальность» скромно указал – «швейцарец».

(Напомню, еще в 1896 году 17-летний Эйнштейн решил перестать быть немцем, перебравшись в Швейцарию. Тогда ему удалось решить все вопросы за пять минут и три марки. Все годы учебы в политехникуме он обходился без всякого гражданства. В 1901-м, уплатив 1000 марок, стал швейцарским гражданином. Позже ученому пришлось некоторое время побыть австрийцем. Полтора года – с апреля 1911-го по октябрь 1912 года – Эйнштейн работал профессором в Немецком университете Праги. Чтобы выполнить формальности, на этот период он получил гражданство Австро-Венгерской империи. После переселения в Берлин и получения звания академика Прусской академии наук ученому вновь вернулось «почетное немецкое гражданство», и с ним он без проблем путешествовал по миру. Даже Нобелевскую премию Эйнштейну вручали именно как немецкому физику.

Стало быть, Альберт Эйнштейн был австрийцем полтора года, американцем – 15 лет, немцем – 36 лет и швейцарцем 54 года. И всю сознательную жизнь он ощущал себя евреем. Но в то же время утверждал: «*Я никогда по-настоящему не принадлежал ни к*

какой общности, будь то страна, государство, круг моих друзей и даже моя семья. Я всегда воспринимал эти связи как нечто не вполне мое, как постороннее, и мое желание уйти в себя с возрастом все усиливалось».)

Он обожал малые, уютные страны – Голландию, Бельгию, Швейцарию, которые, казалось, Богом были созданы для безмятежной жизни. Взвесив различные варианты, он принял приглашение бельгийской королевской четы провести какое-то время на живописном фламандском побережье. С королем Альбертом и его супругой Элизабет Эйнштейна связывали весьма добрые и неформальные отношения.

Впервые он побывал в их дворце еще в 1931-м. И после сообщил Эльзе: «*Меня приняли с трогательной теплотой. Это люди на редкость чистосердечные и добрые. Около часа мы провели в беседе. Затем королева и я играли квартеты и трио (с английской дамой-любительницей и с преподавательницей музыки). Так промелькнули несколько приятных часов. Потом все ушли, а я остался один обедать с королями – вегетарианский стол, без прислуги. Шпинат и после небольшой паузы – жареный картофель с яйцом (они не знали заранее, что я останусь). Мне очень понравилось у них, и я уверен, что это чувство взаимное*».

Кстати, после импровизированного домашнего концерта Эйнштейн торжественно заявил королеве: «Ваше величество, вы играли превосходно! Скажите, пожалуйста, для чего вам еще и должность королевы?..» Ученица блистательного маэстро Изаи смутилась, польщенная столь неожиданным комплиментом. Со своим венценосным тезкой – королем Альбертом, страстным альпинистом, Эйнштейн тоже быстро нашел общий язык, обсуждая особенности восхождений на швейцарские горные вершины.

Между царствующей особой Элизабет и ученым позже завязалась оживленная переписка. Королева со сдержанным восторгом вспоминала об их встрече, прогулках по парку и благодарила Эйнштейна за совершенно внятные объяснения своих физических теорий. Вскоре они стали обмениваться и стихотворными посвящениями друг другу. Вложив в конверт с письмом королеве некий прутик, Эйнштейн сопроводил послание четверостишием:

В монастырском саду стоит деревце,
Посаженное Вашею рукой.
Оно посылает Вам с приветом свою веточку,
Потому что не может двинуться с места.

Элизабет тут же откликнулась не менее лирично:

Веточка принесла мне привет
От деревца, которое должно оставаться на месте,
Пот друга, который ее сорвал
И доставил мне этим такое счастье!
Тысячу раз кричу: «Спасибо!»,
Меня слышат горы, море и небо…
И молюсь сейчас, когда все камни пошатнулись,
Чтобы один камень[1] таки остался невредим.

Королевская семья предоставила своему желанному гостю вблизи маленького фламандского городка Ле-Кок-Сюр-мер небольшую виллу «Савояр», которая сразу стала своего рода интеллектуальным приютом для беженцев из Германии. Его обитатели любовались серебристыми дюнами, которые, казалось, были подметены резким ветром, и свинцовыми морскими волнами, которые размашисто накатывали на берег. А домик отзывался, как раковина, на все звуки: скрип шагов, звон посуды, перестук пишущей машинки и, конечно же, шелест волн… Ну а охранники, приставленные заботливым бельгийским правительством для безопасности Эйнштейна, старались быть совершенно незаметными.

Ведь случались и гости-сюрпризы. Нежданно-негаданно из самой Вены прикатила навестить Эйнштейна неугомонная госпожа Лебах. Правда, на сей раз Маргарет обошлась без традиционных ванильных булочек для Эльзы. Тем не менее было так приятно провести с этой энергичной блондинкой несколько дней, поболтать, побродить по теплому песку.

Встречая друзей из Германии, Швейцарии, Чехии, Голландии (куда только не заносила «вечного странника» судьба), Эйнштейн на правах «старожила» на все лады расхваливал Ле-Кок-Сюр-мер:

– Это самое чудесное местечко на всем побережье Фландрии. Вам здесь непременно понравится. Улочки городка располагают к неторопливым прогулкам и размышлениям. И знаете почему? Тут их называют только именами великих людей. Вы сами в этом убедитесь, когда с улицы Данте свернете на улицу самого Шекспира, а потом пересечете улицу Рембрандта. Зато, как ни старайтесь, не отыщете улиц Тенистых или Антенных, или имени господина Ломбертса…

– А это еще кто?

– Не знаю. Но, кажется, был здесь когда-то такой мэр. Или штангист, или судья. Не имеет значения. В их честь тут улицы, слава Богу, не называют…

Много позже, в рождественские дни 1951 года, Эйнштейн с грустью писал королеве Элизабет: «*Велико мое желание вновь увидеть Брюссель, но скорее всего, такой возможности мне уже больше не представится. Из-за моей специфической популярности кажется, что все, что я ни делаю, превращается в нелепую комедию, что вынуждает меня держаться поближе к дому и редко покидать Принстон.*

Я больше не играю на скрипке. С годами становится все более невыносимым слушать собственную игру. Надеюсь, Вас не постигла та же участь. Что еще остается мне – это бесконечная работа над сложными научными проблемами. Волшебное очарование этой работы останется со мной до последнего вздоха…»

Но тогда умом и сердцем Эйнштейн чувствовал приближающуюся опасность. Нацисты были уже совсем рядом, на пороге. Голландского коллегу, господина де Хасса он предупреждал: «*Положение в Германии страшное, и не видно никаких изменений. Из надежных источников я слышал, что изо всех сил изготавливаются военные материалы. Если этим людям дать еще три года, с Европой произойдет нечто чудовищное, что сейчас еще можно было бы энергичными экономическими акциями предотвратить. Но мир, к сожалению, ничему не учится у истории*».

Пристально наблюдая за событиями, которые разворачивались в Европе, Эйнштейн уже не верил, что один лишь отказ от воинской службы способен принести ощутимую пользу человечеству. Он видел: нацистское зло можно победить только силой.

– И как это можно примирить с вашим пацифизмом, господин Эйнштейн? – атаковали его вчерашние сторонники.

Эйнштейн пытался объяснить:

– Мои убеждения принципиально ничуть не изменились. Но в сегодняшних условиях, будь я бельгийцем, я бы не отказывался от воинской службы, а, напротив, охотно принял бы ее с чувством, что защищаю европейскую цивилизацию. Когда речь идет о жизни и смерти – надо бороться!

Даже известный бельгийский пацифист Альфред Нахон под влиянием идей Эйнштейна публично объявил, что добровольно записался на воинскую службы.

Правда, некоторые вчерашние соратники восприняли новую позицию своего духовного собрата почти как измену. Тот же Ромен Роллан с сожалением писал Стефану Цвейгу: «Эйнштейн как друг в некоторых вещах опаснее, чем враг. Он гениален только в своей науке. В других областях он глупец. Верить самому

и убеждать молодых людей поверить, что их отказ от воинской службы может остановить войну, было преступной опасностью, так как очевидно, что война все равно придет, хоть по трупам мучеников. Теперь он делает крутой разворот и предает военных отказников с тем же легкомыслием, с которым их раньше поддерживал».

Но как же наука? Перебирая заманчивые предложения из Иерусалима, Мадрида, Лейдена, Парижа, Эйнштейн делился сомнениями с другом юности Соловиным: «*Мне уже предложили столько профессорских мест – у меня столько разумных идей в голове не наберется*».

Напрасно скромничал гений. Ведь сам же повторял не раз: Бог не играет в кости. Есть случайность и есть неизбежность.

Альберта Эйнштейна ждала Америка.

Но он продолжал подначивать Макса Борна: «*Я очень хорошо понимаю, почему вы считаете меня* «*упрямым старым грешником*»*, но ясно чувствую, что вы не понимаете, как я оказался в одиночестве на своем пути. Это вас, конечно, позабавит, хотя навряд ли вы способны верно оценить мое поведение. Мне доставит большое удовольствие изорвать в клочья вашу позитивистско-философскую точку зрения*».

«Мой муж – гений! Он умеет делать все, кроме денег…»

«Мой муж – гений! Он умеет делать все, кроме денег…» – назубок вызубрив эту хлесткую фразу, миссис Эльза любила щегольнуть ею в светском обществе, выдавая за свое умозаключение.

Еще в начале 1932 года в Америке у Эйнштейна состоялась встреча с Абрахамом Флекснером, который вынашивал идею создания в Принстоне уникального научно-исследовательского центра – Institute for Advanced Study – Института высших (стратегических) исследований. Финансовые вопросы брали на себя амбициозные мультимиллионеры Эдгар Бамбергер и Феликс Фульд. Требования меценатов были просты: в институте должны быть собраны звезды первой величины.

Обладая карт-бланшем, Флекснер не скупился, сулил поистине королевские условия: профессор Эйнштейн (в случае его согласия) назначался на должность руководителя исследовательской группы с пожизненным жалованьем и безоговорочным правом приглашать ассистентов только по своему усмотрению. И никакой лекционной, преподавательской нагрузки. Исключительно чистая наука.

Подумаю, обещал Эйнштейн при первой встрече, обязательно подумаю.

Подстегиваемый попечителями Абрахам Флекснер летом 1932 года вновь напомнил Эйнштейну о Принстоне.

– Как вы, профессор?

– Я принимаю ваше предложение. Но при одном условии.

– Пожалуйста.

– Я беру с собой своего ассистента Вальтера Майера.

– Какие могут быть вопросы?! Ведь мы же оговорили, что вы набираете себе тех помощников, которые вам необходимы.

– Хорошо, спасибо. – Эйнштейн замялся. – И еще один вопрос… Могу ли я рассчитывать на жалованье в три тысячи долларов в год? Или… Как вы считаете, может быть, я смогу прожить там у вас, в Америке, и на меньшую сумму?..

Услышав слова Эйнштейна, Флекснер от души расхохотался и объяснил, что названная сумма не обеспечит даже прожиточного минимума в Штатах. В общем, все финансовые проблемы мистер Флекснер предпочел обсуждать с куда более практичной миссис Эльзой. В результате ставка профессора увеличилась втрое – до 15 тысяч долларов.

Правда, сам Эйнштейн по-прежнему чувствовал некую неловкость. По его глубокому убеждению, безнравственно получать деньги только за свою исследовательскую работу, которая и без того приносит громадное моральное удовлетворение, является естественной потребностью каждого нормального ученого. И эти часы научного творчества должны обеспечиваться именно неустанными преподавательскими трудами: лекциями, семинарами, коллоквиумами, собеседованиями и консультациями со студентами, приемом экзаменов, участием в кафедральных заседаниях и пр. Однако, как обнаружилось, подходы американских работодателей были куда рациональнее…

* * *

Встречавшие на таможенном посту в Нью-Йорке представители Принстона вручили Эйнштейну письмо Флекснера со строгими рекомендациями: «…В нашей стране существуют организованные банды безответственных нацистов. Я советовался с местными властями и с правительственными чиновниками в Вашингтоне, и все они убедили меня, что для Вашей безопасности в Америке Вам следует хранить молчание и воздерживаться от публичных выступлений… Вас и Вашу жену с нетерпением ждут в Принстоне, но, в конечном счете, Ваша безопасность будет зависеть от Вашей собственной осторожности».

Флекснер не преувеличивал. Конечно же, далеко не вся Америка, как бывало прежде, с восторгом воспринимала весть о прибытии в страну великого ученого. Экстремистская организация «Дочери американской революции» жестко потребовала запретить Альберту Эйнштейну въезд в США: «Безбожникам и коммунистическим смутьянам не место в Штатах!», «Даже Сталин не связан с таким множеством анархо-коммунистических группировок, как Эйнштейн!». Бостонский кардинал О'Коннел аплодировал экзальтированным «дочерям», попутно предавая анафеме теорию относительности как «ложное, аморальное и атеистическое учение».

Впрочем, Эйнштейн на все выпады реагировал спокойно, а к истерике феминисток даже с юмором: «*Прислушайтесь к тому, что вещают эти глубокомысленные, уважаемые, патриотические леди! Вспомните, что столицу могущественного Рима некогда спасло гоготанье гусынь… Никогда еще прежде мои попытки приблизиться к прекрасному полу не встречали такого яростного*

отпора!.. Но, может быть, они правы, эти бдительные гражданки? Может быть, и впрямь нельзя допустить присутствия в Соединенных Штатах того, кто пожирает полупрожаренных капиталистов с таким же аппетитом, с каким ужасный Минотавр на острове Крит некогда пожирал прелестных греческих девушек? Ведь он, этот опасный человек, в дополнение ко всему прочему, противится любой войне, за исключением неизбежной войны с собственной женой…»

Именно под жестким нажимом «собственной жены» профессор обзавелся недвижимостью в Принстоне, купив дом № 112 по Мерсер-стрит, который, в итоге, и стал для него последним пристанищем.

Своей корреспондентке – королеве Бельгии Элизабет, которая проявляла беспокойство о том, как он устроился на новом месте, Эйнштейн сообщал: «*Принстон – замечательное местечко, забавный и церемонный поселок маленьких полубогов на ходулях. Игнорируя некоторые условности, я смог создать для себя атмосферу, позволяющую работать и избегать того, что отвлекает от работы. Люди, составляющие здесь то, что называется обществом, пользуются меньшей свободой, чем их европейские двойники. Впрочем, они, как мне кажется, не чувствуют ограничений, потому что их обычный образ жизни уже с детства приводит к подавлению индивидуальности*».

Стремительно взлетел официальный статус ученого. В начале 1934 года Эйнштейна с супругой пригласил в Белый дом президент США Франклин Рузвельт. Когда неформальное, задушевное общение затянулось, выйдя далеко за рамки протокольной встречи, гостеприимные хозяева запросто предложили супругам остаться на ночлег в их резиденции. С той поры Эйнштейн получил негласное право на непосредственные контакты с лидером страны.

Видеть у себя в доме самого Альберта Эйнштейна почитали за честь весь свет Америки.

* * *

Вернувшаяся после сказочного путешествия с Рабиндранатом Тагором в Советскую Россию Марго все уши прожужжала домашним о своих московских впечатлениях. Среди тамошних «чудес света» она называла оригинальные работы «русского Родена» – скульптора Сергея Коненкова. Ей даже удалось познакомиться с мастером. Она демонстрировала репродукции его скульптур, говоря, что музой Коненкова является его супруга,

несравненная Маргарита. Мы – тезки, смеялась Марго, и скульптор даже загадал желание, когда они, фотографируясь в его мастерской, оказались рядом.

И вот оказывается – Коненковы сейчас здесь, в Нью-Йорке!

Их появление на американском континенте имело занимательную предысторию. В 20-е годы минувшего века, «на заре туманной юности» советской власти западные «друзья Кремля» и прагматичные PR-менеджеры, знающие толк в «продвижении товара на рынок», настоятельно рекомендовали молодым лидерам молодой республики смелее заявлять о себе в Старом и Новом Свете, но не «достижениями народного хозяйства» (коих не было), а искусством. Вывозите за кордон свой балет, театры, устройте вернисажи современных живописцев и скульпторов, организуйте гастроли музыкальных исполнителей. Капиталовложения? Копеечные! Зато эффект – стопроцентный. Красную Россию станут узнавать. Учитесь, пока мы живы.

Успех выставки современного искусства Советской России в Нью-Йорке превзошел все ожидания Кремля. Широкая поддержка прессы была обеспечена. «Русское искусство – это ошеломляющее впечатление» – цитата из «New York Times». «Эти 1200 работ производят шок, представ перед глазами зрителя» – «New York American». «Выставка – потрясающее событие. Мы можем почувствовать настоящую русскую душу. Такой выставки в Америке еще не было» – вторили коллегам критики «Art News».

В составе делегации, сопровождавшей экспозицию, был и Сергей Коненков со своей Маргаритой. Когда через несколько месяцев срок их заокеанского путешествия подошел к концу, желания возвращаться домой у них почему-то не возникло. Используя завязавшиеся полезные знакомства в нью-йоркском генконсульстве СССР, Маргарита деликатно обсуждала варианты возможного продления «временного» пребывания в Штатах уже после закрытия выставки. Решение проблемы было найдено. В обмен, разумеется, на взаимные неафишируемые услуги. Обратная дорога в СССР для Коненковых растянулось на два с лишним десятилетия. Однажды скульптор туманно обмолвился: «Дорогой ценой я заплатил за несерьезное отношение к возвращению на родину…»

Но, обосновавшись в Нью-Йорке, «русский Роден» довольно быстро обзавелся прекрасной мастерской, усилиями Маргариты превращенный в экзотический светский салон. Сергей Тимофеевич соорудил там резной деревянный бар, виртуозно играл для гостей на гармошке. Статный, импозантный красавец с окладистой бородой, вскоре он стал одним из самых популярных портретистов-скульпторов Нью-Йорка. Конечно, во многом

благодаря Маргарите, ее таланту общения, знанию английского, взявшей на себя функции менеджера, обеспечивающего получение престижных заказов для мужа. Для американской публики Коненков своей манерой работы был чрезвычайно интересен как яркий представитель русской скульптурной школы, носитель старых традиций. Работы мастера в дереве и вовсе стали сенсацией, названной скульптурной музыкой дерева.

Мастеру с удовольствием позировали многие знаменитости – ученые Лебб, Флекснер, Дюбуа, Ногуччи, Майер, члены Верховного суда США Холмс, Кардадо, Стоун, выдающийся дирижер Артуро Тосканини, легендарный авиатор Чарльз Линдберг, голливудская звезда Айно Клер, русские эмигранты – Шаляпин, Рахманинов…

В 1935 году порог нью-йоркской мастерской Коненкова впервые (и вовсе не по своей инициативе) переступил Альберт Эйнштейн. Администрация Принстонского университета заказала русскому мастеру бронзовый бюст своего самого выдающегося профессора, нобелевского лауреата.

К тому времени Маргарите уже удалось непринужденно выйти из тени мужа и оказаться в центре внимания светской публики. В немалой степени тому способствовали откровенные работы Коненкова «Струя воды», «Вакханка», «Бабочка» и другие, для которых грациозная «дворяночка из Сарапула» позировала обнаженной. Работы имели колоссальный успех, а главное – были легко узнаваемы. Глядя на Маргариту, мужчины вспоминали скульптуры, млели, таяли, теряли головы и бесстыдно раздевали хозяйку глазами. Но, Боже, как же хотелось и руками…

Конечно, уговорить Эйнштейна потратить драгоценные часы, а то и дни! – на сеансы позирования было крайне непросто. Лишь однажды ученый согласился на подобную «экзекуцию», и лишь потому, что какой-то несчастный безвестный художник взмолился: портрет знаменитого ученого с натуры помог бы ему избавиться от нищеты.

В случае с Коненковым сработали другие факторы. Во-первых, официальный заказ администрации Принстона. Во-вторых, высочайшее искусство скульптора, в чем ученый убедился, осмотрев работы в его мастерской. И, наконец, в-третьих, неземной красоты женщина, с которой можно было непринужденно общаться во время этих чертовых многочасовых сеансов. Позже Альберт признался, что в ее глазах увидел «отблеск Бога». А Маргарита своей природной женской интуицией сразу ощутила, что этот Эйнштейн – далеко не бесполый ангел, витающий где-то в своих заоблачных высях, и в его глазах прочла не «отблески», а желание.

«Когда Сергей Тимофеевич работал над портретом Эйнштейна, – вспоминала Маргарита, – тот был очень оживлен, увлеченно рассказывал о своей теории относительности. Я очень внимательно слушала, но многого понять не могла. Мое внимание поощряло его, он брал лист бумаги и, стараясь объяснить свою мысль, делал для большей наглядности рисунки и схемы. Иногда объяснения меняли свой характер, приобретали шутливую форму – в такую минуту был исполнен наш совместный рисунок – портрет Эйнштейна, – и он тут же придумал ему имя: Альмар, то есть Альберт и Маргарита».

Работа в мастерской действительно занимала немало времени. Для скульптора особенно важно было уловить по-детски искреннее изумление, которым время от времени озарялось лицо ученого. Эйнштейн же изнемогал под цепким, изучающим взглядом Коненкова, чувствуя себя какой-то подопытной особью. Маргарита то появлялась в мастерской, то вновь на время куда-то исчезала, но скоро возвращалась – уже с чайными чашками и пирожками на подносе.

– Прошу вас, господа. Передохните.

Мастер и натурщик присаживались к накрытому столу. Марго устраивалась рядом. Коненков, потирая руки, хитро поглядывая на Эйнштейна, однажды предложил: «Ну что, по пять капель?» Ученый поднял бровь. С появлением на столе огромной бутылки виски Эйнштейн вспомнил историю, некогда случившуюся с ним в бернском ведомстве духовной собственности, громко расхохотался и поведал своим новым друзьям о забавном крестьянине с его чудной пробкой-дозатором.

– Так что, по пять капель?!

– Да по такому случаю можно и по семь!..

Потом, за чаепитием, Эйнштейн живо расспрашивал Сергея и Маргариту об их далекой загадочной России, куда он так до сих пор еще и не добрался. Говорили, естественно, о политике, о тех ужасах, которые происходили в Германии.

– Крупные политические свершения нашего времени вызывают чувство беспросветности, в нашем поколении ощущаешь себя совершенно одиноким, – грустно констатировал Эйнштейн. – Мне кажется, люди утратили стремление к справедливости и достоинству, перестали уважать то, что ценой огромных жертв сумели завоевать прежние, лучшие поколения… В конечном счете, основой всех человеческих ценностей служит нравственность. Ясное осознание этого в примитивную эпоху свидетельствует о беспримерном величии Моисея…

Отношения Коненкова и Эйнштейна складывались достаточно ровными, уважительными. Каждый знал себе цену и с

почтением относился к работе друг друга. Лишь однажды между ними едва не произошел конфликт на религиозной почве. Они втроем спускались в лифте, когда Коненков в лоб спросил Эйнштейна:

– А вы верите в Бога?

– Нет, – ответил физик.

– Ну и дурак, – не менее лаконичен был художник.

Хотя Маргарита не стала переводить последнюю фразу, но Эйнштейн ее и без того понял. И не забыл. Когда по его приглашению Коненковы гостили в Принстоне, он подробно изложил свои взгляды на религию и науку, их взаимоотношения.

– Я не верю в Бога как в личность и никогда не скрывал этого… Если во мне есть нечто религиозное, это, несомненно, беспредельное восхищение строением вселенной в той мере, в какой наука раскрывает его… Научные исследования исходят из того, что все на свете подчиняется законам природы. Это относится и к действиям людей. Поэтому ученый-исследователь не склонен верить, что на события может повлиять молитва, то есть пожелание, обращение к сверхъестественному Существу. Однако признаю, что наши действительные знания об этих законах несовершенны и отрывочны, поэтому убежденность в существовании основных всеобъемлющих законов природы также зиждется на вере. Дело не меняется от того, что эта вера до сих пор оправдывалась успехами научных исследований…

С другой стороны, каждый, кто серьезно занимается наукой, приходит к убеждению, что в законах природы проявляется дух, значительно превосходящий наш, человеческий. Перед лицом этого высшего духа мы, с нашими скромными силами, должны ощущать смирение. Занятия наукой приводят к благоговейному чувству особого рода, которое в корне отличается от наивной религиозности.

Я не могу представить себе персонифицированного Бога, прямо воздействующего на поступки людей и осуждающего тех, кого сам сотворил. Не могу. Не могу сделать этого, несмотря на то, что современная наука ставит под сомнение – в известных пределах – механическую причинность. Моя религиозность состоит в смиренном восхищении безмерно величественным духом, который приоткрывается нам в том немногом, что мы, с нашей слабой и скоропроходящей способностью понимания, постигаем в окружающей действительности. Нравственность имеет громадное значение – для нас, а не для Бога…

Знаете, друзья, я как-то давным-давно, лет пятнадцать назад, получил телеграмму от нью-йоркского раввина Герберта Гольдштейна с таким же вопросом: «Верите ли вы в Бога?» Там

еще была смешная приписка: «Оплаченный ответ – 50 слов». Как сейчас помню, слов мне понадобилось вдвое меньше: «*Ребе, я верю в Бога Спинозы, который проявляет себя в закономерной гармонии бытия, но вовсе не в Бога, который хлопочет о судьбах и делах людей*». Мои взгляды, поверьте, ничуть не изменились.

Наука может создаваться только теми, кого обуревает жадное стремление к истине. Однако именно религия является источником этого чувства. Наука без религии хрома, а религия без науки слепа…

Внимавшему монологу Эйнштейна скульптору особенно пришлась по душе последняя фраза ученого. Инцидент был исчерпан. После этой встречи, вспоминал Коненков, нас на долгие годы связали теплые дружеские отношения.

Зоркий глаз и верная рука мастера Коненкова точно поймали основные черты облика гениального ученого. Дело было даже не во внешнем сходстве. «В портрете Альберта Эйнштейна удивительным образом смешались черты вдохновенной мудрости и наивного, чуть ли не детского простодушия, – отмечал тонкий критик Каменский. – Этот портрет в самом высоком смысле слова светоносен – искрятся широко раскрытые, думающие глаза, над которыми взлетели ломкие, тонкие брови; ласковостью солнечного полдня веет от теплой милой улыбки и даже небрежно разметавшиеся волосы над огромным, морщинистым лбом – будто лучи, несущие потоки радостного света. Живое, безостановочное движение великой мысли и доверчиво-вопрошающее изумление перед раскрывающимися тайнами гармонии бытия запечатлелись на этом потрясающем своей проникновенной выразительностью лице, таком добром, мягком, простом и в то же время озаренном силой и красотой пророческого ясновидения…»

Принстон, Мерсер-стрит, 112. 1936-й и другие годы

Осиротевший вдовец (Эльза умерла в конце 36-го года), Эйнштейн остался на попечении трех женщин, его верных ангелов-храпнительниц: сестры Майи, падчерицы Марго и, конечно же, Элен Дюкас.

Альберту Эйнштейну стоило немалых трудов уговорить Майю все же перебраться к нему в Америку. Она опасалась стать обузой для брата. А с другой стороны, самолюбие не позволяло пребывать в качестве неизбежного приложения к знаменитому Эйнштейну. Но напрасно. Альберт ценил ее интеллект, аналитический склад ума, гордился ее докторской диссертацией по проблемам романской филологии, и нередко именно младшей сестре, прекрасной слушательнице, он первой излагал свои новые идеи.

Марго… Он говорил о ней: «Я люблю ее так сильно, как будто она – моя родная дочь, может, даже сильнее». Что касается, мисс Дюкас, то стоит ли далее множить заслуженные комплименты?..

Благодаря стараниям женщин, которые его окружали заботой и чутким вниманием, Эйнштейн с уходом Эльзы не впал в уныние, и уже в декабре сообщал давнему другу и коллеге Максу Борну: «*Я здесь прекрасно устроился, зимую, как медведь в берлоге, и, судя по опыту моей пестрой жизни, такой уклад мне больше всего подходит. Моя нелюдимость еще усилилась со смертью жены, которая была привязана к человеческому сообществу сильнее, чем я*».

И как бы подводя итог своему солидному супружескому опыту, иронизировал: «…*жить долгие годы не только в мире, но в подлинном согласии с женщиной – эту задачу я дважды пытался решить и оба раза с позором провалил*».

В зрелом возрасте у него сложился более-менее устойчивый и щадящий распорядок дня. Около девяти спускался к завтраку, затем читал свежую прессу. В половине одиннадцатого неспешным шагом отправлялся в институт, где работал, как правило, до часа дня. После домашнего обеда обычно отдыхал. Далее следовало традиционное чаепитие, снова работа, почта или прием посетителей. Ужинал около семи. Затем в зависимости от состояния души и здоровья работал или слушал радио. Телевизор в доме отсутствовал. Общался с гостями. Иногда посещал кинотеатр, по-прежнему оставаясь поклонником картин Чаплина. Между одиннадцатью и полуночью ложился спать. По

воскресеньям изредка совершал автомобильные прогулки с друзьями. Но с появлением Марго…

* * *

Неожиданно приехав на Мерсер-стрит, Маргарита остановилась на пороге кабинета:

– О, простите. Я, кажется, помешала…

– Вы?! Да это невозможно! – Эйнштейн учтиво встал из-за стола, целомудренно поцеловал даме руку и поспешил представить своему гостю. – Это – журналист из Колорадо, дорогая. Присядьте, пожалуйста, мы уже заканчиваем нашу беседу… Итак, вы спросили меня: «Какой самый главный вопрос может задать ученый?» Верно?

Журналист кивнул и приготовился записывать.

– Ну что ж… – Эйнштейн помолчал, а потом очень медленно произнес: – Главный вопрос может и должен быть таким: является ли Вселенная дружественной?

– То есть как? Вы полагаете это главным?

– Да! – Эйнштейн даже хлопнул ладонью по столу. – Потому что ответ на этот вопрос определяет то, что мы будем делать со своей жизнью. Если Вселенная является дружественной, то мы проведем свою жизнь, строя мосты. Если враждебной, будем строить стены. Вы удовлетворены, мой друг?

Журналист поспешно откланялся. Когда дверь за ним закрылась, Марго лукаво посмотрела на Альберта: «А я пока нет. Будем строить мосты?..»

* * *

Великий Эйнштейн был весьма изобретателен не только в научных изысканиях, но и в делах житейских, любовных хитростях и играх. Целых три года возлюбленные встречались лишь урывками, тайком. Чтобы получить легальную возможность проводить с Маргаритой летние месяцы и долго-долго оставаться с ней наедине, автор теории относительности сочинил Сергею Коненкову, по его мнению, убедительное письмо, в котором ставил его в известность о якобы серьезном недуге Маргариты. К письму прилагалось заключение врача – приятеля Эйнштейна, с рекомендацией для опасно больной женщины подольше времени проводить в местах с благоприятным климатом. Например, на берегу благодатного Саранак-Лейк. А то, что там постоянно

снимал коттедж № 6 их добрый знакомый Эйнштейн, только облегчало возможность поскорее поставить на ноги прекрасную Маргариту. Регулярные прогулки по озеру на яхте всего того же отзывчивого господина Эйнштейна также пойдут на пользу занемогшей женщине…

Поверил ли Коненков увещеваниям ученого-физика и его приятеля-медика, неизвестно. Может быть, поверил. А возможно, и нет. Или же внял рекомендациям некой третьей, более авторитетной силы. Во всяком случае, никаких препятствий своей супруге на пути в Принстон Коненков не чинил.

Разумная Маргарита, щадя самолюбие мужа и одновременно остерегаясь его гнева, во время своих отлучек регулярно сообщала Сергею Тимофеевичу: «Дорогуся! Вчера я приехала к Маргоше и думаю побыть здесь до субботы. Вид у Марго ужасный. Она потеряла ½ фунта. Эйнштейн сказал мне, что доктора подозревают у нее туберкулез гланд. Это прямо ужасно! Ведь они абсолютно в панике из-за европейских событий. Ожидают, что здесь тоже будет нацизм, и Марго собирается продать свой дом и бежать в Калифорнию. Штат Нью-Джерси и штат Нью-Йорк они считают самыми опасными в случае вспышки здесь национализма… Наши мышки воюют. «Крошка» и «Snow Boli» два раза сидели в карцере, но ничего не помогает. «Серая тучка», как всегда, мечтает, сидя на крыше… В среду я была у Сиппреля. Она лишь сообщила невероятную историю: жена «Собачкина» влюбилась в Узумова, и он в нее! Целую крепко. Маргарита.

P.S. Эйнштейн шлет тебе привет».

– Угу, – прочитав Маргошино послание, хмыкнул в седые усищи Коненков. – И ему – наше с кисточкой!

* * *

…Управляя яхтой, Эйнштейн чувствовал себе счастливым. Судно плавно скользило по глади озера Саранак, были послушны паруса, яркое солнце ласкало непокрытые плечи. А главное – рядом, в шезлонге, сидела очаровательная, самая замечательная спутница, и легкий ветерок шалил с ее волосами. Только ей, Марго, он мог доверить свои самые сокровенные мысли. А как же она умела слушать…

– Тебя не укачивает? – спросил он ее, когда они впервые оказались на берегу Саранакского озера.

– Вроде бы нет. А тебя?

Эйнштейн рассмеялся: «Морскую болезнь у меня вызывают не

волны, а люди. Только боюсь, наша наука еще не нашла лекарства от этого недуга».

– А почему ты опять без спасательного жилета? – Марго знала, что Эйнштейн так и не научился толком плавать, и всякий раз старалась проверять его экипировку.

Но он был верен себе, оставаясь на борту в неизменном застиранном свитерке с пузырями на локтях, мятых холщовых брюках, подпоясанный обрывком веревки, и шлепанцах на босу ногу. Маргарита называла его «скрипачом под парусом».

– Дорогая, я же говорил тебе, коли мне суждено утонуть, то я это сделаю с честью, без всяких этих дурацких жилетов!

Ей нравилось терзать его вопросами. А ему разыгрывать роль умудренного вековым опытом старца:

– Знаешь, Марго, я еще юнцом, правда, не по летам развитым юнцом, прекрасно понял тщету и бесполезность того, на что большинство людей транжирят всю свою жизнь в глупой погоне за мирским, материальным благополучием. Это – не цель жизни. Это просто амбиции свиньи. Простите меня, люди. – Он посмотрел по сторонам, но берега озера были пустынны. – Подлинное счастье охватывает тебя, когда ты совершаешь открытие… И здесь важны не только знания, сколько твое воображение. Знания всегда ограниченны, а вот воображение способно охватить целый мир. Представь, тебе с детства внушают: то-то – невозможно. И не пытайся! Но находится невежда, которого этому не учили. Вот он-то и совершает открытия. Потому что знать не знает преград…

«Аль» представлял, как мучается его «Мар» в своих метаниях между ним и мужем; она знала, что нужна им обоим. Он понимал, что к нему Маргарита испытывает любовь-нежность, а к Коненкову – любовь-благодарность. Ведь тот был ее Пигмалионом, создавший из нее Женщину, превратив девочку-дворяночку в Личность. А он? Альберт пытался утешить, растолковывая свое понимание деликатности ситуации:

– Ты, наверное, знаешь, что большинство мужчин, как и большинство женщин, не являются моногамными по своей природе. И чем больше препятствий для удовлетворения этих желаний ставится на пути, тем с большей энергией люди их преодолевают. Заставлять человека соблюдать верность – это тягостно для всех участвующих в принуждении…

– Хочу курить, – тоном капризной девочки сказала Марго.

– У меня только трубка. Правда, где-то есть и сигары, – смутился Альберт. – Но для тебя они слишком крепки.

– Дай, – потребовала женщина.

Но ее партнер понял все по-своему. Опрокинул ее на спину и,

как ребенок, жадно впился губами в ее грудь. Марго тихонько засмеялась, положила руки на его загорелые плечи и, уже не в силах сдерживаться, вонзила в них свои острые коготки, окрашенные сегодня в алый цвет.

– Еще!..

* * *

Потом, когда они отдыхали в шезлонгах на палубе легкокрылого ботика «Tinef»[2], Эйнштейн озадачил Маргариту неожиданным вопросом.

– Марго, ты ведь гораздо лучше меня ориентируешься в московской политической элите… Как ты считаешь, к кому я могу обратиться по одному щекотливому, очень важному вопросу?

– А что за проблема?

– Надо помочь одному достойному человеку. Его арестовали там у вас, в России. Он бежал из Германии, работал в университете в Томске, и вот такое недоразумение, заподозрили, что он немецкий шпион. Это чушь собачья, ручаюсь.

– Раз он беженец, иностранец, значит, я думаю, надо ходатайствовать перед Литвиновым.

– А кто это?

– Нарком иностранных дел. Максим Максимович. Если хочешь, я передам твое письмо через советское посольство. Так оно быстрее поступит в Москву, к самому наркому…

Господину Народному Комиссару
Литвинову М.М.
Москва, СССР
28 апреля 1938 г.

Глубокоуважаемый господин Литвинов!

Обращаясь к Вам с этим письмом, я выполняю тем самым свой долг человека в попытке спасти драгоценную человеческую жизнь. Речь идет о математике, профессоре Фрице Нетере, который в 1934 г. был назначен профессором Томского университета. 22 ноября 1937 г. он был арестован и препровожден в Новосибирск в связи с обвинением в шпионаже в пользу Германии. Два его сына были 20 марта 1938 г. высланы из России.

Я очень хорошо знаю Фрица Нетера как прекрасного математика и безукоризненного человека, не способного на какое-либо двурушничество.

По моему убеждению, выдвинутое против него обвинение не

может иметь под собой оснований. Моя просьба состоит в том, чтобы Правительство особенно обстоятельно расследовало его дело, дабы предотвратить несправедливость по отношению к исключительно достойному человеку; который посвятил всю свою жизнь напряженной и успешной работе.

Если его невиновность подтвердится, я прошу Вас поспособствовать тому; чтобы и оба его сына смогли вернуться в Россию, чего они хотят более всего. Эти люди заслуживают особого к ним внимания.

С глубоким уважением

Профессор А. Эйнштейн».

Кого, когда и о ком просил сталинского наркома наивный профессор? «Прекрасный математик и безукоризненный человек» Фриц Нетер к тому времени уже был казнен и покоился где-то в полуметровой могилке в колымской вечной мерзлоте. Сыновьям его, слава Богу, повезло больше: «особого внимания» Кремля они, к счастью, избежали. Им удалось добраться до Америки.

Как к последней надежде, к высшей инстанции, как к оракулу или пророку, обращались люди к Эйнштейну с мольбой о помощи. Когда все прочие возможности были испробованы, когда сильные мира сего капитулянтски поднимали руки, признавая свою беспомощность перед безжалостной мощью государственной машины любой страны, и Советского Союза в том числе.

И он не имел права никому отказать. Писал, надеялся, верил.

«*Господину Иосифу Сталину,*
Москва, СССР, 18 мая 1938 г.

Глубокоуважаемый господин Сталин!

За последнее время мне стали известны несколько случаев, когда ученые, приглашенные на работу в Россию, обвиняются там в тяжких проступках – речь идет о людях, которые в человеческом плане пользуются полным доверием у своих коллег за границей. Я понимаю, что в кризисные и неспокойные времена случается так, что подозрение может пасть на невинных и достойных людей. Но я убежден в том, что как с общечеловеческой точки зрения, так и в интересах успешного развития строительства новой России чрезвычайно важно, чтобы по отношению к людям редкостных способностей и редкостных же творческих сил обращались с исключительной осторожностью.

В этом плане я очень прошу Вас обратить внимание на дело, возбужденное против доктора Александра Вайссберга (Харьков).

Господин Вайссберг – австрийский подданный, инженер-физик, работавший в Украинском Физико-техническом институте в Харькове. Очень прошу, чтобы в его случае был бы учтен отзыв о деятельности Вайссберга профессора Мартина Руэманна, руководителя лаборатории низких температур, который был передан в Наркомтяжпром весной 1937 г.

С глубоким уважением

Профессор Альберт Эйнштейн».

Ответов из Москвы не последовало.

Но Эйнштейн продолжал надеяться. И внушал эту надежду другим.

В конце 30-х группу веселых нью-йоркских энтузиастов посетила шальная идея – отправить в 6939 год «бомбу времени» – своеобразное послание потомкам, замурованное в пустотелом стальном снаряде. «Бомбу» они собирались зарыть на 15-метровой глубине на окраине города, а на поверхности установить обелиск: извлечь послание через пять тысяч лет.

Кому доверить написать заветные сто слов потомкам? Дискуссий не возникло: Эйнштейну!

«*Наше время богато творческой мыслью, и открытия, сделанные нами, могли бы значительно облегчить нашу жизнь. С помощью электрической энергии мы пересекаем океаны. Мы используем электричество для того, чтобы избавить человечество от утомительного физического труда. Мы научились летать, и мы умеем легко посылать сообщения по всей планете с помощью электрических волн.*

Но при всем том производство и распределение товаров у нас совершенно не организовано, и люди вынуждены жить в страхе, боясь быть выброшенными из экономического цикла и лишиться всего. Кроме того, люди, живущие в разных странах, через неравномерные промежутки времени убивают друг друга, и поэтому каждый, кто думает о будущем, должен жить в постоянном ужасе.

Я верю, что наши потомки прочтут эти строки с чувством оправданного превосходства.

А. Эйнштейн. 10 августа 1938».

* * *

Возвратившись из своей очередной вылазки в Принстон, Маргарита утешила мужа оригинальным подарком Эйнштейна – фотоснимком созвездия Плеяд с автографом великого физика. В этом созвездии была звезда Алцион, которую Коненков считал «неподвижным центром Вселенной» и космическим олицетворением Бога.

– Спасибо, Марго. В следующий раз передай ему, будь добра, и мой презентик – фотокопии космогоний.

Великий физик Альберт Эйнштейн приложил немало усилий, чтобы восстановить Священный Иерусалим в рамках возрожденного государства Израиль. Великий диктатор Сталин по своему разумению строил социалистический Иерусалим. А великий художник Сергей Коненков свято верил в Иерусалим Небесный.

Но исполнилась лишь мечта Эйнштейна. И то весьма относительно.

Лонг-Айленд, август 1939

К моменту знакомства с Альбертом Эйнштейном Маргарите Ивановне было уже под сорок. Конечно, былая свежесть ускользала. Даже в коненковской «Магнолии», последнем обнаженном портрете Марго, заметно, как уже поплыли формы, и былой легкокрылой порхающей «Бабочки», увы, не стало. Но в каждом возрасте есть свое очарование, и Маргарита буквально источала обезоруживающее обаяние. Которым она не преминула воспользоваться, окутывая своими чарами нового заманчивого поклонника.

Из экстравагантных привязанностей Маргариты, которые бесконечно умиляли Эйнштейна, отметим одну – любовь к ручным крыскам, которым, по-видимому, досталось все ее так и не реализованное материнское тепло. Ведь некогда она отказалась рожать из боязни испортить свою великолепную фигурку. Для утехи оставались крыски, которых она брала с собой повсюду, даже отправляясь на свидания к Альберту.

– Марго, сегодня у нас будет много гостей, – однажды объявил Эйнштейн, – я хочу познакомить тебя со своими друзьями.

– «Много» – это сколько? – спросила Маргарита, уже усвоившая, что Альберт с трудом переносит большие шумные сборища.

– Человек семь, пожалуй. В основном, мои коллеги-физики. Да, будет одна дама, жена Оппенгеймера. Он ведь без нее никуда не выезжает. Надеюсь, вы с ней подружитесь. Она приятная особа. Правда, с левыми завихрениями. Сцилард и Вигнер безнадежно заплутали, разыскивая на Лонг-Айленде коттедж Эйнштейна. Ко всему заглох и «Плимут». Двинулись пешком. В конце концов, настолько вымотались, что Лео Сцилард в белоснежных брюках уселся прямо на траву.

– Все, Юджин, я больше не могу, нет сил. Давайте бросим эти напрасные поиски и отправимся домой. Может быть, в этом перст судьбы? Может, мы совершаем большую ошибку, вовлекая Эйнштейна в нашу авантюру?.. Ну хорошо, он подпишет письмо президенту, и что? Раз правительство получает выгоду от чего-то, оно никогда не допустит…

– Лео, наш долг – сделать это, поймите… Я думаю, надо также обратиться к бельгийской королеве. В Бельгийском Конго большие запасы урана, и ни за что нельзя допустить, чтобы немцы воспользовались ими. Эйнштейн в дружбе с королевой Элизабет. Пусть он напишет ей. В данной ситуации не до церемоний…

Ладно, поднимайтесь, идем вперед.

Вскоре им повезло. Встретившийся на улице местный мальчишка проводил незадачливых странников к летнему домику Эйнштейна на Норт-Форк в северо-восточной оконечности острова.

…Когда выпито и съедено было изрядно, Альберт Эйнштейн, весело глядя на друзей, сидящих за столом, поднял указательный палец к потолку и глубокомысленно изрек:

– Обжорство – великий грех, господа!

Все заулыбались.

– Кстати, я не шучу… Меня как-то пригласили в Женеву на празднование 350-летия местного университета, основанного еще Кальвином. После всех официальных мероприятий нам устроили обильное пиршество, каких мне видеть еще не доводилось. И, сидя рядом с одним из женевских «шишек», я не утерпел и спросил его: «А знаете, уважаемый, что бы сделал мудрый Кальвин, будь он здесь?» – «И что же?» – «Он устроил бы пожар и сжег бы нас всех за грех обжорства!» Больше я этого вельможу не встречал…

Потом мужчины отправились на веранду покурить, а дамы остались за столом. Жена Роберта Оппенгеймера Кэтрин (Маргарите ее представили как Китти) оказалась весьма милой и общительной женщиной. Они мило болтали о всяких пустяках и чувствовали растущую взаимную симпатию друг к другу. И даже не заметили, когда в столовую вернулись мужчины, которые тоже были увлечены разговором, начатым, видимо, еще на улице…

Речь шла о каких-то физических проблемах, в которых Маргарита разбиралась точно так же, как в американском футболе или в бридже. Лишь отдельные слова можно было отнести к человеческим – «обогащенный уран»… «атомная бомба»… «распад»… «ядро». Все остальное было сродни туземному наречию.

В конце концов, картина кое-как прояснялась. Коллеги Альберта Эйнштейна были крайне обеспокоены неофициальной информацией о том, что в Германии уже провели экспериментальное деление урана. И теперь берлинским физикам вполне по силам создать атомную бомбу, которая в руках crazy[3] Гитлера станет смертоносным оружием против всей цивилизации.

«Возможность цепной реакции, – вспоминал позже Сцилард, – не приходила в голову Эйнштейне. Но почти сразу же, как я начал рассказывать ему о ней, он оценил возможные последствия и изъяснил готовность помочь нам. Но нам казалось все же целесообразным до обращения к бельгийскому правительству информировать о предполагаемом шаге Государственный

департамент в Вашингтоне».

Особенно горячился Лео Сцилард:

– Поймите, – темпераментно убеждал он своих товарищей, но, прежде всего, Эйнштейна, – надо срочно донести до президента Рузвельта эту опасность и предложить форсировать работы по атомной проблеме здесь, в Соединенных Штатах. Мы – эмигранты: Ферми, я, Теллер, Вигнер – не имеем возможности непосредственно обратиться в Белый дом. Вы…

– Но я тоже из пришлых, – напомнил Эйнштейн.

– Да какой вы, к дьяволу, эмигрант?! Вы – гражданин мира! – бурно запротестовал Сцилард. – Вы – Эйнштейн! Одним этим все сказано. Только к вашему мнению и могут прислушаться!.. Нам грозит катастрофа! Кстати, проект письма готов. Я уже встречался с Саксом, ну, тем самым, другом и тайным советником Рузвельта, он в курсе проблемы. И готов передать президенту послание. Остается только подписать. Вы согласны, профессор?

– Конечно. Только, если можно, позвольте все-таки сначала мне его прочесть. Вы не будете возражать?

– Ну о чем вы говорите?!

– А потом, если вы захотите, я поиграю вам на скрипке.

– Конечно, маэстро.

– О'кей. Пойдемте ко мне.

Усадив гостей за стол, Эйнштейн принялся расхаживать по кабинету, на ходу читая предложенный текст. Потом остановился и сказал:

– Мне кажется, тут нужно кое-что подкорректировать. Теллер, вам не сложно будет записывать за мной? Только я буду диктовать по-немецки. Так мне проще. А потом переведете…

Альберт Эйнштейн,
Олд Гров-Роуд,
Нассау Пойнт Пеконик,
Лонг-Айленд, 2 августа 1939.
Ф.Д.Рузвельту,
Президенту Соединенных Штатов
Белый дом. Вашингтон

Сэр!

Некоторые недавние работы Ферми и Сциларда, которые были сообщены мне в рукописи, заставляют меня ожидать, что элемент уран может быть в ближайшем будущем превращен в новый и важный источник энергии. Отдельные аспекты возникшей ситуации, по-видимому, требуют особого внимания и при необходимости быстрых действий со стороны правительства. Я

считаю своим долгом обратить Ваше внимание на следующие факты и рекомендации.

В течение последних четырех месяцев благодаря работам Жолио во Франции, а также Ферми и Сциларда в Америке стала вероятной возможность ядерной реакции в крупной массе урана, вследствие чего может быть освобождена значительная часть энергии и получены большие количества радиоактивных элементов. Можно считать почти достоверным, что это будет достигнуто в ближайшем будущем.

Это новое явление может привести также к созданию бомб, возможно, хотя и менее достоверно, исключительно мощных бомб нового типа. Одна бомба этого типа, доставленная на корабле и взорванная в порту, полностью разрушит весь порт с прилегающей к нему территорией. Такие бомбы могут оказаться слишком тяжелы для воздушной транспортировки.

Соединенные Штаты обладают малым количеством урана. Ценные месторождения находятся в Канаде и Чехословакии. Серьезные источники – в Бельгийском Конго.

Ввиду этого положения сочтете ли Вы желательным установление постоянного контакта между правительством и группой физиков, исследующих проблемы цепной реакции в Америке? Для такого контакта Вы могли бы уполномочить лицо, пользующееся Вашим доверием, неофициально выполнять следующие обязанности:

а) поддерживать связь с правительственными учреждениями, информировать их обо всех исследованиях и давать им необходимые рекомендации, в особенности в части обеспечения Соединенных Штатов ураном;

б) содействовать ускорению экспериментальных работ, ведущихся сейчас за счет внутренних средств университетских лабораторий, путем привлечения частных лиц и промышленных лабораторий, обладающих нужным оборудованием.

Мне известно, что Германия в настоящее время прекратила продажу урана из захваченных чехословацких рудников. Такие шаги, быть может, станут понятными, если учесть, что сын заместителя германского министра иностранных дел фон Вейцзекер прикомандирован к Институту кайзера Вильгельма в Берлине, где в настоящее время повторяются американские работы по урану.

Преданный Вам

Альберт Эйнштейн».

Прежде чем поставить подпись, Эйнштейн еще раз прочел

переведенный на английский язык текст. Посмотрел на коллег:

– Знаете, друзья, хотел бы вам напомнить, что в Древней Греции действовали законы Солона, по которым в решающие минуты запрещалось сохранять нейтралитет – нужно было принимать ту или иную сторону, и все. Но имеем ли мы право убивать людей посредством энергии, которая, видимо, умышленно скрыта природой за семью печатями и недоступна?

Сцилард мгновенно среагировал:

– Энергия урана будет использована исключительно для самозащиты от фашизма.

– А если фашисты будут побеждены до того, как мы создадим эту бомбу?

– Тогда это чудище никогда не будет использоваться в военных целях, – убежденно заявил Лео.

– Ну да, – покачал седой головой Эйнштейн. – Ну да…

* * *

Потом Эйнштейн говорил: «*Я выполнил роль почтового ящика. Я ясно понимал страшную опасность, которую несет человечеству осуществление нашего предложения. Но то, что немецкие физики, работающие над этой же проблемой, могут добиться успеха, вынудило меня пойти на этот шаг*».

Прошло почти десять недель, прежде чем письмо Эйнштейна дошло до адресата. Как и заверял Сцилард, организацию его доставки взял на себя финансист Александр Сакс, вице-президент одной из ведущих промышленных корпораций, активный участник разработки Нового курса Рузвельта. Президент высоко ценил деловые и моральные качества этого энергичного выходца из России. Но, видимо, у президента в те недели были дела поважнее…

11 октября Сакс был приглашен в Белый дом. Прочтя письмо Эйнштейна, осторожный Рузвельт пожал плечами: «Согласитесь, Алекс, начать сейчас финансирование столь дорогостоящего проекта – непозволительно… Вмешательство правительства в эти вопросы вряд ли уместно… Слишком уж странно прозвучат подобные вещи для уха политиков…»

Однако Сакс оставался при своем мнении. Еще раз проконсультировавшись с друзьями-физиками, попросил президента о новой аудиенции. За завтраком он как бы невзначай напомнил господину Рузвельту любопытный исторический факт.

– В свое время император Наполеон выгнал с глаз долой гениального изобретателя Фултона, который предложил

построить целую флотилию судов, оснащенных паровыми двигателями. Новые корабли вне зависимости от погодных условий и силы ветра без труда могли бы пересечь Ла-Манш и молниеносно покорить ненавистную Англию. Император отказался от этой идеи. И кто выиграл от этого? Конечно, английская королева! «Правь, Британия, морями!..»

Не улавливаете вы, господин президент, опасных параллелей? Прояви тогда Наполеон побольше дальновидности, вся история XIX столетия развивалась бы совершенно иначе.

Рузвельт молчал. Потом взял «паркер», свой деловой блокнот, черкнул несколько слов и вызвал секретаря: «Передайте адресату». Когда в кабинете появился «адресат» – помощник президента по военным вопросам, бригадный генерал Эдвин Уотсон, Рузвельт вручил ему письмо Эйнштейна и сказал:

– Пора действовать… Да, и подготовьте ответ профессору, такой обтекаемый. Я подпишу.

Вечером Александр Сакс, покончив со всеми делами, позволил себе извлечь из домашнего бара заветную бутылочку коньяка времен Наполеона. Щедро наполнил бокал, выпил, похвалив себя за находчивость. А коньяк за отменные вкусовые качества.

«*Белый дом, Вашингтон,*
19 октября 1939

Дорогой профессор! Хочу поблагодарить Вас за Ваше недавнее письмо и чрезвычайно интересное и важное приложение к нему. Я счел эту информацию настолько существенной, что провел посвященное ей совещание… Прошу Вас принять мою искреннюю благодарность.

Искреннейше Ваш Франклин Рузвельт».

Через несколько дней Уотсон подал президенту на утверждение состав «Уранового комитета», возглавить который поручалось опытнейшему управленцу Лаймону Бриггсу Дело сдвинулось. Правда, не столь активно, как хотелось бы физикам.

В начале следующего года все тот же Сакс передал Рузвельту новые послания Эйнштейна. Ученый уже вовсю бил тревогу: после окончательной оккупации Бельгии в руках вермахта оказалась почти половина мирового запаса уранового концентрата – 1200 тонн, захваченных на территории концерна «Юнион миньер». Оккупация Норвегии привела к тому, что завод-производитель тяжелой воды «Норк-гидро» в Рьюкане также оказался в распоряжении Третьего рейха. В самой Германии ораниенбургская компания «Аэругезельштафт» развернула

производство металлического урана. Секретные лаборатории «Сименса» успешно занялись очисткой графита для использования его в качестве замедлителя нейтронов в реакторе при отсутствии тяжелой воды. Лучшие научные силы были брошены на ускорение проектирования электроэнергетического обеспечения «секретного оружия».

Генерал Уотсон подтвердил президенту США безусловную точность полученной информации.

Оценивая масштаб личности Альберта Эйнштейна, президент Рузвельт категорически утверждал: «В XX веке ни один другой человек не сделал так много для безмерного расширения области познания, и, тем не менее, ни один человек не был так скромен, обладая властью, которой является знание, и ни один человек не был столь уверен, что власть без мудрости смертельно опасна».

* * *

Безусловно, Эйнштейн отнюдь не чувствовал себя ущемленным, не принимая непосредственного участия в реализации американского атомного проекта. Его теоретические разработки не служили директивными инструкциями по практическому использованию деления атомного ядра. Тем не менее молодые, энергичные физики между собой называли его «дедушкой атомной бомбы».

– Я не спорю, конечно, рано или поздно талантливые ученые открыли бы кванты, – отвечал оппонентам Роберт Оппенгеймер. – Но открыл их Эйнштейн! Да, так или иначе, осознали бы глубокое значение того, что ни один сигнал не может распространяться быстрее света. Но к этой простой и блестящей концепции физика могла бы прийти медленнее и выразить ее менее прозрачно, если бы не оказалось Эйнштейна. Что касается общей теории относительности, никто, кроме него, не изобрел бы ее еще очень, очень долго.

Хотя Оппенгеймер прекрасно знал, что Эйнштейн, радуясь каждому новому научному открытию, предостерегал: «*Нельзя забывать, что знания и мастерство сами по себе не могут привести людей к счастливой и достойной жизни. У человечества есть все основания ставить провозвестников моральных ценностей выше открывателей объективных истин. То, что сделали для человечества Будда, Моисей и Иисус, значит для меня неизмеримо больше всех достижений исследовательского и творческого ума. Наследие этих благословенных людей мы должны всеми силами сохранять и поддерживать, если человечество не хочет потерять*

свое достоинство, безопасность существования и радость жизни».

Кунцево, дача Сталина, 1940

Сталин протянул сафьяновую («особую») папку Берии: «Почитай, Лаврентий». Берия быстро протер замшевым лоскутком пенсне, раскрыл папку и с готовностью придвинул к себе увесистое рукописное послание: «Дорогой брат Іосиф Виссаріонович!..» Пока нарком читал, Сталин медленно прохаживался по кабинету. Потом остановился за спиной наркома, и, как всегда, цедя слова, тихо произнес:

– Только не говори мне, Лаврентий, что ты видишь это письмо впервые. Читал ведь уже, верно?

Берия вскочил и обернулся лицом к Сталину:

– Так точно, читал, товарищ Сталин. Мне показывал Поскребышев, советовался, как ему следует поступить с этим обращением Коненкова. Я порекомендовал ему обязательно положить вам в почту.

– Ну и что ты скажешь по поводу коненковских пророчеств? Он там, в Америке, случайно не свихнулся вместе со своими братьями во Христе?

– Если отбросить библейскую словесную шелуху, то там есть и здравые мысли, товарищ Сталин.

– Ты, Лаврентий, с Библией поосторожнее в оценках. Это мудрая книга. А что касается здравых идей Коненкова, то я их карандашом уже отметил. И предсказание о начале войны, и кое-что другое. Насчет кольчуг, например. Посмотри, с наркомом вооружений поговори…

– Слушаюсь. Кстати, прогнозы Коненкова по поводу ориентировочной даты начала военных действий почти совпадают с данными нашей разведки, товарищ Сталин.

– Значит, будем считать товарища Коненкова нашим резидентом в США.

– Товарищ Сталин, у нас в Америке довольно сильная резидентура. Сеть агентов влияния в самых разных сферах, в том числе в научной среде. Жена Коненкова, например, довольно близка с самим Альбертом Эйнштейном, его учениками.

– Насколько близка? – мягко усмехнулся Сталин и подошел к окну.

– Достаточно, товарищ Сталин.

– Нам достаточно или ей достаточно?

– Всем достаточно, товарищ Сталин, – позволил себе улыбку Берия.

– Это хорошо. Эйнштейн – очень серьезная фигура. Не только в науке, но и в общественно-политической жизни. И в Америке, и

в Европе. Этот фактор надо обязательно учитывать.

Сталин отпустил Берию и продолжил свою прогулку по кабинету. Да, в свое время он дальновидно поступил, отказав Эйнштейну в предоставлении гражданства и работы в СССР. Там, в Америке, этот лохматый физик принесет Советскому Союзу гораздо больше пользы. А там посмотрим…

Чуть слышно постучав, в кабинет заглянул Поскребышев:

– Обед готов, Иосиф Виссарионович.

– Спасибо, – поблагодарил Сталин. – Сейчас приду.

Он решил поесть в одиночестве. Угадывая настроения Хозяина, подавальщица не мелькала перед глазами, появляясь в столовой комнате только в нужный момент, меняя тарелки и предлагая новые блюда. Когда Сталин попросил принести вина, Валюша Истомина немного удивилась, но вида, конечно, не показала. Тут же на столе появилось бутылка «Хванчкары» и тарелка с круто вареными яйцами. Сталин, наковыряв пальцами желтки, один за другим отправлял их в рот, запивая глотком вина…

Вашингтон, Белый дом

Франклин Рузвельт внимательно слушал доклад шефа ЦРУ Эдгара Гувера относительно будущего состава участников совершенно секретного «Манхэттенского проекта».

– Господин президент, благодаря своим радикальным взглядам профессор Эйнштейн, по моему глубокому убеждению, не может считаться пригодным для использования в секретных работах. – Директор ФБР сделал паузу. – Он только что получил наше гражданство, и мне представляется маловероятным, чтобы такого склада человек внутренне уже успел стать вполне благопристойным и благонадежным гражданином США, исповедующим наши идеалы…

– Я не буду спорить с вами, Эдгар, – смиренно произнес президент. – Целиком полагаюсь на вашу информированность, а не на интуицию и догадки. Действуйте, как считаете нужным.

– Кроме того, господин президент, не скрою, у военной контрразведки имеются также сомнения относительно назначения мистера Оппенгеймера на пост научного руководителя проекта.

– Какие именно? – спросил Рузвельт. – То, что он и его жена придерживаются левых взглядов и помогают коммунистам финансово, мне уже докладывали. Но это же не сказывается на качестве его исследовательской работы?

– Никоим образом. Но есть один нюанс, о котором вы должны знать. В свое время Оппенгеймер умудрился жениться на Катарине Пуэнинг.

– И что в этом предосудительного?

– Она – родственница гитлеровского генерала Кейтеля. Но, с другой стороны, эта женщина настроена явно прокоммунистически.

– В данном случае, я считаю, господин Гувер, это делу не помеха. Генерал Гровс за этим проследит, на то он и поставлен шефом нашей атомной программы.

Гровс вспоминал: «Мне с укоризной говорили, что только лауреат Нобелевской премии или, по крайней мере, достаточно солидный, многоопытный человек, может занимать подобное положение. Но я делал ставку на Оппенгеймера, и его успех подтвердил, что я был прав. Никто не смог бы сделать того, что сделал он».

Эйнштейну не было дела до всех подробностей, деталей комплекса работ по созданию смертоносной бомбы, а тем более каких-либо кадровых назначений. Его болезненно мучила другая

проблема – о нравственной ответственности ученого…

Москва, Малая Никитская, сентябрь 1941

Берия закрыл многостраничное досье Елизаветы Зарубиной. М-да, биография у девушки та еще. Одна история с этим Яковом Блюмкиным чего стоит. Как ей, соплячке, удалось объегорить такого матерого волчару?..

Черновицкая чернявая (нарком улыбнулся собственному каламбуру) девка, Лиза Иоэльевна Розенцвейг… Потом (уже с нашей помощью) Елизавета Юльевна Горская… Учеба в Черновицком, Пражском, Венском университетах… Молодец, девочка… Шесть языков: румынский, русский, идиш (само собой), французский, немецкий, английский… Полиглот. В 1928-м – курсы, спецподготовку в Москве… Потом в Стамбуле ее ловко подложили Яшке Блюмкину, и тот, самовлюбленный бес, уверовав в свою непогрешимость и неуязвимость, как мальчик, так легко купился!.. Растаял и поплыл, сопля зеленая, и выложил Лизке про свои контакты с Троцким. А она, не будь дурой, тут же слила информацию о полюбовничке своему куратору в ОГПУ.

Самого Блюмкина Берия, естественно, не знал. Молод тогда, в верха не был допущен… А Горская (теперь уже Зарубина) с успехом работала в ряде европейских стран… Сразу после начала войны, уже 29 июня 1941-го ее вместе с мужем нелегально перебросили через Турцию на родину….

Лаврентий Павлович поднял телефонную трубку.

– Фитина мне… Фитин, здравствуй. Организуй-ка ты мне доставку Зарубиной. Да, для беседы. Сам знаешь куда. И как можно скорее.

…Берия откровенно любовался сидящей напротив Лизой. Ему нравились женщины такого типа. Красивые. Внешне недоступные. С гордо посаженной головой. Но он знал, что за этой строгостью, глухим панцирем неприступности такие страсти порой обнаруживаются, каких от профессиональной шлюхи не дождешься.

– Елизавета Юльевна, вам решено поручить задание особой важности. – Он внимательно смотрел на нее. – В детали вас посвятит товарищ Фитин. Мне же хотелось поговорить с вами о, так скажем, общих задачах.

– Я вас слушаю, Лаврентий Павлович.

Боже, а голос какой! Низкий, грудной, с легкой хрипотцой.

– Только не считайте это обычным официальным инструктажем перед служебной командировкой. Тем более дело,

которое мы вам собираемся поручить, особой важности. Понимаете?

– Так точно.

– Ну, зачем же так? – отмахнулся Берия. – Мы же с вами все-таки не на плацу.

Подойдя к двери, Лаврентий Павлович с кем-то невидимым переговорил, а потом обернулся к Елизавете:

– Давайте-ка перекусим.

Лиза грациозно поднялась с кресла и мило улыбнулась:

– С вами – с удовольствием, Лаврентий Павлович.

Берия ухмыльнулся: «Толковая сучка, понятливая…» – и галантно распахнул перед своей гостьей двери в соседнюю комнату:

– Прошу, мадам.

Чудо, но он сумел удержаться, чтобы не коснуться рукой или бедром ее соблазнительной упругой попки, когда она проходила мимо, постреливая по паркету каблучками элегантных туфелек…

Принстон, осень 1941

Настроение у Эйнштейна было препаршивейшим. В институте он взял отпуск, чтобы лишний раз не встречаться с коллегами и, не дай Бог, на ком-нибудь случайно не сорваться. Домашние сами старались не попадаться хозяину на глаза. От Маргариты нет вестей уже две недели. Черт знает что. Ну, ничего, он сегодня же позвонит Вирджинии и пригласит ее покататься по озеру…

Газеты читать гадко. Европа рушится на глазах. Русские панически отступают, Гитлер торжествующе заявляет о неминуемом падении Москвы. Неужели все так и будет? Это же конец света! Или полное солнечное затмение?..

Он немного прошелся по саду, подышал воздухом, но потом решил все-таки вернуться к столу, чтобы закончить письмо милому доктору Отто, которому наконец-то удалось сбежать из Германии и благополучно устроиться в Штатах. С Юлиусбергерром, талантливым берлинским психиатром, их связывали давние дружеские отношения.

«*Счастлив приветствовать Вас здесь после всех этих лет. Я хранил молчание, потому что любая записка от меня навлекла бы опасность на человека в Стране Варваров. Ваш любимый Шопенгауэр как-то сказал, что люди в несчастье не поднимаются до трагедии, а остаются на уровне трагикомедии. Как это верно, и как часто я это наблюдал. Того, кому вчера поклонялись, сегодня ненавидят и оплевывают, завтра – забывают, послезавтра – провозглашают святым. Единственное спасение – чувство юмора, и мы должны сохранить его, пока дышим…*»

«Пока дышим…» Он встал из-за стола, с большим удовольствием потянулся, помахал над головой руками, изображая физзарядку, и почему-то вновь подумал о том, как здорово было бы пристроиться на место… смотрителя маяка. Вот молодец Спиноза, он был гранильщиком алмазов, и ничто не мешало ему думать… Какие минусы в работе смотрителя маяка? Разве что лестница, ведущая наверх. Так вовсе не обязательно каждый божий день спускаться вниз, верно?.. В конце концов, сыр, вино и мясо могла бы приносить служанка. Мисс Дюкас, например. Хотя для нее, может быть, крутые ступени маяка были бы в тягость. Ну, в таком случае не составит труда найти и девицу помоложе… Брюнеточку… Или блондинку… А еще лучше – рыжую!

В последнее время его безумно угнетало и раздражало добропорядочное и респектабельное светское общество Принстона. Которое болтало, сплетничало и вообще занималось непонятно чем. Он не бросал вызов этому обществу, обходился без эпатажа, просто легко жертвовал респектабельностью, стремясь освободиться от повседневных забот. Как считал один из близких друзей Эйнштейна, ограничивая свои потребности до минимума, он стремился расширить свою независимость и свободу. Ведь мы – рабы миллиона вещей, и наша рабская зависимость все растет и растет. Мы – рабы ванных комнат, самопишущих ручек, зажигалок, телефонов, радио и т. п. Эйнштейн же старался свести эту зависимость чуть не к нулю. Длинные волосы? Пусть. Зато нет необходимости часто ходить к парикмахеру. Без носков можно обойтись, тем более большие пальцы ног рано или поздно, но обязательно проделают в них дырки. Можно обойтись без подтяжек точно так же, как и без пижам. А женщинам вообще противопоказаны ночные рубашки! Одна кожаная куртка сразу на несколько лет позволит разрешить вопрос о пиджаке. Ученый реализовывал программу-минимум – обувь, брюки, рубашка. Дальнейшее сокращение было уже проблематично.

С одной стороны, он полностью обособлялся от людей, с другой – чувствовал себя полностью в неоплатном долгу перед ними. Умом он был свободен от оков, а морально опутан ими.

Ведь Эйнштейн считал: «*Моя внешняя и внутренняя жизнь зависит от труда моих современников и наших предков. Я должен напрягать свои усилия, чтобы отдавать соответственно тому, что получаю и буду получать. И я ощущаю необходимость вести самую простую жизнь, и у меня часто бывает тягостное подозрение, что я требую от себе подобных больше необходимого…*»

Нью-Йорк, декабрь 1941

– Устраивайтесь покомфортнее, дорогая Маргарита. Что вы будете, кофе, чай?

Зарубина была прекрасно осведомлена о степени своих возможностей воздействия на человека. Ее спокойный, уверенный взгляд расслаблял собеседника (или собеседницу) и невольно понуждал подчиняться, во всяком случае, точно отвечать на вопросы. Елизавета, жгучая брюнетка, элегантная женщина, натура утонченная и широкая, легко притягивала к себе людей, играя на их слабостях и причудах, профессионально вербуя новых потенциальных агентов в свои сети.

Дамы сидели в уютном кафе на Манхэттене. Со стороны они смотрелись очень эффектно. Мягкое обаяние, бесконечная женственность Маргариты оттеняла строгая классическая красота ее визави с глазами, которые наверняка сводили с ума многих мужчин.

Елизавета Юльевна, как считали ее коллеги, в том числе и муж, действительно была блестящим агентуристом, обладала сверхъестественным чутьем на людей, выискивая в них не только скрытые пороки, но и нереализованные возможности, порой неизвестные самому человеку способности. Ее успехи объяснялись тем, что Зарубина никогда не нарушала золотого правила вербовщика: идя на контакт, не отталкивать человека, даже если он (или она) ей малосимпатичен или даже омерзителен.

Жене сбежавшего в 1933 году из СССР крупного физика Георгия Гамова она добилась через Центр гарантий безопасности для ее родственников, оставшихся в Союзе в качестве заложников. Назойливому и жадному Соломону Туркову, который здесь, в Америке, стал именовать себя Сол Юрок, нашла возможность оказать содействие в беспрепятственном получении концертных площадок для Анны Павловой, Сергея Рахманинова, Федора Шаляпина и Яши Хейфеца… Им-пре-сарио… Одно слово: Юрок…

Сейчас она пристально смотрела на Маргариту, прикидывая, чем купить эту стерву. В том, что она именно стервочка, у Зарубиной не было ни малейших сомнений. Упреждающая информация из Москвы это полностью подтверждала. Главными ее слабостями наверняка были чрезмерное честолюбие и потребность в постоянном поклонении, восхищении, перманентное чувство влюбленности.

Девушка хотела респектабельного мужа. Нашла Коненкова. Девушка не хотела портить свою прелестную фигуру – и

отказалась иметь детей. Ее право. Мечтала заполучить в любовники такую уникальную личность, как Эйнштейн? И ведь получила!..

Марго сама хвасталась перед Лизой своими победами, не стесняясь в интимных подробностях. Все-таки «Вардо» (старый служебный псевдоним Зарубиной) умела расположить людей к себе и разговорить их. Но когда Зарубиной потребовались прямые выходы на Оппенгеймера и других физиков-атомщиков, а Маргарита заупрямилась, пришлось применить элементарный шантаж:

– Откажешься, я не постесняюсь рассказать Сергею Тимофеевичу о твоих «платонических» отношениях с Эйнштейном.

Она знала, что ухватила за нужную ниточку, оборвать которую для Маргариты было слишком опасно. И сработало! Хотя Вардо прекрасно помнила и еще одно правило: агента ни в коем случае нельзя держать на принуждении и в страхе, по возможности их надо превращать в союзников.

У Елизаветы Юльевны был замечательный послужной список. Вскоре после того, как она благополучно сдала в руки ОГПУ своего Якова Блюмкина, Горская довольно быстро нашла себе новую сердечную привязанность. И ее выбор выпал пал на талантливого разведчика Василия Зарубина. В начале 30-х они с мужем очень продуктивно поработали в Китае, а потом в Финляндии. Затем Василию Зарубину поручили возглавить нелегальную резидентуру в Дании и Франции. Лиза, естественно, была рядом. Наконец, в 1934-м через Чехию супруги перебрались в Германию в качестве представителей американской кинокомпании. Здесь Зарубиным удалось восстановить утраченную агентурную сеть и даже расширить ее. Совершенно неожиданным новым агентом стала жена помощника министра иностранных дел. Но самым ценным источником оказался Вилли Леман, один из ведущих сотрудников самой закрытой организации III Рейха – гестапо.

Затем последовала краткосрочная командировка в США, во время которой Зарубины не могли не обратить внимания на салон Коненковых в Нью-Йорке. Тогда-то и произошло первое знакомство Елизаветы Юльевны с Маргаритой.

Вновь оказавшись вместе с мужем в Штатах в конце 1941 года, Вардо курировала политическую разведку. Один из руководителей внешней разведки, генерал Судоплатов не скрывал своего восхищения Зарубиной: «Когда в годы Великой Отечественной войны она работала уже в легальной резидентуре СССР в США, у нее на связи были 22 агента, в том числе наиболее

ценные источники информации. И Лиза успевала регулярно проводить встречи со связниками в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско и других городах Америки… Она могла свободно выдавать себя за американку, француженку или немку. А когда требовалось, превращалась в активистку сионистского движения. Она была обаятельная, артистичная, красивая женщина и выдающаяся разведчица».

Почти одновременно с Зарубиными в Нью-Йорк прибыл Леонид Квасников, назначенный заместителем резидента по научно – технической разведке.

* * *

Как ни кощунственно это звучит, но нападение Гитлера на Советскую Россию оказалось на руку Маргарите Коненковой – она оказалась в центре общественного внимания американской публики. Хотя русская эмиграция в США по-разному восприняла начало войны Германии с Советским Союзом (например, семейство знаменитого авиаконструктора Игоря Сикорского откровенно симпатизировало нацистскому режиму), антифашистские настроения все же преобладали. На этой волне и возникло Американское общество помощи России – American Society for Russian Relief Inc., активистами которого стали знаменитые Сергей Рахманинов, Михаил Чехов, Яша Хейфец, Ефрем Цимбалист, князья Павел Чавчавадзе и Сергей Голенищев-Кутузов, другие именитые эмигранты.

Сергей Коненков вошел в члены Центрального совета, а Маргарита Ивановна стала исполнительным секретарем этого общества, и под ее командой оказалось несколько сот референтов, консультантов, порученцев, волонтеров. Как выяснилось позже, работа этой неоднозначной организации плотно курировалась многопрофильными специалистами с Лубянской площади. И именно через Зарубину Маргарита получала инструкции по активизации работы Американского общества помощи России. В целом за годы войны обществом было закуплено и переправлено в СССР медикаментов, зерна, военной техники, одежды, обуви более чем на полмиллиарда долларов.

Благодаря дружескому содействию первой леди США Элеоноры Рузвельт Маргарита уже становилась самостоятельной фигурой, активной участницей общественной, светской жизни, встречалась с видными американскими политиками, банкирами, промышленниками, творческим бомондом.

Но «звездный час» ее был впереди. И он пробил. Во время

очередной встречи Зарубина вначале показалась Маргарите какой-то чересчур возбужденной. Однако Елизавете Юльевне быстро удалось собраться:

– Марго, весной прошлого года в Советском Союзе был создан Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). Читала? Хорошо. Это серьезная организация, и наше руководство, товарищ Сталин связывает с ее деятельностью определенные планы. Принято обращение к братьям-евреям всего мира объединиться в общей борьбе против нацизма, которое подписали известные тебе люди – физик Капица, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, актер Соломон Михоэлс, писатели Эренбург и Маршак, музыканты Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Яков Флиер… Начат сбор средств в помощь Красной Армии. Прочти, это копия.

Маргарита взяла лист бумаги с коротким машинописным текстом: «Председателю Еврейского антифашистского комитета, народному артисту СССР товарищу Михоэлсу. Прошу передать трудящимся евреям Советского Союза, собравшим дополнительно 3 млн 294 тысячи 823 рубля на постройку авиаэскадрильи «Сталинская дружба народов» и танковой колонны «Советский Биробиджан», мой братский привет и благодарность Красной Армии. Сталин».

– Теперь перед ЕАК стоят новые задачи – установить личные контакты с братьями-евреями в Америке, – сказала Зарубина и отобрала у Марго бумагу. – Ясно?

– Что я должна сделать?

– Пригласить гостей в Штаты.

– Я?

– Да нет, конечно. Это должен сделать Американский комитет еврейских писателей, художников и ученых, который возглавляет… Альберт Эйнштейн. Вы знаете об этом?

– Да, конечно, – послушно кивнула Маргарита.

– Вот и займитесь этим. Надеюсь, проблем не будет? Вы понимаете ответственность? Ах, ну да, вы же у нас и так ответственный секретарь…

Идею пригласить Михоэлса в Америку для сбора средств в помощь воюющей с фашистами России Эйнштейн сразу поддержал:

– Марго, вы это здорово все придумали. Знаете, богатые американцы порой испытывают какой-то необъяснимый комплекс вины перед другими людьми. А так как благотворительность считается богоугодным делом, они тем самым как бы оправдываются. Успех я гарантирую.

В 1943 году в США прибыли лидеры ЕАК, актер и режиссер

Соломон Михоэлс и поэт Ицик Фефер. Накануне поездки членов делегации инструктировал лично Лаврентий Павлович Берия. Надо отдать должное, ему удалось создать атмосферу непринужденной дружеской, доверительной беседы, широкого обмена мнениями. Неслышно появлявшийся в кабинете офицер-порученец Саркисов то и дело подливал гостям в рюмки коньяк и менял блюда с бутербродами.

– Знаете, друзья, на днях товарищ Сталин принимал академика Вернадского. Это был долгий и душевный разговор. В частности, о международном сотрудничестве ученых. Оказалось, якобы существует некая особая тайная договоренность между крупнейшими западными физиками (прямо масонская ложа какая-то, честное слово) о том, чтобы новое сверхоружие первыми разработали нацисты. Атомная бомба в руках у Гитлера, вы представляете, что это такое? Мировая катастрофа! Вы со мной согласны? Многие западные ученые убеждены, что нужно поделиться с нашими физиками теми или иными результатами своей, – он сделал многозначительную паузу, – секретной работы…

Вам важно повлиять на умы и чувства потенциальных американских друзей, убедить их не только в том, что в Советском Союзе нет никакого антисемитизма, но в том, что именно СССР является надежным гарантом и защитником интересов евреев во всем мире и поэтому именно нам следует помогать всеми доступными средствами. Так почему бы не перебросить мосток через океан и установить дружеский контакт между учеными, физиками двух стран – теоретиками и практиками – для обмена информацией?..

Цели ясны, задачи определены. Но сомнения и страхи все же оставались. «Не знаю, что делать, чтобы отделаться от гнетущего чувства, – буквально перед самым отъездом из Москвы Михоэлс писал своей жене Анастасии Потоцкой, которая находилась в эвакуации, в далеком Ташкенте. – Здесь выявилась картина весьма тяжелая и сложная той обстановки, в которой мне придется очутиться фактически одному… А сложность растет там с каждым днем. Придется нырять. Но ведь это не роль. Здесь провал немыслим – это значит провалить себя, обезглавить себя. Любимая, мне тяжело и тоскливо».

Только напрасно Соломон Михайлович рассчитывал, что т а м он окажется один. От Американского общества помощи России московских гостей опекала Маргарита Коненкова. Она подготовила их официальную встречу с супругой американского президента СССР, помогала в организации многомесячного пропагандистского турне по Соединенным Штатам. Теневое

«шефство» обеспечивала разветвленная советская резидентура. В Вашингтоне ею руководили секретарь посольства СССР Василий Зарубин (под фамилией Зубилин) и его верная спутница Елизавета Юльевна, в Сан-Франциско вице-консул Григорий Хейфец (носивший зловещее кодовое имя Харон)… Они ни на минуту не выпускали из вида посланников Москвы и вовремя уберегали от ошибок. Повседневный присмотр за малопредсказуемым Михоэлсом вел Фефер (оперативный псевдоним «Зорин»), с которым Берия имел отдельную беседу. Ицик в тот вечер едва ли не во фрунт тянулся перед Лаврентием Павловичем, а потом, уже дома, напился, как простой хам. И долго горько плакал, чувствительная душа. Но зря он так переживал. И в Союзе писателей, и в ЕАК все прекрасно знали (или догадывались) о том, что Фефер связан с НКВД, а потому не сторонились и ничего от него особо не скрывали.

Официальную цель поездки представители ЕАК – сбор средств на закупку вооружения, продовольствия, медикаментов – в глазах американцев выглядела совершенно уместной, естественной и благородной. Турне проходило с большим успехом. На митинге в Карнеги-Холле итогом американской «экспедиции» Соломона Михоэлса было собрано 16 миллионов долларов благотворительных взносов. Позже на счета ЕАК поступили еще 15 миллионов от фонда госпожи Черчилль, столько же из Канады, крупные суммы из Мексики и находящейся под британским мандатом Палестины.

Но куда весомее были результаты негласной работы делегации ЕАК по установлению контактов с ведущими научными силами Соединенных Штатов. Этим также занималась неутомимая Маргарита. Физики-евреи из ближнего окружения Эйнштейна, – Оппенгеймер, Ферми, Сцилард, супруги Розенберги, были буквально очарованы общением с Соломоном Михоэлсом, проникаясь мыслью о том, что помогают не только союзнику в лице Советского Союза, но, прежде всего, евреям мира, чьему существованию угрожает гитлеризм. Оппенгеймер и Ферми с 1943 года уже фигурировали в оперативных чекистских сводках как наиважнейшие источники информации под кодовыми именами – «Директор резервации» и «Вексель», «Заяц» и «Стар».

Тем более убедительным и заманчивым выглядел пересказанный красноречивым актером сталинский план создания по окончании войны на Крымском полуострове еврейской социалистической республики. Мечты о «Калифорнии в Крыму» сладко кружили головы наивным ученым, которые блестяще разбирались в своей науке и мало что смыслили в головоломных хитросплетениях коварной геополитики товарища

Сталина… Да что там ученые, если даже такой прожженный политик и дипломат, как Аверелл Гарриман свято поверил в эту «дезу» и позже, уже во время подготовки Ялтинской конференции, открытым текстом спрашивал у своих советских коллег о том, как продвигаются дела с созданием Еврейской крымской республики в связи с будущими американскими кредитами под этот проект. Но уже в ноябре 45-го, когда Гарриман через Молотова предложил Сталину продолжить обсуждение крымского проекта, тот даже не пожелал принять посла США.

А вот Альберт Эйнштейн все же проявлял осторожность. Угощая Михоэлса кофе в Принстоне, он спросил:

– А как вы будете со мной разговаривать? Как вам велено? Или как вы сами думаете?

Мудрый Соломон сделал вид, что обиделся. Эйнштейн примирительно поднял руку:

– Скажите честно: что с антисемитизмом в вашей стране?

– В основном антисемитизм в Советском Союзе изжит. А рецидивы в отдельных головах случаются. Как без этого?..

– Знаете, уважаемый мистер Михоэлс, я все же физик. И знаю, что каждая вещь имеет тень. Тень нашего с вами народа – антисемитизм. Одно из двух: если у вас в стране есть евреи, тогда у вас должен присутствовать и антисемитизм. А если в СССР антисемитизма нет, стало быть, у вас нет евреев.

– Но я же есть! – вскинул голову гордый актер. – И это реальность.

– Конечно, – улыбнулся Эйнштейн.

Саранак-Лейк, лето 1943

В свое «гнездышко», как заговорщики «Альмар» называли коттедж на берегу озера, в тот день возвращались из Пристона вместе с британским гостем.

Знакомя Маргариту с немолодым уже мужчиной с тростью и трубкой в руке, Эйнштейн от души веселился:

– Как же мне повезло! Сегодня я, простой безродный еврей из швабского Ульма, нахожусь в столь изысканной аристократической компании. Справа от меня – русская столбовая дворянка Воронцова-Коненкова, слева – потомственный английский лорд, сэр Бертран Рассел. Ей-богу, как это лестно мне, господа. Я смущен, господа, такая честь…

Он шутливо кланялся, пропуская своих гостей вперед, но, все же успевая вывернуться, чтобы успеть услужливо распахнуть дверь перед ними.

Маргарита и сэр Рассел смеялись:

– Да что вы, Альберт! Кто мы в сравнении с вами? Вы – король! Ваше величество!.. Мы – ваша придворная челядь…

Дружеские отношения Рассела и Эйнштейна имели давнюю историю. Познакомившись с открытиями Эйнштейна, Рассел сразу стал активнейшим популяризатором теории относительности, выпустив книгу «Азбука относительности». Талантливый математик, он проделал сложную философскую эволюцию, которую сам определял как переход от платоновской интерпретации пифагореизма к юмизму. Он же создал концепцию «логического атомизма» и разработал теорию дескрипций. Рассел считал, что математика может быть выведена из логики. Кроме того, с Эйнштейном их объединяли близкие взгляды на мир – от пацифизма до отношения к семейным узам и религии.

Но в тот вечер они больше говорили о войне, о гитлеризме, о роли ученых в предотвращении вполне реальной гибели всего человечества. Рассел был далек от атомных проблем, но он знал, что и в его родной Англии, и в Штатах, и в Германии идут активные работы по созданию оружия массового уничтожения, и это его крайне беспокоило.

Его тревогу разделял и Эйнштейн. Может быть, именно тогда, во время вечерней беседы двух мудрецов, впервые возникла идея о необходимости объединения прогрессивных ученых, выступающих за мир, разоружение, международную безопасность, за предотвращение войн и за научное сотрудничество, которое спустя почти полтора десятка лет положит начало Пагуошскому движению…

Принстон, весна-лето 1945

Получив очередное задание от Вардо – тщательно, с фотографической точностью фиксировать все детали разговоров, которые Оппенгеймер и его коллеги ведут у Эйнштейна в ее присутствии, Маргарита слезно взмолилась: «Я же ничего не понимаю в этих их беседах, они говорят на каком-то своем, птичьем языке!»

– Ничего страшного, – успокаивала свою агентессу Зарубина. – Главное – запоминай до последней буквы каждое произнесенное слово, даже если ты его не понимаешь. Потом перескажешь мне, и все…

Когда Маргарита с наивным интересом принялась расспрашивать Альберта, что такое постоянно упоминаемая в разговорах какая-то «сверхбомба», Эйнштейн, пустившись в объяснения, по обыкновению увлекся, кратко и по возможности доступно разъяснил ей, как прилежной ученице, основные моменты работы своих коллег в Лос-Аламосе, для наглядности сопровождая «лекцию» незатейливыми чертежиками-рисунками. Помня рекомендации Зарубиной, Маргарита даже не прикоснулась к этим, безусловно, бесценным бумажкам, но благодаря своей безупречной зрительной памяти буквально «фотографировала» их.

Уже дома она воспроизвела их на бумаге. Вкупе со стенограммой беседы с Эйнштейном материалы по верным каналам отправилась в Москву, пополнив секретную папку операции по добыче сведений о разработке атомного оружия, которую на Лубянке зашифровали как «Энормоз», что в корявом переводе обрело сразу несколько значений – «ненормальный», «громадный», «ужасный».

Довести свои планы до логического завершения чете Зарубиных помешали непредвиденные обстоятельства. В 1944 году супруги были срочно отозваны в Москву. Коненкова недоумевала: «Как же так, даже не попрощавшись, укатили неизвестно куда?..»

Куратором Маргариты в Нью-Йорке стал вице-консул советского представительства Павел Петрович Михайлов. Настоящая фамилия резидента Главного разведуправления Генштаба Красной Армии была Мелкишев. По странной прихоти начальства оперативным псевдонимом ему избрали фамилию великого французского драматурга – Мольер. Большие шутники служили на Лубянке. Или Михайлов вызывал ассоциации на тему «Мещанин во дворянстве»?..

* * *

Внезапно приехавший в Принстон Лео Сцилард не скрывал эмоций:

– Простите, профессор, я просто не знаю, но мне нужен совет… Формально я не имею права обсуждать с кем-либо, с вами в том числе, то, что собираюсь сейчас вам сказать. Формально, это так. Но по существу…

– Так говорите же, Лео, не тяните. Или не говорите вообще. И пойдем пить чай.

– Помните то письмо, которое вы в августе 39-го направляли Рузвельту?

– Ну, конечно. Я такие вещи не забываю, дорогой Сцилард.

– Так вот, я должен вам сообщить, что работы по созданию атомной бомбы уже находятся в завершающей стадии.

– Поздравляю.

– Но теперь возникает резонный вопрос: что делать с этой бомбой дальше? Гитлер практически на коленях, и по всему выходит, что наша «игрушка» вроде бы уже ни к чему И даже опасна. Ведь тогда, в 39-м, мы требовали ускорить работы по атомной бомбе, чтобы опередить немцев…

– У вас хорошая память, Лео. Так вот, тогда я говорил вам о возможности возникновения подобной патовой ситуации, – улыбнулся Эйнштейн.

– Конечно, помню. Но тогда мы все так были увлечены идеей создания нового сверхоружия против Гитлера, что никто не мог даже представить себе, что, в конце концов, мы упремся в трагический тупик.

– Не стоит говорить обо всех, Лео, – упрекнул молодого коллегу Эйнштейн.

– Да, простите. Тот самый Александр Сакс (ну, банкир с Уолл-стрит, который передавал тогда Рузвельту наше письмо) в конце прошлого года по просьбе «Манхэттенской» группы беседовал с президентом. Сакс изложил ему наши предложения, которые, скажем так, встретили сочувственное отношение.

В частности, физики предложили после окончательных испытаний провести публичную демонстрацию нового оружия в присутствии представителей союзных держав и нейтральных государств, затем они опубликуют от своего имени или от имени правительства краткое коммюнике с изложением сути открытия. И если к тому времени война еще не будет закончена, то тогда правительство США обратиться к правительствам Германии и Японии с требованием капитуляции. В случае отказа немцы и японцы будут оповещены о предстоящей бомбардировке с

указанием ее места и времени. Противнику нужно будет предоставить время для эвакуации людей и скота.

– Шесть лет назад мы просили вас повлиять на президента с целью ускорить работы по созданию бомбы, – продолжил Сциллард. – А теперь я хочу, чтобы вы подписали наш меморандум Трумэну с просьбой воздержаться от поспешных действий. Вы согласны, мэтр? – Он протянул лист бумаги и авторучку.

Эйнштейн быстро пробежал текст и, не раздумывая, поставил свою подпись.

(Ученые так и не узнали, что новый президент США Трумэн не удосужился прочитать их послание. Конверт остался нераспечатанным на его рабочем столе.)

Перед отъездом Сциллард попросил разрешения повидаться с госпожой Коненковой. Когда Марго вошла в кабинет Эйнштейна, Лео вскочил, подбежал к ней и осыпал ее руки поцелуями: «Спасибо вам, спасибо». Потом быстро распрощался и укатил.

– Что случилось? – Эйнштейн был заинтригован.

– Да так, ерунда, – беспечно отмахнулась Маргарита. – Его брат Карл был у нас, в России, сидел в тюрьме. Ну, я ему немножко помогла.

– Его освободили?

– Не совсем. Просто перевели на другой режим. Он теперь работает по специальности в конструкторском бюро.

– У тебя такие богатые возможности, Марго?

– Не у меня, Аль, а у моих друзей.

– Лео – хороший парень, – задумчиво проговорил Эйнштейн. – Еще в Берлине он был моим студентом, и весьма прилежным. Не то, что я. А какая у него была блестящая докторская диссертация!.. Хотя вообще-то он прирожденный изобретатель. Мы с ним понапридумывали столько интересных штук – и холодильники, и рефрижераторы. Но, к сожалению, он невезучий, бедолага…

– А мы с вами везучие, Альбертль, как вы считаете?

– Конечно!

Однажды в разговоре с Маргаритой Лео как-то пожаловался, что его брат Карл, инженер, давно уехал в Москву, работал в каком-то конструкторском бюро, а потом внезапно пропал. И с тех пор от него нет никаких вестей. Маргарита рассказала о проблеме Сцилардов кураторам, а дальше – по цепочке – информация ушла в Союз. Спустя некоторое время в нью-йоркскую резидентуру из центра поступило сообщение: приговоренный Карл Сцилард из тюрьмы строгого содержания переведен в ЦКБ-29 авиаконструктора Андрея Туполева – т. н.

«шарагу», тоже заведение тюремного типа, но с «правилами внутреннего распорядка» полиберальнее. Хотя и там, конечно, каждый пункт начинался со слов «запрещается», «не допускается», «возбраняется» и т. п.

Карл Сцилард оказался крайне полезным «врагом народа» – «наживкой» для брата Лео, на которую последнего можно было бы подловить. А он особо и не сопротивлялся…

* * *

– Знаешь, Марго, в отрочестве я был изрядным шалопаем. – Эйнштейн лежал рядом с Воронцовой, и его пальцы неспешно перебегали с обнаженной груди на ее теплый, упругий животик никогда не рожавшей женщины, потом руки возвращались к нежным плечам, а губы ласкали хрупкую ключицу.

– Я иногда ненавидел мать за то, что она заставляла меня учиться игре на скрипке. Я вообще терпеть не мог делать все, что нужно было делать по принуждению. Ты меня понимаешь?

– Конечно, любимый.

– Знаешь, я никому никогда не рассказывал. Говорю только тебе. Однажды даже чуть не ударил домашнюю учительницу своим стульчиком. До сих пор стыдно.

– А кто были твои родители?

– Мама была дочерью богатого штутгартского торговца кукурузой. Отец – Герман Эйнштейн называл себя коммерсантом. Но, я думаю, с коммерцией у него не очень ладилось. Сперва был совладельцем маленькой мастерской по производству перьевой набивки для матрасов. Потом в Мюнхене он с братом Якобом создали небольшую фирму по изготовлению электрооборудования. Даже занимались поставкой электрического освещения для знаменитого фестиваля Октоберфест, слышала о таком?

– Нет.

– Ну да. Но вскоре они прогорели. И тогда отец с мамой уехали в Павию, это городок под Миланом… Только и там у него ничего толком не вышло… В общем, еле сводили концы с концами.

После прогулки по фруктовому саду они долго сидели в беседке, болтая как бы ни о чем. Эйнштейн вспомнил о письме одной девочки, которая жаловалась ему, что ей с трудом дается математика и приходится заниматься намного больше других, чтобы не отставать от одноклассников. Она просила совета.

– И что же ты посоветовал бедной девочке? – спросила

Маргарита.

– А что я мог ей посоветовать? – усмехнулся Эйнштейн. – Я ей посоветовал не огорчаться. И заверил, что мои трудности еще больше, чем ее.

– Умница, – улыбнулась Маргарита и попыталась пригладить взъерошенные волосы Альберта.

Вечером, после ужина, Эйнштейн играл на скрипке. Единственным слушателем была его Единственная. Потом, устроившись рядышком на любимом полукруглом диване, они говорили о музыке, о композиторах. Перебирая великие имена, Эйнштейн делился своими сомнениями:

– Затрудняюсь сказать, кто значит для меня больше – Бах или Моцарт. В музыке я не ищу логики. Интуитивно воспринимаю ее, не зная никаких теорий. Мне не нравится музыкальное произведение, если я не могу интуитивно ухватить его внутреннюю целостность и единство… архитектуры. О музыке Баха я могу сказать одно: слушать, играть, любить, почитать – и помалкивать.

– Мне кажется, ты должен любить Вагнера, Альбертль…

– Честно говоря, я восхищаюсь его изобретательностью. Но отсутствие у него четкого архитектурного рисунка рассматриваю как декадентство. Для меня его личность как музыканта неописуемо противна, так что большей частью слушаю его с отвращением.

– Альбертль… Но так нельзя.

– Только так и можно… Да, а ты слышала анекдот обо мне, который сейчас рассказывают все кому не лень?

– Нет.

– Так вот, я умер, предстал перед Богом. Бог мне говорит: «Ты великий ученый, я хочу наградить тебя. Чего ты хочешь?» А я его прошу: «Покажи мне, Господи, формулу Вселенной». Он подает мне скрижаль с длинной формулой. Я смотрю и вдруг вижу: «Господи! Но тут же ошибка!» – «Да знаю, знаю…», – сокрушенно вздыхает Бог.

– Смешно, – улыбнулась краешком губ Маргарита. – Но ты не умрешь. По крайней мере, пока я с тобой.

«Ты не умрешь, пока я с тобой…» Он подумал, что эта ее последняя фраза похожа на фальшивые слова из какого-то бродвейского спектакля. Да нет, у нас с Марго вряд ли что вечное может получиться. Ей нужен муж-поклонник, а мне – жена-домохозяйка, которая всегда рядом, которая встречает и провожает, кормит и купает, а в основном – ждет. И не мешает.

Но пока они наслаждались уединением, одиночеством вдвоем. Им было хорошо и покойно. Лежа в постели, лениво

переговаривались. Покидали кровать лишь изредка. Шлепая босиком по теплому полу, Эйнштейн время от времени уходил в кабинет покурить, давно взяв себе за правило не дымить в спальне. Оставшись одна, Маргарита нежилась на смятых простынях, пытаясь восстанавливать в памяти детали вчерашней застольной болтовни Роберта Оппенгеймера с Альбертлем.

Оппенгеймер сетовал на трудности, которые переживала его суперсекретная лаборатория.

– …Я сам предложил генералу Гровсу это плато Лос-Аламос в штате Нью-Мексико. Еще в детстве я здесь учился в закрытом пансионе. Пустынная территория, равноудаленная и от атлантического побережья, куда германские подводные лодки иногда высаживают своих шпионов, и от населенных пунктов, жители которых могли бы пострадать в случае (тьфу-тьфу-тьфу!) ЧП во время проведения опытных испытаний. Поначалу мы с Гровсом предполагали поселить рядом с Лос-Аламосом примерно сотню ученых с семьями. Но уже скоро там находилось три с половиной тысячи сотрудников. А сегодня – более шести тысяч. Можете себе представить такой муравейник?..

Оппенгеймер лично занимался комплектованием научного коллектива, исколесил тысячи километров, чтобы встретиться с каждым потенциальным кандидатом, постараться убедить его покинуть насиженное местечко в университете или лаборатории, отрешиться от прежнего быта и перебраться в пустыню Нью-Мексико, и быть готовым к тому, чтобы оказаться отрезанным от всего внешнего мира.

Первые поселенцы старинного городка Санта-Фе – прежней резиденции испанских вице-королей – появились уже весной 1943 года. Их автобусом ежедневно доставляли на плато Лос-Аламос, покуда поблизости от лаборатории не выстроили дома.

– И когда же вы будете готовы выпустить джинна из бутылки? – просто из любопытства поинтересовался у своего молодого коллеги Эйнштейн.

– Я думаю, к середине июля все завершится.

«…Генерал Гровс…Плато Лос-Аламос, штат Нью-Мексико… Санта-Фе… Три с половиной тысячи сотрудников… Сегодня более шести тысяч… середина июля» – впечатывались в ячейки цепкой памяти Маргариты новые имена, географические точки, даты и цифры…

* * *

Все развивалось именно по прогнозам Оппенгеймера. 12 и 13

июля составные части снаряда «Фэт Мэн» («Толстяк») в строгом соответствии с совершенно секретным планом доставили в район Аламогордо и подняли на металлическую башню, стоящую, как морской маяк, посреди бескрайней пустыни. В два часа ночи 16 июля, после устранения ряда технических неполадок, все участники эксперимента заняли свои посты в пятнадцати километрах от «пункта ноль». Громкоговорители транслировали танцевальную музыку. Первоначально взрыв намечался на четыре утра, но погода испортилась, и пуск отложили на полтора часа. В пять пятнадцать все участники программы – ученые и «технари» – надели темные очки и улеглись ничком на землю, отвернув лица от «пункта ноль». В 5.30 ослепительный белый свет залил тучи и горы. Все!

Роберту Оппенгеймеру, который изо всех сил вцепился в одну из стоек контрольного поста, в эту поистине историческую минуту неожиданно вспомнились строки из древнеиндийского эпоса «Бхагават Гита»:

Мощью безмерной и грозной
Небо над миром блистало б,
Если бы тысяча солнц
Разом на нем засверкала…

Когда гигантское облако пыли высоко поднялось над местом взрыва, в памяти ученого пульсировали пророческие слова:

Я становлюсь смертью,
Сокрушительницей миров.

Саранак-Лейк, 6 августа 1945

Когда отважный капитан Эйнштейн пришвартовал свой парусник к мосткам, на берегу его поджидал знакомый репортер «Нью-Йорк тайме». Поздоровавшись, он сразу же взял быка за рога:

– Профессор, сегодня ранним утром атомная бомба сброшена на Хиросиму. Ваш комментарий?

– Какой ужас! – только и смог вымолвить ученый. – Этого нельзя было допускать!

Постоял молча, а потом медленно побрел к своему коттеджу. Дома, слава Богу, никого не было. Он никого не хотел видеть. Просто не мог.

Вечером сказал Маргарите: «Если бы я знал, что до этого дойдет, я бы лучше стал сапожником».

(Правда, позже изменил свое мнение и в разговоре с Оппенгеймером уже сожалел, что не следовало было бы отказываться от карьеры водопроводчика.)

Принстон, август 1945

…Альберт уснул, свернувшись в клубочек, как ребенок. Маргарита положила руку на его плечо и, засыпая, подумала: если бы он предложил мне остаться, то…

Перед этим они говорили о «зеленой палочке» Льва Толстого. Той самой, на которой был начертан секрет общечеловеческого счастья, и о других тайнах, которые могут быть открыты, если в течение часа не думать о делах обыденных.

А до того, утром, Альберт пригласил ее полюбоваться его клубничными грядками, кустами роз и барбариса:

– Это уже второй урожай. Учитывая здешний климат, их надо почаще поливать.

Он пошарил руками в зарослях бурьяна в поисках шланга, потом открыл кран и принялся за полив зреющих ягод, стараясь точно распределять воду межу кустиками клубники, чтобы не оставлять без влаги ни одного побега. «С математической точностью», – подумала Маргарита, идя в шаге перед Альбертом и попутно вырывая сорную траву.

Она настолько увлеклась своим занятием, что даже не услышала, как Альберт перекрыл кран и, бросив в траву шланг, подошел к ней сзади, вытер мокрые руки о свои холщовые штаны и обнял ее за плечи. Он уткнулся в ее теплую нежную шею и прошептал:

– Марго…

Ей порой становилось до слез жаль своего «Аль», которого нещадно донимали всевозможные просители, посетители, дальние и близкие родственники, друзья и мимолетные знакомые. Она знала, что он не принадлежит к тем мыслителям-олимпийцам, чей интерес к судьбам человечества сочетается с безразличием к судьбе конкретного человека, с которым он сталкивается в повседневной жизни. Он писал тысячи рекомендательных писем, давал советы сотням людей, часами мог беседовать с полоумным человеком, семья которого написала ему, что только он в силах помочь больному. Он был мил, добр, разговорчив, улыбался с необыкновенным радушием, но с тайным нетерпением ожидал сладкой минуты, когда наконец сможет вернуться к работе.

Эта тяга к одиночеству не сводилась исключительно к решению каких-то глобальных научных задач. Вовсе нет. Он признавался: «*Страстный интерес к социальной справедливости и чувство социальной ответственности противоречили моему резкому предубеждению против сближения с людьми и*

человеческими коллективами. Я всегда был лошадью в одноконной упряжке и не отдавался всем сердцем своей стране, государству, кругу друзей, родным, семье. Все эти связи вызывали у меня тягу к одиночеству, и с годами стремление вырваться и замкнуться все возрастало. Я живо ощущал отсутствие понимания и сочувствия, вызванное такое изоляцией. Но вместе с тем ощущал гармоническое слияние с будущим. Человек с таким характером теряет часть своей беззаботности и общительности. Но эта потеря компенсируется независимостью от мнений, обычаев и пересудов и от искушения строить свое равновесие на шатких основах».

В последний раз она отправилась к Альберту в Принстон вполне мотивированно. Жила в его коттедже две недели, постоянно контролируя проблемы «упаковки багажа». К бесконечным дорожным хлопотам был привлечен советский вице-консул Павел Михайлов, что вполне естественно. Во всяком случае, он вооружил Коненковых официальным мандатом, которым предписывал всем советским учреждениям на территории США обеспечить беспрепятственный проезд супругов до Сиэтла, где их ждал корабль, а далее – из Владивостока до Москвы.

Михайлов настоял, чтобы его встреча с Эйнштейном состоялась не в Принстоне, а на дальнем озере. Вскоре Альберт Эйнштейн сообщает возлюбленной, что «Михайлов вновь передал мне привет. Кажется, симпатии взаимны». В следующем письме ученый сообщает Маргарите, что «в соответствии с программой» теперь уже он нанес визит «консулу». «Рекомендации и советы от Михайлова» регулярно упоминаются и в других его письмах.

На всякий случай Маргарита и на расстоянии нежно стимулирует душевное состояние своего законного супруга, сообщая ему:

«*Дорогуся! Я была очень рада получить от тебя весточку. Ты пишешь, что Буржуа советует тебе для упаковки компанию Бодвордт. Но ведь я тебе тоже о них говорила. Я только боюсь, что эта компания очень дорогая. Если все же ты решил обратиться к ним, то, по всей вероятности, они заберут все вещи и упаковывать будут в их мастерской, где у них все приспособления. Ужасно меня удивляет и беспокоит, что консул ничего не предпринимает по поводу упаковки. Перед тем, как обратиться в Бодвордт, нужно, конечно, выяснить вопрос с консулом. Упаковка ведь будет стоить очень дорого. Всегда твоя Маргарита.*

P.S. Дай крошкам в мою честь что-нибудь сладенького».

(«Крошками» именовались любимые крысята Маргариты).

19 августа она информирует мужа: «С Эйнштейном я еще не говорила о консуле. Боюсь, он не согласиться его принять, но я все-таки попробую… Только теперь чувствую, как ужасно я устала (устала на курорте! От чего?) и как мне необходим отдых».

Спустя два дня Маргарита, не скрывая раздражения, написала Коненкову: «Дорогуся моя! Сейчас написала маленькое письмо Пав. П. Михайлову (консулу) с сообщением, что Эйнштейн будет рад его видеть. Я все выжидаю удобную минуту (в смысле настроения!), чтобы спросить Эйнштейна об этом. Возможно, что консул будет тебе звонить, если действительно он думает приехать. Как-то ты, мой дорогой, и как мои зверьки? Меня ужасно беспокоит вопрос с упаковкой и т. д. Неужели ты до сих пор ничего не слышал от консула? Прямо жуть берет. Я же вот исполнила свое обещание – переговорила о нем с Эйнштейном и сразу же даю ему об этом знать…. Интересно, приедет ли консул? Я бы на его месте подождала бы до сентября и поехала бы к Эйнштейну в Принстон. Всего один час езды, а чтобы доехать сюда, нужно потратить так много времени и денег…»

Хотя мастеру было не до того. Он уже вовсю лепил, ориентируясь на газетные и журнальные фотографии, портреты выдающихся советских полководцев, героев войны – Жукова, Рокоссовского, Конева, Малиновского…

Не выпуская Коненкова из-под своего контроля, Маргарита по-прежнему нежно обращается к нему из принстонского «гнездышка» 27 августа: «Роднуся! Что же ты мне пишешь так редко? За все время я получила от тебя только 2 письма. 21 августа я писала тебе, что одновременно пишу и Михайлову, консулу, о том, что Эйнштейн сказал, что будет рад его здесь видеть. К моему удивлению, от Михайлова до сих пор нет ни слуха ни духа. Мне просто неудобно перед Эйнштейном, который несколько раз меня спрашивал, «когда же приедет ваш консул?». Ведь мог же он ответить, несколько слов, приедет он или нет. Я дала ему также телефон, по которому он мог бы меня вызвать, если он почему-то не хотел писать. Меня все время беспокоит вопрос об упаковке твоих скульптур. Действительно, Михайлов сказал, что ему поручено оказать всяческое содействие – но кто знает, что он подразумевает под этим «содействием». Во всяком случае, мне кажется, что дальше ждать нельзя и нужно поставить им вопрос ребром – будут они упаковывать или нет. Ведь время летит, а мы все на том же месте, даже паспортов в руках нет… Крепко тебя целую. Твоя Маргарита!»

Нью-Йорк, Гринвич-Виллидж, сентябрь 1945

…С превеликим трудом высвободившись из-под грузного потного тела Сергея, Маргарита поднялась с развороченной любовной схваткой постели, набросила шелковый халат и подошла к балкону. Пресытившись, он всегда мгновенно засыпал, а ей страшно хотелось курить.

Она села в кресло, на ощупь нашла спички, мундштук и сигаретки. Вспомнила, как Альберт все смеялся: «Мундштук» в переводе с немецкого – «деталь для рта». Прости, моя милая, но ты гораздо лучше пользуешься другой деталью для рта. Поверь мне, ты умеешь мастерски курить. Очень красиво и нежно.

Сегодня Сергей был чересчур грубоват и требователен. Она видела нависшее над ней его взмокшее от пота лицо с прилипшими ко лбу прядями седых волос, устремленные в какую-то пропасть глаза, приоткрытый в мучительной гримасе рот. А она заслоняла от него весь сторонний мир. Он тискал ее груди, тер соски, кусал шею, от его рук на бедрах оставались безобразные багровые синяки… Но все равно, ей было с ним тоже так хорошо.

* * *

…Маргарита Ивановна вышла на верхнюю палубу и, уютно устроившись в шезлонге, всматривалась в удаляющиеся берега Америки. Смотрела, но ничего не видела. Думала о своем. Вспоминала, как в день расставания Альберт надел ей на руку свои именные золотые часы и нежно поцеловал в губы. Оба понимали, что прощаются навсегда. И он, и она знали: это была их личная плата за «ядерное равновесие».

– Давай я напоследок помою тебе голову, – предложила Маргарита в их прощальный вечер. Она знала, что он обожал это действо, почти равнозначное интимному акту. Он буквально млел, таял под ее руками, иногда даже постанывал от удовольствия.

Альберт Эйнштейн, видимо, напрочь забыл о ветхозаветной филистимлянке Далиле, обольстившей и затем предавшей Самсона, проделав нечто непотребное с его волосами, в коих таилась сила героя. И вряд ли физик читал толкования христианского богослова Иоанна Златоуста, который писал:

«Издревле в раю Диавол уязвил Адама женщиною… Женщиною мужественнейшего Самсона ослепил… Она предала иноплеменникам своего супруга, которого любила, ласкала, которому говорила, что любила его больше, чем себя. Того, кого вчера любила, ныне обольщает, кого вчера согревала лобзанием, ныне, обольщая, предает смерти…»

Стюард принес ей кофе, учтиво спросил, не желает ли гостья чего-либо еще. Получив отрицательный ответ, он удалился. Маргарита Ивановна достала из дорожной сумочки последнее письмо Эйнштейна, вновь и вновь перечитывая:

«*Принстон. 8.XI.45*

Любимейшая Маргарита!

Я получил твою неожиданную телеграмму еще в Нью-Йорке, откуда я смог вернуться только вчера вечером. Так тяжело задание, которое несет с собой большие перемены для тебя, но я верю, что все закончится благополучно. Хотя по прошествии времени ты, возможно, будешь с горечью воспринимать свою прочную связь со страной, где родилась, оглядываясь на пройденное перед следующим важным шагом. Но в отличие от меня у тебя есть еще, возможно, несколько десятилетий для активной жизни в творчестве. У меня же все идет к тому (не только перечисление лет), что дни мои довольно скоро истекут. Я много думаю о тебе и от всего сердца желаю, чтобы ты с радостью и мужественно вступила в новую жизнь и чтобы вы оба успешно перенесли долгое путешествие. В соответствии с программой я нанес визит консулу, и это доставило мне радость…

Я очень рад, что удалось вырваться из заботливых когтей медицины и вновь увидеть гнездышко, которое передает тебе сердечный привет… Здесь меня ожидает гора писем, так что работы, как и у моего соперника, хватает. Напиши мне скорее, если, конечно, у тебя есть время.

Целую. Твой А. Эйнштейн.

Твое письмо, отправленное с парохода, я также получил. Было очень приятно, что в последний момент перед отъездом ты вспомнила обо мне».

Она невесело усмехнулась: как же хитроумно Альбертль попытался все зашифровать. Мол, друг поймет, а враг озадачится. Во время последнего совместного отдыха на берегу Саранак-Лейк Маргарита все рассказала Эйнштейну. Ну, или почти все. (В общем, то, что санкционировало всеслышащее ухо Москвы, с одновременной директивой о возвращении назад, в Советский

Союз.)

Маргарита говорила и говорила без удержу: «Альбертль, ты не понимаешь. Ты – гений, ты – другой. Ты – совершенно независимый человек, ты – единственный, ты сам по себе. А я? Я в прямой зависимости от всех. В сладкой – от тебя. В мерзкой – от самых страшных людей. Ты не представляешь себе… Вот ты же любишь Достоевского. Помнишь его «тварь дрожащую»?.. По-английски так не скажешь. Но это все обо мне… Мне горько, мне больно, мне печально…»

Она вытянула руку, чтобы в который уже раз полюбоваться золотыми часиками: тик-так, тик-так… Их мощный лайнер «Смольный» уверенно рассекал океанские волны, оставляя за собой белые буруны. На открытом воздухе становилось довольно прохладно, и Маргарита Ивановна вернулась в свою каюту.

Во Владивосток они прибыли в декабре 1945 года. Впереди Коненковых ждало долгое путешествие железной дорогой до Москвы. А еще разгрузка, перегрузка и прочие хлопоты.

* * *

«*Только что сам вымыл себе голову, но без особого успеха. У меня нет твоих умений и аккуратности… Но как мне все здесь напоминает о тебе; Альмаров плед, словари и чудесная трубка, которую мы считали потерянной, и куча вещей в моей келье. Ну и, понятно, осиротевшее гнездышко…*

Сердечные пожелания. Целую. Твой А.Э.»

Так Эйнштейн писал Маргарите 27 ноября 1945 года. Писал просто так, – в никуда. Но через месяц он вновь сообщал ей трогательные подробности своего уединенного бытия:

«*У нас ничего не изменилось, и жизнь идет своим чередом с той лишь разницей, что я теперь каждое воскресенье сижу в одиночестве в своей хижине… Я все больше должен играть роль пожилой важной персоны, своего рода пожилого святого. В известной мере это прекрасно, если от этого многого не ждешь.*

О господине Михайлове я больше ничего не слышал, но думаю, что ему наконец-то передали телеграмму в русскую академию. И мне очень любопытно, как пойдет дело дальше…

Я радуюсь вещам, которые ты мне передала и которые составляют мое окружение: голубой плед, браслет для часов, словари, карандаш и все остальное. С радостью жду твоих сообщений из нового мира…»

А еще через месяц пожаловался:

Я совсем запустил волосы, они выпадают с необычайной скоростью. Скоро ничего не останется. Гнездышко также имеет захудалый и обреченный вид. Если бы оно могло говорить, ему нечего было бы сказать. Я пишу тебе это, прикрыв колени Альмаровым пледом, а за окном темная-темная ночь…»

Ах ты, коварная искусительница Далила… Ну, а что же ты, забывчивый лохматый Самсон?..

Нью-Йорк, Принстон, декабрь 1945 – Москва, январь 1946

Участников чинного «нобелевского обеда» в ресторане нью-йоркского отеля «Уолдорф-Астория» отнюдь не смутил экстравагантный наряд почетного гостя: Альберт Эйнштейн был в рабочем свитере и мятых брюках. Но когда он попросил слова, публика насторожилась. Без резких заявлений он наверняка не обойдется.

– Мир выигран, – напомнил благородному собранию Эйнштейн. – Но мир не выигран!..

И уверенно обосновал свой тезис:

«*Не будет преувеличением сказать, что судьба мира зависит сейчас только от широкомасштабного соглашения между этой страной и Россией… Могут возразить, что соглашение в нынешних условиях невозможно. Это было бы так, если бы Соединенные Штаты предприняли хотя бы одну серьезную попытку в этом направлении. Но разве не произошло совсем обратное*?!. *Не было никакой необходимости продолжать производство атомных бомб и выделять 12 миллиардов долларов на военные нужды, когда не предвидится никакой реальной угрозы для Америки…*

Не было сделано ничего, чтобы рассеять подозрения России. А ведь эти подозрения легко понять, если вспомнить события последних десятилетий, – события, в которые мы сами внесли немалый вклад… Прочный мир может быть достигнут не путем угроз, но лишь посредством честных попыток утвердить атмосферу взаимного доверия, господа…»

* * *

Когда Роберт Оппенгеймер без всякой предварительной договоренности помчался в Принстон, он нисколько не сомневался: Эйнштейн непременно поддержит его идею объединения усилий ученых всех континентов и стран в разрешении нависающей атомной проблемы. Патриарх научного мира тихо сидел в любимом плетеном кресле, наслаждался ароматом гаванской сигары, отхлебывал небольшими глотками кофе и с отеческой доброй улыбкой смотрел на взволнованного Роберта.

– Бобби, что на этот раз случилось?

– Уважаемый мистер Эйнштейн, время не ждет. Мы должны… Обязаны обратиться к нашим русским коллегам. Они же тоже занимаются Бомбой. Я уже говорил с Юри, Лангмюром. Это должно быть коллективное письмо или телеграмма. Они не могут не быть солидарными с нашей тревогой.

– Я гляжу, Роберт, вы просто обожаете эпистолярный жанр, – усмехнулся Эйнштейн. – За свою жизнь я столько написал умных и глупых телеграмм и писем… Руки болят. Не хотите ли выпить чего-нибудь?

– Нет, спасибо.

– Ну, ладно, а то я уж думал, какой-то пожар… Давайте ваше письмо, если уверены, что оно в чем-то поможет общему делу, – по-прежнему мягко улыбаясь, сказал Эйнштейн. – Элен! Принесите нам кофе, пожалуйста… Итак:

«*Москва.*
Президенту Академии наук СССР,
господину Вавилову С.И
Мы те, которые в этой стране работали над атомными бомбами, очень взволнованы большими опасностями, которые связаны с этим открытием. Основные факты в этой области и их последствия для жизни человечества сейчас сформулированы в книге, написанной учеными, занимающимися атомными исследованиями, которая в ближайшее время должна выйти. Эта книга также выразит наше убеждение, что угроза бомбы может быть предотвращена только сотрудничеством в международном масштабе путем соглашения или организации…»

– Ты что, правда, веришь в эту блажь? – оторвался от машинописного текста хозяин дома.

– Верю. Читайте, пожалуйста, дальше.

«*Мы предлагаем выдающимся физикам СССР, Франции и Англии принять участие в этой книге краткими высказываниями таких наших русских коллег, как Капица, Иоффе, Курчатов, Ландау, Френкель, или тех, кого Вы найдете нужным указать.*

Для того, чтобы вся сила мировой научной мысли и научного авторитета могла повлиять на проблемы, поднятые атомной бомбой, мы настойчиво просим Вас телеграфировать к 15 января высказывания в несколько сот слов на имя Альберта Эйнштейна, Принстон, Нью-Джерси.

Мы были бы рады показать законченную рукопись этой нашей книги тому, кому Вы найдете нужным поручить это здесь, и мы можем Вас уверить, что текст, который Вы нам пришлете, будет

использован без каких бы то ни было изменений.

А. Эйнштейн»

– Ты хочешь, чтобы я подписал это, Роберт?

– Конечно!

– Ради Бота. Только я всегда привык рассчитывать на какой-то эффективный результат. А тут что? Я уверен, что первым, кто в Москве прочтет наше письмо, наверняка будет советский Гувер – Берия.

– Вот пусть читает и думает.

Провожая гостя до калитки, великий ученый тихо думал про себя: «Знай я, что немцы не смогут сделать атомную бомбу, я бы и пальцем не пошевелил, и не подписывал бы этих никчемных писем ни Рузвельту, ни Трумэну, ни русским… Пальцем бы не пошевелил, чтобы заставить шевелиться американцев».

Для Оппенгеймера, как и всей плеяды новой генерации физиков, Эйнштейн оставался «пастырем XX века, говорящим, не теряя при этом своей неизменной и неукротимой жизнерадостности: «Суета сует, все суета».

* * *

Письмо действительно так и не дошло до академика Вавилова. Но в своем прогнозе Эйнштейн ошибся лишь в одной детали – рассмотрение обращения было поручено не Берии, а не менее зловещей фигуре – Андрею Януарьевичу Вышинскому, бывшему генеральному прокурору страны, в 40-е годы почему-то занимавшему должность замнаркома иностранных дел.

* * *

Заглянув в кабинет мужа, Маргарита Ивановна вместо привычного бодрого приветствия «Доброе утро!» услышала зловеще тихий вопрос:

– И как прикажете это понимать?

Сергей Тимофеевич швырнул на стол какие-то бумаги.

– А что это? – вопросом ответила она.

– Это я должен спросить «что это»? Вот послушай, дорогая. – Коненков, держа лист на расстоянии, принялся громко читать:

Принстон, 15.01.1946
Любимейшая Маргарита!

Это уже третье посланное тебе письмо, а от тебя так и нет ни одного. Я уверен, что ты получаешь мои, а твои исчезают в какой-то неведомой дыре. Надеюсь, что так оно и есть, а помимо этого надеюсь, что ты все нашла таким, каким и хотела найти, и получила желаемые результаты от своей тяжелой работы. Я наконец написал что-то достойное. Ездил в Вашингтон, чтобы высказать свое мнение перед комиссией в Палестине. Наполовину она состоит из англичан, и я могу тебя уверить, что они еще никогда не слышали такого публично выраженного возмущения. Я даже не представлял, что смогу все это изложить на английском. Но если человек должен сделать что-то, он сделает. А все остальное, обычная работа. Я здоров, а вот мой ассистент заболел. Все благоразумные люди недовольны развитием политической ситуации, но так было всегда, и всегда останется так, ибо большинство рождается не для того, чтобы править.

Я сижу на моем маленьком полукруглом диване в полоску и наблюдаю тихой ночью за моим маленьким миром. Я укрыт голубым пледом, а передо мной на круглом столике лежит богатство из курительных трубок. Я экономно использую средство для очистки, которого хватит до моего последнего вздоха. Произвожу с помощью синего карандаша расчеты, и почти все, как прежде. Но различие уже есть.

Сердечные пожелания и привет от твоего А.Э.

P.S. Сегодня у тебя, кажется, должен быть Новый год. Счастья в 1946 году».

– Ну и?..

– Откуда это письмо у тебя?

– На тумбочке валялось. Нечего вещественные доказательства разбрасывать, «любимейшая»… Добрые люди помогли с переводом.

Учитывая темперамент обоих супругов, понятно, что семейная сцена была более чем бурной. Прислуга забилась на кухню и не высовывалась.

С того дня жить они стали по-разному: Коненков – в творчестве, а Маргарита – в четырех стенах. Ее не интересовало ничего – ни политика, ни искусство, никакие другие люди, ни книги, ни вернисажи, ни новые наряды. Она жила воспоминаниями о дорогом человеке, который остался далеко-далеко и с которым она уже никогда в жизни не увидится. Лишь редкие письма из Америки, согревающие душу, помогали женщине хоть кое-как держаться на плаву…

«Я нажал на кнопку…»

Со своей далекой и невидимой собеседницей Аль делился своими невеселыми думами и сомнениями:

«*Иногда я спрашиваю себя, не сошел ли я окончательно с ума, не находя решения. Это своеобразный контраст между тем, кто есть человек на самом деле, и тем, за кого его принимают… От моего имени все собирают деньги на общественные нужды: евреи, физики-атомщики и штат Нью-Джерси. Последний – на помощь голодающим в Европе…*»

Осознавая свой долг перед обществом, Эйнштейн строго следовал своим заветам: «*Забота о человеке и его судьбе должна быть основной целью в науке. Никогда не забывайте об этом среди ваших чертежей и уравнений*».

Осенью 1946 года Альберт Эйнштейн получил неожиданное письмо от одного из старейших и уважаемых немецких физиков Арнольда Зоммерфельда с предложением «зарыть топор войны» и вернуться в Баварскую академию наук. Что?!! Друзья прекрасно знали: Альберт был всегда великодушен и склонен прощать людей. Очень трудно было стать его врагом. Но если все же с кем-то отношения были порваны, то он навсегда оставался безжалостным и непреклонным. Таким он остался до конца жизни к немцам, чью вину он видел во всех преступлениях гитлеровской Германии.

«Гражданин мира», не мешкая, взялся за перо и в сердцах написал:

«*После того, что немцы уничтожили в Европе моих еврейских братьев, я не хочу иметь с ними никаких дел, даже если речь идет об относительно безобидной академии*».

Точка!

В послевоенные годы, опасаясь атомного джинна, выпущенного с его косвенной помощью из бутылки, Эйнштейн стал пылким сторонником идеи создания «мирового правительства», которое стало для него «спасительным понятием». Хотя и подобный монстр мог бы стать безжалостным тираном. Но еще большую тревогу вызывала у него потенциальная «война всех войн». Ученого преследовало чувство вины. Он не раз сожалел о том самом письме президенту Рузвельту, написанном еще в 39-м году, в котором призывал максимально ускорить работы по созданию американской атомной бомбы в противовес возможной германской.

Беседуя с журналисткой Антонией Валлентайн, Эйнштейн произнес покаянную фразу: «Я нажал на кнопку…» Хотя, в общем-то, ему было органически чуждо представление о зависимости исторических событий от воли творцов истории. Себя он, во всяком случае, к таковым не причислял. Эйнштейн в абсолютной степени владел искусством толстовской «зеленой палочки»; отрешенность от мыслей о себе была для него не искусством, а органическим свойством внутреннего мира.

Роковым образом все совпало. Трагедии внутренние и вселенские. Возлагая на себя вину за то зло, которое существует в мире, он особенно переживал многовековую трагедию разрушительного использования достижений разума. Человеческий интеллект должен искать гармонию в природе, вести к ней общество. Но в антагонистическом обществе плоды разума могут стать отравленными, и каждая научная идея, каждое открытие внутреннего ratio мира могут стать оружием иррациональных сил. Подобные мысли посещали Эйнштейна все чаще и чаще.

Он знал: «*Освобождение атомной энергии не создает новой проблемы, но делает более настоятельным разрешение старой проблемы*». А именно – в возможности агрессивного и разрушительного применения научных открытий. И нередко говорил о том, что открытие цепных атомных реакций так же мало грозит человечеству уничтожением, как изобретение спичек. Поэтому необходимо сделать все для устранения возможности злоупотребления этим средством.

Двести тысяч человек погибло при бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Двести тысяч… Да тех, кто отдал приказ о бомбардировке, надо судить, как нацистов, военных преступников. И его самого в том числе? Ради чего, спрашивается, уничтожать тысячи людей? Для того, чтобы продемонстрировать Сталину, кто в мире хозяин?! Боже.

Элен Дюкас настоятельно рекомендовала патрону принять известного советского писателя и публициста Илью Эренбурга: «Говорят, это самый еврейский из всех русских литераторов…»

В мае Эренбург приехал в Принстон. «Эйнштейну, когда я его увидел, – вспоминал Илья Григорьевич, – было за шестьдесят лет; очень длинные седые волосы старили его, придавали ему что-то от музыканта прошлого века или от отшельника. Был он без пиджака, в свитере, и вечная ручка была засунута за высокий воротник, прямо под подбородком. Записную книжку он вынимал из брючного кармана. Черты лица были острыми, резко обрисованными, а глаза изумительно молодыми, то печальными, то внимательными, сосредоточенными, и вдруг они начинали

смеяться задорно, скажу, не страшась слова, по-мальчишески. В первую минуту он показался мне глубоким стариком, но стоило ему заговорить, быстро спуститься в сад, стоило его глазам весело поиздеваться, как это первое впечатление исчезло. Он был молод той молодостью, которую не могут погасить годы, он сам ее выразил брошенной мимоходом фразой: «Живу и недоумеваю, все время хочу понять…»

Они много говорили о трагических последствиях создания атомной бомбы. По мнению Эренбурга, Эйнштейну казалось особенно страшным то, что многих американцев разрушение Хиросимы и Нагасаки не очень встревожило, они словно не заметили разрушения вековых моральных ценностей. Такая потеря памяти казалась ученому величайшей угрозой для цивилизации. Он рассказал поучительную притчу: «В Центральной Африке существовало небольшое племя… Люди этого племени давали детям имена Гора, Пальма, Заря, Ястреб. Когда человек умирал, его имя становилось запретным (табу), и приходилось подыскивать новые слова для горы или ястреба. Понятно, что у этого племени не было ни истории, ни традиций, ни легенд, следовательно, оно не могло развиваться – чуть ли не каждый год приходилось начинать все сначала. Многие американцы напоминают людей этого племени… Я прочитал в журнале «Ньюйоркер» потрясающий репортаж о Хиросиме. Я заказал по телефону сто экземпляров журнала и раздал моим студентам. Один из них потом, поблагодарив меня, с восторгом сказал: «Бомба чудесная!..» Конечно, есть и другие мнения… Но все это очень тяжело…»

В разгар беседы Элен принесла им на террасу кофе и курительные трубки. Заметив профессиональное любопытство, с которым московский гость осматривал хорошо обкуренные трубки, Эйнштейн спросил:

– Любите подымить?

– Не то слово! – воодушевился Эренбург. – Это моя страсть, любовь, болезнь… Я даже книгу написал под названием «Тринадцать трубок».

– Правда? – восхитился Эйнштейн. – Жаль, я не читал. И что, ваша книга, что, посвящена искусству курения трубок?

– Не совсем. Это, скорее, притчи, вроде вашей об африканском племени. Но у меня – о трубках, которые кочуют из рук в руки. Вот, например, об одном капитане, который оставил свое судно и трубку ради любимой женщины, но все же не выдержал, и, преодолевая всяческие испытания, вернулся и к своему морю, и к своей трубке. – Писатель процитировал сам себя. – «Кури и гляди на море, и никогда не гляди на женщин, и,

проходя мимо, отворачивайся. Слушай море и, услышав, как сладко говорит женщина, заткни уши. Дыши морем и, учуяв запах женщины, беги прочь…» Ну вот, примерно так…

Эйнштейн внимательно посмотрел на своего собеседника и трижды бесшумно сомкнул ладони, имитируя аплодисменты. И, помешкав, спросил?

– Я слышал, Иосиф Сталин тоже большой поклонник трубок?

– Кажется, да, – кивнул Эренбург. – Во всяком случае, я его часто видел с трубкой.

– А какой табак он предпочитает?

– Вот этого я уж точно не знаю. Говорят, вроде бы «Герцеговину Флор».

– Никогда о таком не слышал, – огорчился Эйнштейн.

Илья Эренбург поспешил исправиться: «Это не сорт табака, а наших папирос. А Сталин, рассказывают, просто крошит оттуда табак и набивает им свою трубку».

– О! – улыбнулся Эйнштейн, – я порой тоже так поступаю. Когда приключается, что неожиданно кончился трубочный табак, а до окончания лекции еще целый час, я вынужден стрелять у студентов сигаретку-другую, чтобы набить трубку… Хотя это, конечно, несерьезное баловство. А из всех сортов табака я больше всего люблю «Revelatiou». Это такая особая смесь с легким привкусом и ароматом кофе… Просто чудо. А вообще, я вам так скажу, дорогой Эренбург… Да вы не стесняйтесь, выбирайте любую из моих трубок или доставайте свою, в конце концов… Я считаю, что курение трубки способствует развитию спокойных и объективных суждений, что очень важно во всех сферах жизнедеятельности…

– Да, – поддержал ученого Эренбург, – курение трубки – занятие для солидных мужчин. Берущий в зубы трубку, кроме всего прочего, должен обладать редчайшими добродетелями. Я имею в виду бесстрашие полководца, молчаливость дипломата и невозмутимость шулера.

Эйнштейн развеселился и сказал: «Браво! Я беру ваши слова на вооружение… Кстати, в своей новелле о капитане вы говорите, что, учуяв запах женщины, следует бежать прочь. Так вот, аромат трубочного табака, как правило, нравится женщинам, особенно тем, которые не переносят сигаретного дыма. Говорю вам, опираясь на собственный опыт…»

Позже Альберт написал о своей встрече с русским писателем Маргарите: «*Мне был нанесен очень приятный и интересный визит. В гости приходил отличный писатель Эренбург. Конечно, такому человеку противостояние со многими могучими официальными инстанциями не доставляет радости. Он будет счастлив, когда*

это все закончится».

* * *

Эйнштейн совершенно ясно понимал, что новому руководителю США Гарри Трумэну ядерное оружие служит инструментом устрашения, предостерегая политиков: «Если третья мировая война будет вестись атомными бомбами, то четвертая – камнями и палками».

Имя, авторитет и популярность Эйнштейна безжалостно эксплуатировали. Его бесконечно втягивали в какие-то интриги, зазывали на публичные мероприятия, рауты, используя даже в рекламных целях. Иной раз он по собственной воле легкомысленно ввязывался в какие-то общественные протестные акции. В 1946 году принялся активно помогать темнокожему актеру и певцу Полю Робсону в организации митинга-демонстрации против линчевания негров. Потом на заседании англо-американского комитета по положению в Палестине Альберт Эйнштейн отстаивал необходимость создания еврейского государства Израиль.

И еще успевал при этом принести свои искренние извинения Маргарите: «*Ответ задержал, потому что люди и моя работа не дают покоя. Я ограничиваюсь только самым необходимым, но все равно никогда не успеваю…*» Проявляет трогательное внимание к малейшим новостям из Москвы: «*Удивительно, что вы можете рассчитывать на получение уже в июле по-новому оборудованной мастерской. Я очень рад, что Он нашел своего сына живым и что у него даже есть внук… Думаю, что майский праздник был великолепен. Однако ты знаешь, что я с беспокойством отношусь к чрезмерному проявлению патриотических чувств. Я делаю все, что могу, чтобы убедить людей в необходимости мыслить космополитично, благоразумно и справедливо. Только три дня назад я обратился (по телефону) в этом смысле к собранию студентов в Чикаго. Это очень тяжелая работа. Скептик с тонким вкусом сказал однажды о споре между чувством и разумом: более умный уступает. Это – конечно, разум. Я могу только надеяться на то, что в великом деле борьбы за мир не будут руководствоваться этим правилом.*

…Гнездышко выглядит одиноким, но верным другом, который принимает уставших от повседневной работы… Я вообще забросил свои волосы и бренное тело… Многие считают, что физические явления непонятны. К этому относится стремительная и полная волнений жизнь. В любом случае очень интересно то, что ты

написала об осветлении своих волос. Я очень порадовался этому…

Желаю тебе всего хорошего.

С приветом и поцелуем. Твой А.Э.»

Принстон, весна 1946

Эйнштейн, вспоминая возлюбленную, все чаще стал засиживаться на своем полукруглом диване, укрытый пледом-альмариком, с трубкой во рту, а по ночам делал заметки прекрасным карандашом, подаренным ему Маргаритой. И никаких других женщин, кроме, разве что Элен Дюкас, заверял он свою далекую московскую Женщину.

Хотя тут, скажем прямо, чуть-чуть лукавил. После отъезда Маргариты постоянной гостьей дома в Принстоне стала восхитительная Джоанна Фантова, которой было совершенно наплевать на то, что Альберт был старше ее на 22 года, и его некогда пышные волосы стремительно выпадали, и все реже и реже он был способен ласкать ее. Просто женщины любят умных мужчин, а уж гениальных – тем более… Зато Джоанна, скромный библиотекарь Принстонского университета, имела право говорить: «Редко я видела Эйнштейна таким же веселым и жизнерадостным, как парусом маленькой лодки».

Джоанна на пару с прошедшей многие испытания Дюкас мужественно держали оборону, ни на фут не подпуская к своему измученному, усталому, любимому мужчине назойливых поклонников, посетителей и просителей… «Профессор болен…», «Профессор занят…», «Профессор проводит эксперимент…»

Он сам знал, с кем ему хочется общаться, а с кем нет.

Джоанна это вскоре поняла и исчезла сама, когда ей случайно на глаза попалось еще не отправленное в Москву письмо Эйнштейна:

«*Любимейшая Маргарита*!

Я долго размышлял над тем, как я смогу решить эту проблему: ты не получаешь моих писем, я не получаю твои или мы оба ничего не получаем. Но, несмотря на то, что люди говорят о моем остром научном уме, я совершенно не в состоянии решить эту задачу. Это письмо я пишу на тот случай, если моя гипотеза найдет подтверждение. В настоящее время я читаю научный труд о магии и предрассудках всех народов во все времена. Эта книга меня убедила в том, что на месте черта сидит кто-то, кто позволяет исчезать твоим и моим письмам. Это, возможно, дойдет. Надеюсь, что ты нашла все в нормальном состоянии на твоей любимой огрубевшей старой родине. У нас все по-старому, если никто не болеет (меня вновь довольно сильно мучил желчный пузырь, но сейчас снова все в порядке). Жизнь спокойно идет дальше, и я добиваюсь в своей работе больших успехов.

Госпожа Лоу, которую ты в Принстоне считала единственным образцом женщины, нанесла нам прощальный визит. Она с мужем уезжает в Англию. Другие существа женского пола вокруг меня не появляются, о чем я не очень жалею.

Благодаря моим выпадам в адрес немыслимой политики количество корреспонденции в мой адрес резко увеличилось. Эта политика пачкает чистых, а запачканных делает опасными…

Устройство для чистки трубок я использую экономно, так что его должно хватить до моей смерти… Господин Михайлов еще не был у меня. Надеюсь, что на меня не наложили табу (никогда об этом не узнаешь).

С наилучшими пожеланиями. Целую. Если получишь это письмо, пошли к черту тех, кто пытался его скрыть. Твой А.Э.»

Он писал эти строки, а сам вспоминал, как ночами в темноте прижимался к ней, обнимал и говорил, говорил ей все, в чем мог признаться только себе. Себе и ей. Ей, Марго, доверены все потаенные мысли, сомнения, слезы, вся беспомощность седого юноши Альберта. Он ненадолго засыпал, уткнувшись лбом в ее теплое плечо и положив руку на ее грудь, словно искал защиты, а она, мягко освобождая руку, натягивала сползающее одеяло ему на спину.

Наутро, оставляя его в постели, она поднималась, наспех завтракала, приводила себя в порядок, внимательно разглядывая морщинки у глаз, и уезжала.

* * *

Прочитав очередное письмо из безумно далекой теперь Америки, Маргарита Ивановна решила не тянуть с ответом и отправилась на Центральный телеграф, благо он был рядом, тут же, на улице Горького. В операционном зале она присела у длинного стола, взяла бланк и, царапая тупым пером бумагу, быстро сочинила нежно-благодарственную телеграмму своему «Алю». Подала текст в окошко, телеграфистка нахмурилась, увидев необычный адрес – «Принстон, штат Нью-Джерси, США…», и с сомнением посмотрела на Коненкову. А Маргарита, вспомнив пожелание Эйнштейна, мысленно послала к черту всех, кто попытается мешать их переписке. И действительно, все сошло более-менее благополучно, без лишних объяснений…

Потом, уже дома, долго сочиняла пространное послание Альбертлю с описанием своих душевных переживаний, милых житейских деталей.

Принстон, март 1946

Как правило, до института Эйнштейн добирался пешком. Полчаса ходу, сущие пустяки. Тем более эти прогулки доставляли ему такое удовольствие. Выходя из дома, он сворачивал на тенистую аллею, которая лежала между рощами и лужками. Поляны перемежались зарослями орешника, платанов, кленов и лип. Здесь было много и фруктовых деревьев, особенно яблонь. И осенью, идя привычной дорогой, он собирал в траве опавшие, все еще краснощекие яблочки, которыми потом угощал институтских коллег. Три из них припрятывал в карманы – для единственных оставшихся рядом с ним женщин – Элен, Майе и Марго (увы, не той, заокеанской, а своей приемной дочери).

В Принстоне фигура Эйнштейна, бредущего от его дома к институту и обратно, была настолько привычной и легко узнаваемой, что местные жители воспринимали ее чуть ли не как обязательную часть пейзажа. Но, тем не менее, всякий раз принстонцы смотрели на него с обожанием, жадными от любопытства глазами, как на небожителя, спустившегося к ним. Ему нравилась фривольная песенка, которую распевали его студенты:

Кто в математике силен
И в интегралы кто влюблен,
Кто воду пьет, а не рейнвейн,
Для тех пример – наш Аль Эйнштейн!
И хоть, закончив свой обед,
Гуляет редко наш Альберт,
Мы просим Господа-творца
Пусть острижет он молодца!

Наскоро расправившись с формальными делами на кафедре, Эйнштейн, не задерживаясь в институте, не спеша вернулся домой, на Мерсер-стрит.

В своем кабинете на втором этаже он чувствовал себя уютно и безопасно, как в надежной скорлупе. С облегчением опустившись в кресло у рабочего стола, Эйнштейн взял несколько листов бумаги, ручку, и по привычке, прямо держа бумагу на колене, принялся сочинять давно просроченные ответы на письма знакомых, друзей и совершенно посторонних людей. Закончив очередное послание, он опускал листок просто на пол, рядом с креслом. Потом, все потом…

Теперь поступившая на его имя почта. Вот же какое странное письмо от 19-летнего парня, студента Рутгерского университета. Парень маялся над вечными вопросами: «Моя проблема состоит вот в чем: какова цель жизни человека на Земле?.. Серьезно, сэр, я даже не знаю, зачем хожу в колледж изучать инженерное дело… Не нужно недомолвок. Если вам кажется, что я свихнулся, так скажите прямо».

Ну что ему ответить? Что посоветуете, друзья? – Эйнштейн обвел глазами портреты, украшающие стены его кабинета: Ганди, Фарадей, Максвелл… Храните молчание? Спасибо. Тогда отвечу этому парню сам. Послушай меня, парень.

«*На меня произвела впечатление искренность вашего стремления найти цель жизни человека и человечества. Но, по-моему, на вопрос, поставленный таким образом, невозможно дать разумный ответ. Когда мы говорим о цели какого-нибудь поступка, мы имеем в виду простой вопрос: какое желание будет удовлетворено данным поступком или его последствиями или какие нежелательные последствия будут предотвращены? Разумеется, мы можем осмысленно говорить о цели поступка с точки зрения общества, к которому принадлежит индивидуум. Цель поступка в таких случаях имеет отношение, по крайней мере, косвенное – к исполнению желаний тех лиц, которые составляют общество…*

И все же мы чувствуем разумность и важность вопроса – как прожить свою жизнь? На мой взгляд, ответ таков: удовлетворение чаяний и нужд всех людей, насколько это достижимо, и стремление к гармонии человеческих отношений. Для этого необходимо сознательное мышление и самовоспитание. Бесспорно, просвещенные греки и древние мудрецы Востока достигли в этой важнейшей области значительно больше того, что излагается в школьных и университетских программах».

Что дальше? Письмо от фермера из Айдахо. Сообщает, что своего новорожденного сына назвал в его честь Альбертом, а посему просит написать младенцу хоть несколько напутственных слов. Для мальчика они будут талисманом, оберегом. В конверте снимок забавного малыша. И что? Пишет своему тезке Эйнштейн: «Ничто истинно ценное не рождается из честолюбия и одного лишь чувства долга; оно возникает скорее из преданности по отношению к людям и объективным вещам». В знак благодарности фермер потом прислал профессору мешок своей картошки из Айдахо…

Ну вот, а теперь можно пообщаться и с самой желанной

собеседницей. Только надо не забыть указывать на конверте уже не ее домашний адрес, а как она просила, «Центральный телеграф, до востребования, Маргарите Ивановне Коненковой».

«Любимейшая Маргарита!

Я получил твое первое письмо довольно оригинальным образом. Оно пришло точно в мой день рождения. Меня особенно порадовало, что оно содержало подробное описание событий твоей жизни. И мне особенно понравилось, что эта двуликая личность раскрыла себя. Я нахожу удивительным, что ты поддерживаешь со своей старой подругой, несмотря на такую длительную разлуку, полностью гармоничные отношения. Я отослал все письма и думаю, что все пропавшие еще дойдут. А вот с отправкой этого письма возникли трудности. По-видимому, мне не удалось правильно оформить его как письмо «до востребования» и пришлось писать на временный адрес в отеле. Я рад, что там вам был оказан такой теплый прием, особенно мистеру К., для которого неподходящее окружение несет неприятную душевную нагрузку. Я считаю, что поступал совершенно правильно, проявляя сдержанность в своих советах.

Здоровье мое оставляет желать лучшего. Я очень ослаблен многочисленными приступами и связанными с этим делами. Думаю, что это продлится недолго. Так уже было со мной в прошлом году; но проявлялось не так отчетливо. Сестра моя чувствует себя неважно, поэтому ее нельзя отпускать в поездку одну. Если все будет в порядке, летом она с моим сыном и семьей поедет в Швейцарию. Сын должен получить кафедру в Калифорнии. Яблоко от яблони недалеко падает. С тех пор, как ты перестала бывать у меня, жизнь моя течет равномерно и замкнуто. Эксидент и Хоре ни разу не были здесь. Дружба Марго с первым, кажется, дала трещину.

На скрипке я почти не играю, а потому почти разучился музицировать. Однажды сыграл с Бергманом, да и то потому, что не сумел отказаться. Зато я много играю на рояле то, что приходит в голову. Курительные трубки я чищу только тогда, когда они полностью забиваются, и вообще поддерживаю относительную чистоту. Работа очень напряженная, но я чувствую, что нахожусь на верном пути, и мой страусенок (ассистент) – превосходный помощник. Прилагая массу усилий, мы преодолеваем препятствия одно за другим.

Ты мне так и не написала, нашла ли ты там что-нибудь подходящее в смысле своей работы. Мне это было бы очень интересно, и я считаю, что ты не можешь быть долго бесполезной. Это письмо я пишу в своей хижине в воскресенье после поглядывая

на сад, где на березе появились первые листочки, а на других деревьях только набухают почки.

С сердечными пожеланиями. Целую. Твой А.Э.

Принстон 23.03.46»

Москва, улица Горького, 17, октябрь 1947

Телефонный звонок заставил Маргариту Ивановну вздрогнуть: «Кто там еще? Как они все надоели…» Но, оказалось, звонила старинная подруга (еще с 20-х годов, до отъезда в Штаты) Анастасия Николаевна. Щебетунья, как всегда, едва поздоровавшись, тут же затараторила:

– Марго, ты читала? Как это что? Твой «Алик» опять отличился! Наши академики по нему так прошлись, мамочки… Ты «Новое время» читаешь? Нет? Так купи немедленно последний номер, там напечатана изумительная статейка. Нет, слушай, никуда не ходи, я лучше сама тебе привезу, у меня есть. Жди!..

Маргарита Ивановна в ожидании гостьи велела готовить кофе (Анастасия жила неподалеку), уселась в кресло и в ожидании подруги принялась листать сборник стихов Аветика Исаакяна, который вчера этот дурно пахнущий лауреат Сталинской премии подарил ее мужу. «Моей Родине»… «Великому Сталину»… «Наша борьба»… Замечательно. Ах, какие чудненькие строки… Прямо ода!

Снова бушует кровавый поток войны,
Железные кони со ржаньем взметают прах,
Но пред волей народа все бури смириться должны,
И грядущее мира в надежных руках.
Ненарушимы счастливой страны рубежи,
От победы к победе ты родину нашу ведешь.
Да будет, как солнце, светла и долга твоя жизнь,
Народа великого мудрый, великий вождь!

Прелестно. А рифмы-то рифмы, какие милые: «Прах – в руках»! Какой, кстати, «прах» имел в виду этот осатаневший, похотливый козел с лауреатским значком, когда, надравшись вчера коньяка, пытался тискать ее в коридоре?..

Анастасия не заставила себя ждать. Впорхнув (если это позволительно сказать при ее формах) в квартиру, она выложила перед Маргаритой свежий выпуск «Нового времени»:

– Ну вот, наслаждайся!

Маргарите сразу «понравился» заголовок «О некоторых заблуждениях профессора Альберта Эйнштейна».

Анастасия не удержалась от комментариев:

– Живи он у нас, в Союзе, после такой статейки не миновать твоему «Алику» Сибири, как считаешь?

Маргарита читала: «Знаменитый физик Альберт Эйнштейн известен не только своими замечательными научными открытиями. В последние годы маститый ученый уделяет также много внимания общественно-политическим вопросам. Он выступает с обращениями по радио и в печати, возглавляет ряд общественных организаций. Он неоднократно поднимал голос против гитлеровских варваров, а в последнее время – против опасности новой войны, в защиту прочного мира, против стремления милитаристов полностью подчинить себе американскую науку… Однако в ряде последних выступлений Эйнштейна имеются стороны, которые представляются нам не только неправильными, но и опасными и вредными для того дела мира, за которое хочет бороться Эйнштейн. Мы считаем своим долгом открыто сказать об этом для того, чтобы внести полную ясность в важнейший вопрос о методах успешной борьбы за мир. Именно с этой точки зрения следует подойти к тому лозунгу «всемирного правительства», который в последнее время отстаивает профессор Эйнштейн…»

Слава Богу, хоть «товарищем» Эйнштейном» еще не назвали. А то бы уж точно – в Сибирь.

«В пестрой компании сторонников этого лозунга наряду с открытыми империалистами, пытающимися прикрыть им свои планы безудержной экспансии, имеется немало представителей интеллигенции капиталистических стран, увлеченных кажущейся простотой идеи и не отдающих себе отчета в ее реальных последствиях…

Сторонники «всемирного правительства» широко используют мнимо-радикальные фразы о том, что государственный суверенитет в атомный век якобы стал пережитком старины… Сторонники «мирового сверхгосударства» предлагают нам добровольно поступиться… независимостью во имя некоего «всемирного правительства», прикрывающего громко звучащей вывеской мирового господства капиталистических монополий.

…В своем открытом письме, адресованном в сентябре сего года делегациям государств – членов Организации Объединенных Наций, Эйнштейн выдвигает новый вариант ограничения национального суверенитета. Он предлагает реорганизовать Генеральную Ассамблею Организации Объединенных Наций, превратив ее в непрерывно работающий мировой парламенту обладающий более широкими полномочиями, чем Совет Безопасности, который, как заявляет Эйнштейн (повторяя в этом

вопросе то, что твердят каждый день оруженосцы американской дипломатии), якобы парализован в своих действиях применением права вето. Реорганизованная по плану Эйнштейна Генеральная Ассамблея должна иметь право принимать окончательные решения, отбросив принцип единогласия великих держав.

Эйнштейн предлагает, чтобы делегации в Организацию Объединенных Наций выбирались путем народного голосования, а не назначались правительствами отдельных государств…

Такова ирония судьбы, приведшая Эйнштейна к фактической поддержке планов и устремлений злейших врагов мира и международного сотрудничества. Эйнштейн зашел в этой поддержке так далеко, что он в своем послании заранее заявляет, что, мол, если Советский Союз откажется присоединиться к такой устроенной на новых принципах организации, то другие государства будут иметь полное право вступить на этот путь без Советского Союза, предоставив ему возможность в будущем присоединиться в качестве члена организации или же в качестве «наблюдателя».

Это предложение, в сущности, мало чем отличается от заявлений откровенных глашатаев американского империализма, как бы далеко ни отстоял от них в действительности профессор Эйнштейн…

Мы считаем, что Альберт Эйнштейн стал на ложный и опасный путь, погнавшись за миражом «всемирного государства» в мире, где существуют разные общественно-политические и экономические системы. Этот факт вовсе не мешает экономическому и политическому сотрудничеству между государствами различной социальной и экономической структуры при трезвом учете этих различий. Но Эйнштейн обратился к политическому прожектерству, которое играет на руку злейшим врагам международного сотрудничества и прочного мира. Путь, на который Эйнштейн призывает вступить делегации государств – членов Организации Объединенных Наций, ведет не к укреплению международной безопасности, а в тупик новых международных отношений Подобный путь выгоден лишь тем кругам, которым эти осложнения сулят новые военные заказы и новые прибыли.

Именно потому, что мы так высоко ценим Эйнштейна и как крупнейшего ученого, и как общественного деятеля, стремящегося посильными ему средствами вести борьбу за мир, мы считаем своим долгом сказать это с полной откровенностью, без всяких дипломатических прикрас.

Академик С.И. Вавилов,

академик А.Ф. Иоффе,

академик Н.И. Семенов,

академик А.Н. Фрумкин».

Маргарита Ивановна отложила журнал и взглянула на подругу:

– Что скажешь?

– А что я могу сказать? Тебе думать надо. И, прежде всего, прервать с ним всякую переписку.

– Может быть, может быть…

Принстон, ноябрь 1947

Элен принесла перевод статьи из московского журнала вместе с обычной утренней почтой. Эйнштейн читал открытое письмо советских коллег и улыбался. Далекий от подковерных игр, он интуитивно понимал технологию его написания. Конечно же, ни Вавилова, ни Иоффе, ни Семенова с Фрумкиным никто не стал утомлять подобным сочинительством. Просто пригласили в их, как там его, Главный Агитпроп и предложили подписать готовый текст. Хотите что-нибудь поправить? Да ради Бога. Нет? Тем лучше. Приглашали, естественно, по одному. Кто уже подписал? Иоффе, кажется, мог ответить чиновник. Или Фрумкин. Ну уж Вавилов, так это точно.

Через пару часов Эйнштейн позвал Дюкас и попросил отпечатать текст своего ответа.

«*Четверо моих русских коллег благожелательно атаковали меня в открытом письме… Я ценю усилие, которое они предприняли, и еще больше ценю тот факт, что они выразили свою точку зрения так честно и прямо. В человеческих делах действовать разумно можно, только пытаясь понять мысли, побуждения и опасения оппонента так полно, чтобы суметь увидеть мир его глазами. Всем людям доброй воли следовало бы делать максимум возможного для улучшения такого взаимного понимания…*

Главный объект вашей атаки – моя поддержка «мирового правительства»… Нам не следует делать ошибку, возлагая на капитализм вину за все существующее социальное и политическое зло и полагая, что само лишь установление социализма могло бы вылечить все социальные и политические болезни человечества. Опасность такого мнения состоит, прежде всего, в том, что оно порождает фанатическую нетерпимость «правоверных», превращая один из возможных социальных методов в подобие церкви, которая клеймит всех, кто к ней не принадлежит, как предателей или гнусных злоумышленников…

Любое правительство само по себе зло, поскольку несет в себе тенденцию сползания к тирании… Что удивило меня более всего в позиции, выраженной в вашем письме, так это следующее: вы – страстные противники анархии в экономической сфере – столь же страстно защищаете анархию, например, в неограниченном суверенитете, международной политики… Вы пытаетесь доказать, Генеральная Ассамблея Объединенных Наций – это просто кукольный театр, управляемый Соединенными Штатами,

и, следовательно, американскими капиталистами. Такие аргументы производят на меня впечатление некоторого рода мифологии, они не убеждают. Однако они делают очевидной отчужденность интеллектуалов наших двух стран, которая является результатом прискорбной и искусственной взаимной изоляции…

Неужели действительно неизбежно, что из-за наших страстей и унаследованных обычаев мы обречены уничтожить один другого, так что не останется ничего заслуживающего сохранения? Не значит ли это, что все разногласия и различия в мнениях, которые мы затронули в нашем странном обмене письмами, ничтожно малы по сравнению с опасностью, угрожающей всем нам? Не должны ли мы сделать все, что в наших силах, чтобы устранить опасность, угрожающую всем народам одинаково?

Если мы твердо придерживаемся концепции и практики неограниченного суверенитета наций, это означает только, что каждая страна оставляет за собой право добиваться своих целей военными средствами. При этих обстоятельствах каждая нация должна быть подготовлена к такой возможности, а значит, должна стараться изо всех сил превосходить любую другую. Это стремление будет все более подчинять себе всю нашу общественную жизнь и будет отравлять нашу молодежь задолго до того, как сама катастрофа обрушится на нас…

Только это я имею в виду; поддерживая идею «мирового правительства»… Я защищаю «мировое правительство», ибо убежден, что нет никакого другого пути к устранению самой страшной опасности из когда-либо угрожавших человеку. Цель – избежать всеобщего уничтожения – должна быть для нас важнее любой другой цели. Я уверен, что вы не сомневаетесь в том, что письмо написано со всей серьезностью и честностью, на которые я способен. Верю, вы примете его в таком же духе».

Не дождавшись публикации своего ответа уважаемым московским коллегам, Эйнштейн передал свое письмо в профильный американский журнал. Через год «Новое время» откликнулось анонимным комментарием, который сводился к одному: «Неумение разглядеть империалистическое существо лозунга «всемирного правительства», скрывающего стремление к ликвидации независимости отдельных народов и государств, приводит профессора Эйнштейна к поддержке этого лозунга и вместе с тем к защите американского империализма – внешней и внутренней».

Альберту Эйнштейну не впервой было переживать кризисные, конфликтные отношения с коллегами. Что с немецкими, что с

американскими, теперь вот с московскими… Ну да Бог с ними.

Тем более что нынче его куда больше заботила другая проблема, глобального масштаба – «Отношения с жителями небесных тел»

«Отношения с жителями небесных тел»

Именно так Эйнштейн вместе Робертом Оппенгеймером озаглавили свой совместный доклад правительству под грифом «Совершенно секретно».

Первые смутные догадки ученых о присутствии межзвездных кораблей в атмосфере Земли, в конце концов, признали военные как следствие экспериментов с ядерным и другим вооружением, агрессивными действиями в космическом пространстве. Мы должны быть готовы к любым контактам с представителями иных миров, даже к потенциальной колонизации нашей планеты, предупреждали ученые.

– В результате отношений с разумными существами, пусть даже не принадлежащими к человеческой расе, вполне могут возникнуть проблемы. – Оппенгеймер требовательно посмотрел на Эйнштейна. – И решение их я пока с трудом себе представляю.

– Первое, мой друг. В том, что эти существа разумные, сомнений как раз быть не может. Коль уж они способны создавать космические корабли, – у Эйнштейна было более радужное настроение, – стало быть, они в той или иной степени владеют культурой, имеют какую-то политическую организацию, с полным основанием претендуют на независимость и суверенитет, в конце концов.

– Отсюда вывод, – подхватил Оппенгеймер мысль профессора, – что следует уже сегодня всерьез задуматься о разработке международного космического права… Пусть это будет нашим первым тезисом.

– Бобби, я сейчас приглашу Элен, пусть она фиксирует основные идеи…

– Э нет, профессор, – улыбнулся Оппенгеймер. – За время работы над «Манхэттенским проектом» я уж столько натерпелся от требований соблюдения режима секретности, что, при всем уважении и доверии к мисс Дюкас, я бы предпочел делать записи сам.

– Согласен, вам лучше знать, – кивнул Эйнштейн. – Тем более тема-то взрывоопасная во всех смыслах. Итак, вернемся к нашим «братьям по разуму». Эти наши гомосапиенсы (или нет, назовемка мы их лучше «Внеземные Биологические Объекты» – EBEs, – согласны, коллега?) вполне могут претендовать на жизнь на других, необитаемых пока небесных телах Солнечной системы. Условия проживания на Луне или Марсе должны обеспечивать

стабильность существования с экономической точки зрения. Гипотетически другие планеты могут иметь различные формы жизни, не так ли? И на Луне, и на Марсе обнаружены запасы воды, которая под воздействием электротока или коротковолновой радиации Солнца может быть разделена на водород и кислород. Первый используется в качестве топлива, второй – для дыхания особей. Но если возникнет интерес к нашей планете Земля, возможно, жители иных небесных тел возжелают поселиться здесь…

– Слышал бы нас сейчас старина Герберт Уэллс, – усмехнулся Оппенгеймер.

– Сегодня нет закона, – продолжал Эйнштейн, – который бы разделял небесные тела на зоны или небесные страны. Как быть с моральной точки зрения? На мой взгляд, наиболее приемлемый вариант – принятие решения, которое бы предусматривало гарантии, что наша культура будет оставаться незыблемой. Вот почему я поддерживаю вашу мысль о разработке международного договора об интернационализации жителей небесных тел или международного космического права.

– Кому мы адресуем наш документ? Президенту? – Оппенгеймер отложил в сторону ручку.

– Конечно! Мы не можем давать в данном случае каких-либо рекомендаций, конкретных советов. Для этого мы не располагаем достаточным количеством фактов и первичных материалов. – Эйнштейн встал и подошел к окну. – Но мы обязаны предупредить президента Соединенных Штатов о возможном возникновении возможной (опять-таки!) проблемы. Согласны?..

Оппенгеймер поднял руки. Но Эйнштейн не увидел этого жеста. Он по-прежнему смотрел на свой сад. Потом повернулся к Роберту:

– Прекрасный вид из этого окна…

* * *

Отношение Белого дома к документу Эйнштейна – Оппенгеймера было неоднозначным. Во-первых, даже помеченная грифом «Совсекретно» записка ученых свидетельствовала о том, что абсолютно закрытая информация, полученная руководством США по иным каналам, все же просочилась и уже активно обсуждается, пусть даже узким кругом специалистов. Вашингтонские аналитики справедливо опасались, что дальнейшая утечка спровоцирует естественные паникерские настроения у людей, слухи о приближающемся конце света,

«нашествии марсиан» и т. д. Сплетни о пришельцах, посещении ими нашей планеты способны были привести к хаосу, даже пересмотру фундаментальных положений науки, религии.

Для консультаций, получения независимой экспертной оценки ситуации авторам записки был предоставлен солидный объем накопленных сведений по проблемам НЛО или ЕВЕ, оформлен допуск к секретным материалам, что одновременно лишило их возможности публично обсуждать «отношения с жителями небесных тел». Уфологическая тема была табуирована. Говорить правду и Эйнштейн, и его соавтор уже не имели права, а врать не хотели. Гриф секретности с их записки был снят лишь спустя полвека.

* * *

Нельзя не вспомнить и еще об одной аномальной загадке, к которой как будто бы имел непосредственное отношение Альберт Эйнштейн, а именно – «филадельфийский эксперимент».

В годы Второй мировой войны военное ведомство США было озабочено созданием морского корабля, который был бы невидим для радаров, и неуязвим для магнитных мин, то есть, по сути, являлся судном-невидимкой. Проведение расчетов эксперимента было поручено Эйнштейну, который с 31 мая 1943 года числился советником директивного бюро ВМФ Штатов.

Объектом для испытаний был выбран эсминец «Eldridge». Находящийся с октября 1943 года в доках порта Филадельфии боевой корабль напичкали сотнями тонн электронного оборудования, с помощью которого предполагалось сгенерировать огромные электромагнитные области, вызывающие при правильной конфигурации огибание световых и радиоволн вокруг эсминца.

И что произошло? «Элдридж», рассказывали очевидцы, окутался зеленоватым туманом, который потом растаял… вместе с эсминцем. Корабль не просто исчез с экранов радаров, а на глазах ошеломленных наблюдателей как будто провалился в иное измерение, ушел в «ворота» параллельного мира. Чтобы потом, через некоторое время, возникнуть (с обезумевшим экипажем на борту) уже на рейде порта Норфолк в Вирджинии, в полутысяче миль от Филадельфии.

Некоторые исследователи связывали фантастический «филадельфийский эксперимент» с чрезвычайно сложной научной теорией, над которой работал Эйнштейн, – Единой теорией поля. Смысл ее состоял в том, чтобы с помощью одного-единственного

уравнения объяснить математическим путем взаимодействие между тремя фундаментальными универсальными силами – электромагнетизмом, силой тяготения и ядерной энергией. Автор теории предполагал, что существует четвертая, «слабая» универсальная сила, связанная с силой тяготения так же, как электричество с магнетизмом… Но, как и прежде, Эйнштейн сетовал, что в недостаточной степени, увы, владеет математической базой.

Чуть позже руководство ВМФ США опубликовало опровержение всех слухов относительно «филадельфийского эксперимента». Но большинство исследователей назвали официальную версию фальшивкой. Судовые журналы «Элдриджа» таинственным образом исчезли. Возможно, Альберт Эйнштейн все-таки сумел проникнуть в великую тайну реального прорыва в иное измерение?..

Москва, Кремль, 1947

– Товарищ Сталин, Вышинский в приемной, – доложил Поскребышев.

– Пусть заходит.

Заместитель министра иностранных дел, за которым тянулся длиннющий шлейф самых громких дел 30-х годов, в кабинет Сталина не вошел, а каким-то непостижимым образом **просочился**, бочком-бочком, склонив голову, с заискивающей улыбочкой, топорщившей его рыжеватые усики. Всякий раз, глядя на Вышинского, Сталин испытывал смешанные чувства. С одной стороны, лакей, холуй, до сих пор страшившийся своего меньшевистского прошлого, с другой стороны, вышколенный исполнитель Его воли. Только Его.

– Садитесь, товарищ Вышинский. Прочтите вот это. – Сталин протянул ему два листа бумаги с подколотым конвертом.

На основной текст (на английском) Андрей Януарьевич лишь покосился, а перевод прочел на всякий случай дважды:

«*17 ноября 1947 г.*

Уважаемый господин Сталин!

Я обращаюсь к Вам как уже старый еврей с просьбой сделать все возможное для того, чтобы найти шведа Рауля Валленберга и отправить его обратно на его родину. Валленберг был в числе очень немногих, которые в тяжелые дни нацистских преследований добровольно и рискуя своей жизнью боролись за то, чтобы спасти моих несчастных еврейских соплеменников.

С глубоким уважением

Альберт Эйнштейн».

– Что скажешь, Андрей Януарьевич?

– Так ведь, товарищ Сталин, вы же знаете, – начал мямлить Вышинский. – Там…

– Я знаю. Но обращение этого «старого еврея» не должно остаться без ответа. Поручите нашему посольству связаться с Эйнштейном и сообщить ему, что нами были предприняты все исчерпывающие меры по розыску этого господина Валленберга, но, к сожалению, они не дали позитивного результата[4]… Больше ничего уточнять не нужно. Понятно?

– Так точно, товарищ Сталин, – склонил голову Вышинский.

А Сталин скривил губы:

– Вот же неугомонный старик. Сколько ему, кстати, лет?

– Так он ваш ровесник, товарищ Сталин, – сморозил совершеннейшую бестактную глупость Вышинский и мгновенно покрылся ледяным потом.

Но Сталин воспринял очевидную бестактность с невозмутимостью сфинкса:

– Можете идти, товарищ Вышинский.

Принстон, Нью-Йорк, 1949

Приглашая Эйнштейна к телефону, Элен напомнила: «Это мистер Пол Суизи, известный экономист. Вы встречались с ним в Нью-Йорке…» Да-да, вспомнил Эйнштейн, он действительно как-то слушал лекцию этого Суизи по теории монополистического капитализма. Потом они даже немного подискутировали в кулуарах.

Взяв трубку, он сразу узнал напористый голос Суизи. Тот сразу взял быка за рога:

– Мистер Эйнштейн, я знаю, что вы – сторонник социалистической идеи…

– Да, и я этого никогда и ни от кого не скрывал. Всегда говорил об этом публично.

– Вот и хорошо! Дело в том, что мы с товарищами затеяли выпуск нового журнала «Ежемесячное обозрение», и я хотел бы вам предложить выступить в первом же номере со статьей, эссе (жанр определите сами) с изложением своих взглядов. Наш журнал, как вы понимаете, будет придерживаться марксистского направления. Как вы относитесь к моему предложению?

– В общем-то, положительно. Одно препятствие – время. Вот тут я – на голодном пайке…

– Я знаю о вашей занятости, мэтр. Поэтому и звоню вам сейчас. «Обозрение» готовится к выходу не ранее мая следующего года. У вас в запасе несколько месяцев… Вас это устраивает?

– Конечно… Только учтите, я ведь не экономист и не специалист по социальным вопросам…

– Ничего страшного, людей будет интересовать ваше мнение, как выдающегося ученого, как мыслителя.

– Пока мы говорили, мистер Суизи, я уже даже название для эссе придумал – «Почему социализм?»

– Прекрасно!

…Лист бумаги, на котором были начертаны лишь два слова «Почему социализм?», как минимум, месяц лежал нетронутым на столе Эйнштейна. Все руки не доходили. Но затем, собравшись, он два вечера писал, не отрываясь.

«*…Несчетные голоса утверждают, что человеческое общество находится в состоянии кризиса и потеряло стабильность. Для такой ситуации характерно, что люди испытывают безразличие или даже враждебность по отношению к большим или малым группам, к которым они принадлежат. В качестве примера позвольте привести один случай из моего личного опыта. Недавно я*

обсуждал опасность новой войны, которая, на мой взгляд, была бы серьезной угрозой существованию человечества, с одним умным и благожелательным человеком. Я заметил, что только наднациональная организация могла бы стать защитой от такой опасности. На что мой собеседник спокойно и холодно сказал мне: «Почему вы так сильно настроены против исчезновения человеческой расы?»

Я уверен, что еще сто лет назад никто не мог бы так легко сделать заявление подобного рода. Его сделал человек, который безуспешно пытался обрести какой-то баланс внутри себя и потерял надежду на успех. Это выражение мучительного одиночества и изоляции, от которых в наши дни страдает множество людей. В чем причина этого? Есть ли выход?

Легко задать такие вопросы, но трудно ответить на них с какой-то определенностью. Тем не менее, я должен постараться ответить на них, насколько позволят мои силы, хотя и хорошо сознаю, что наши чувства и стремления часто противоречивы и неясны и что их нельзя объяснить легкими и простыми формулами.

Человек одновременно одинокое и социальное существо. Как существо одинокое он старается защитить свое существование и существование наиболее близких ему людей, удовлетворять свои желания и развить свои врожденные способности. Как социальное существо он ищет признания и любви других людей, хочет разделять их удовольствия, утешать их в горе, улучшать условия их жизни…

Для отдельного человека понятие «общество» означает сумму его прямых и косвенных отношений к своим современникам и ко всем людям прошлых поколений. Человек способен мыслить, чувствовать, желать и работать сам по себе. Но в своем физическом, умственном и эмоциональном существовании он настолько зависит от общества, что вне общества ни думать о человеке, ни понять его невозможно…»

Анализируя суть происходящего кризиса, Эйнштейн приходил к выводу, что при капитализме свою зависимость от общества человек «ощущает не как благо, не как органическую связь, не как защищающую его силу, а скорее как угрозу его естественным правам или даже его экономическому существованию… Действительным источником этого зла, по моему мнению, является экономическая анархия капиталистического общества. Мы видим перед собой огромное производительное сообщество, чьи члены все больше стремятся лишить друг друга плодов своего коллективного труда». Перечисляя пороки капитализма, Альберт Эйнштейн называет

самым большим злом «изувечивание личности».

Заканчивал свои размышления он так: «*Я убежден, что есть только один способ избавиться от этих ужасных зол, а именно – путем создания социалистической экономики с соответствующей ей системой образования, которая была бы направлена на достижение общественных целей. В такой экономике средства производства принадлежат всему обществу и используются по плану…*»

Хотя Эйнштейн исповедовал социалистические идеалы, он принципиально не доверял массовым движениям и был человеком, которого бы не пожелала бы иметь в своих рядах ни одна политическая организация.

Он не был слепцом и, обращаясь к своим коллегам в СССР, указывал на такие пороки советского строя, как засилье бюрократии, тенденцию превратить советскую власть в «своего рода церковь и клеймить как предателей и мерзких злодеев всех, кто к ней не принадлежит».

Так или иначе, этот своеобразный манифест Эйнштейна лег в его досье, где было собрано уже немало документов, свидетельствующих об «антиамериканской деятельности» ученого. А одна из правых газет лишний раз напомнила своим читателям, что этот «принц современной науки является активным участником многочисленных подставных организаций коммунистов».

При всей своей беспечности Эйнштейн ощущает постоянно внимание к своей персоне. Иностранным дипломатам жаловался, что его телефонные разговоры прослушиваются, а за его домом следят. Элен Дюкас рассказывала, что замечала каких-то странных людей, которые без стеснения рылись в баке, куда она выносила мусор за дома.

Принстон, Нью-Йорк, 1949-й и последующие годы

Эйнштейна все чаще посещает чувство одиночества и грусти. Словно подводя предварительные итоги, другу юности Соло он писал: «*Вам кажется, что я взираю на труд моей жизни со спокойным удовлетворением. Вблизи все это выглядит несколько иначе. Нет ни одного понятия, в устойчивости которого я был бы убежден. Я не уверен вообще, что нахожусь на правильном пути. Современники видят во мне еретика и одновременно реакционера, который, так сказать, пережил самого себя. Конечно, это мода и близорукость. Но неудовлетворенность поднимается и изнутри. Да иначе и не может быть, когда обладаешь критическим умом и честностью, а юмор и скромность создают равновесие вопреки внешним влияниям…*»

Постоянное побуждение к поиску, сопровождавшее ученого, обнаружению базовых условий и первичных принципов взаимоотношений во Вселенной на протяжении десятилетий не оставляли его. Теория единого поля была попыткой открыть общие законы, господствующие во Вселенной – от электронов до планет.

Он стремился вывести единую волшебную формулу, доказывающую, что все в нашем мире взаимосвязано и едино, то есть гармонию всего сущего: «*Каждый естествоиспытатель должен обладать своеобразным религиозным чувством, ибо он не может себе представить, что те взаимосвязи, которые он постигает, впервые придуманы именно им. Он ощущает себя ребенком, которым руководит кто-то из взрослых.*

Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее крупных тенденций в искусстве и науке. Тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне если не мертвецом, то во всяком случае слепым. Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, чья красота и совершенство доходят о нас лишь в виде косвенного, слабого отзвука…

Я смотрю на картину; но мое воображение не может воссоздать внешность ее творца. Я смотрю на часы, но не могу представить себе, как выглядит создавший их часовой мастер. Человеческий разум не способен воспринимать четыре измерения… Перед Богом мы все одинаково умны, точнее – одинаково глупы».

В день своего 70-летия Эйнштейн сделал себе подарок – вместе с Робертом Оппенгеймером отправился на прогулку под парусом. А возвращаясь, сказал коллеге: «Знаете, когда посчастливилось человеку сделать за день что-то разумное, потом жизнь кажется ему несколько странной».

Но все же поддался на уговоры друзей и наконец-то уселся за мемуары – «в назидание потомкам». Хотя, строго говоря, эти записки вовсе не походили на классическую автобиографию. Скорее, это была глубокая философская исповедь выдающегося человека, великого ученого и великого человека:

«*Там, вовне, был этот большой мир, существующий независимо от нас, людей, и стоящий перед нами как огромная вечная загадка, доступная, однако, по крайней мере, отчасти, нашему восприятию и нашему разуму. Изучение этого мира манило как освобождение, и я скоро убедился, что многие из тех, кого я научился ценить и уважать, нашли свою внутреннюю свободу и уверенность, отдавшись целиком этому занятию.*

Мысленный охват в рамках доступных нам возможностей этого внеличного мира представлялся мне, наполовину сознательно, наполовину бессознательно, как высшая цель… Предубеждение этих ученых против атомной теории можно, несомненно, отнести на счет их позитивистской философской установки. Это интересный пример того, как философские предубеждения мешают правильной интерпретации фактов даже ученым со смелым мышлением и с тонкой интуицией…»

Для него было два критерия истины в физике: теория должна иметь «внешнее оправдание» и «внутреннее совершенство». То есть теория должна согласовываться с опытом, раз, а второе – она должна из минимальных предпосылок раскрывать максимально глубокие закономерности универсальной и разумной гармонии законов природы.

Примерно за год до смерти он говорил о «космическом религиозном чувстве», о том, что хотел бы «ощутить Вселенную как единый космический организм». Но при этом он с удовольствием цитировал посвященное ему стихотворные куплеты физиков:

Был этот мир великой тьмой окутан.
– Да будет свет! – и вот явился Ньютон.
Но сатана недолго ждал реванша:
Пришел Эйнштейн, и стало все как раньше.

13 февраля 1950 года нобелевский лауреат выступил в авторской телепередаче Элеоноры Рузвельт, вдовы президента США, посвященной опасности гонки вооружений. Ведущая предложила своему гостю высказываться предельно откровенно. О чем другом, но вот об этом Альберта Эйнштейна просить не было нужды.

Он открыто предупреждал американцев: «*Мысль о тому что можно достичь безопасности посредством гонки вооружений, есть катастрофическое заблуждение. В Соединенных Штатах эту иллюзию стали внушать сразу же после того, как эта страна обзавелась атомной бомбой. Считалось, что таким способом можно запугать противника и обеспечить себе безопасность…*

Символ веры, который мы в этой стране исповедовали все эти пять лет, был таков: вооружаться во что бы то ни стало… Теперь народу заявляют, что создание водородной бомбы – это новая цель, которая, вероятно, будет осуществлена. Ускоренная разработка водородной бомбы была торжественно провозглашена президентом США… Если эта бомба будет создана, может возникнуть радиоактивное отравление атмосферы и – в перспективе – гибели всей жизни на Земле! Роковой исход, по-видимому, заключен в неумолимом характере самого явления. За каждым новым шагом неизбежно последует другой. А в конце все яснее предстает всеобщее уничтожение цивилизации.

То, что необходимо в первую очередь, это взаимное доверие и сотрудничество».

Куда там было советскому наркому Вячеславу Молотову с его робкими попытками обвинить акул американского империализма в нагнетании международной напряженности! Эйнштейн называл вещи своими именами, обвиняя правительство США намного жестче, конкретнее: «*Создавали военные базы во всех пунктах Земли, которые могут приобрести стратегическое значение. Вооружали и усиливали потенциальных союзников. Внутри страны сосредоточилась невероятная финансовая сила, молодежь была милитаризована, производилась тщательная слежка за лояльностью граждан, особенно государственных служащих, с помощью все более внушительного полицейского аппарата. Людей с независимой политической мыслью всячески запугивали. Радио, пресса и школа обрабатывали общественное мнение*».

Разумеется, после такого демарша градус недоверия к Эйнштейну в Штатах стократно повысился. Американцы, к счастью, все же не опустились до уровня германских нацистов, которые требовали «Убить Эйнштейна!». Но, тем не менее, уже на

следующее утро после выступления ученого по телевидению один из лидеров «бешеных», сенатор Джон Рэнкин с парламентской трибуны с восторгом возопил: «Вот видите! А я вас предупреждал! Вот вам доказательства, что этот старый шарлатан, именующий себя ученым, некий Эйнштейн, является откровенным сторонником коммунистического фронта!»

Директор ФБР Гувер потребовал провести полное расследование деятельности ученого и затребовал всю порочащую его информацию с целью подготовки специального доклада о лишении Альберта Эйнштейна гражданства США. Правда, иммиграционный департамент это требование отклонил. Но проверки на лояльность продолжались. Личное дело неблагонадежного Эйнштейна насчитывало 1427 страниц. В вину ему вменялось то, что «проповедует доктрину, направленную на установление анархии».

В техасском городке Сан-Антонио организация «Бдительные женщины» потребовала изъять из местной библиотеки и сжечь «600 коммунистических книг». И какие же книги попали в этот список? «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера, «Волшебная гора» Томаса Манна, «Теория относительности» Альберта Эйнштейна… Ну что ж, все знакомо, повторение пройденного. Американцы быстро учатся, черт их побери! И нашли ведь у кого…

Молчать? Подставлять другую щеку? Ну уж нет!

«*Проблема, представшая перед интеллигенцией этой страны, весьма серьезна. Реакционные политики посеяли подозрения по отношению к интеллектуальной активности, запугав публику внешней опасностью. Преуспев в этом, они подавляют свободу преподавания, увольняют непокорных, обрекая их на голод. Что должна делать интеллигенция, столкнувшись с этим злом? По правде, я вижу только один путь – революционный путь неповиновения в духе Ганди. Каждый интеллигент, вызванный в одну из комиссий, должен отказаться от показаний и быть готовым к тюрьме и нищете. Короче, он должен жертвовать своим благополучием в интересах страны. Он должен быть основан на убеждении, что для гражданина позорно подчиниться подобной инквизиции, оскверняющей дух конституции. Если достаточное число людей вступит на этот тяжкий путь, он приведет к успеху. Если нет – тогда интеллигенция этой страны не заслуживает ничего лучшего, чем рабства*».

В идею «мирового правительства» Эйнштейн продолжал свято верить: «*Человечество может спасти только создание основанной на законе наднациональной системы, которая исключила бы*

применение грубой силы… Внутренне свободного и порядочного человека можно уничтожить физически, однако его нельзя превратить в слепое орудие или поработить… Я убежден, что задача установления мира во всем мире на наднациональной основе будет решена, если применить в более широких масштабах методы Ганди…»

Встав на защиту супругов Розенбергов, осужденных к смертной казни за атомный шпионаж, Эйнштейн дал телеграмму президенту США: «Совесть моя заставляет меня просить Вас отменить смертный приговор». Конечно, он не рассчитывал, что Белый дом к нему прислушается. Но, сильный духом, Эйнштейн еще хранил надежду. Хотя разумом, вероятно, понимал, что надеяться не на что…

Провозглашенная Маккарти «охота на ведьм» радовала Эйнштейна: он вновь очутился в такой славной компании, ведь среди «мишеней» были композитор Леонард Бернстайн, кинорежиссер Стэнли Крамер, драматург Артур Миллер, певец Пит Сигер, Чарли Чаплин, Орсон Уэллс… Чего же еще желать?

* * *

В 1952 году премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, опечаленный смертью первого президента молодого еврейского государства Хаима Вейцмана, предложил Эйнштейну занять этот пост. Однако великий физик с максимальной дипломатичностью от столь лестного предложения отказался, ссылаясь на свою отстраненность от практической жизни, непрактичность, состояние здоровья и общую рассеянность. Хотя свой отказ сам считал почти предательством. (Правда, поговаривали, что в частной беседе Бен-Гурион задавал себе самому и своим доверенным собеседникам вопрос: «А что бы мы делали, если бы Он согласился?..»)

Так или иначе, портрет Альберта Эйнштейна как выдающегося еврея украсил одну из денежных банкнот Израиля. Буквально за несколько дней перед своей кончиной он готовил речь в честь 7-летия еврейского государства:

«Ни один политический деятель, имеющий возможность принимать решения, не осмеливается пойти по единственно верному пути к прочному миру – обеспечению наднациональной безопасности, так как это означало бы его верную политическую смерть. Что же касается бушующих повсюду политических

страстей, то они требуют жертв».

Такими словами он собирался завершить свое выступление перед зрителями ведущих телекомпаний.

К концу жизни Эйнштейн изменил свои взгляды на религию и богоизбранность евреев. В письме философу Эрику Гуткинду он неспроста написал: «*Для меня иудаизм, как все другие религии-, является воплощением самых детских предрассудков… А еврейский народ, к которому я счастлив принадлежать и с менталитетом которого я ощущаю глубокое родство, не обладает для меня качествами, отличающими его от всех прочих народов… Насколько я могу судить по своему опыту; они ничем не лучше любой другой группы людей, хотя от самых худших язв общества их хранит недостаток у них власти. В остальном я не вижу в них ничего «избранного»*…»

К рано или поздно, но неминуемой кончине Эйнштейн шел по дороге, протоптанной Спинозой: «Свободный человек меньше всего думает о смерти, его мудрость в исследовании не смерти, а жизни».

Конечно, жизнь! «Это возбуждающее и великолепное зрелище, – говорил человек, открывший ОТО. – Она мне нравится. Но если бы я узнал, что через три часа должен умереть, это не произвело бы на меня большого впечатления. Я подумал бы о том, как лучше всего использовать оставшиеся три часа. Потому бы я сложил свои бумаги и спокойно лег, чтобы умереть. Я теперь смотрю на смерть, как на старый долг, который нужно наконец заплатить».

Ему хотелось возразить Францу Кафке, с которым они встречались когда-то в Праге. Чешский писатель (а тогда просто мелкий чиновник) тогда сказал: «Для здорового человека жизнь, собственно говоря, лишь неосознанное бегство, в котором он сам себе не признается, – бегство от мысли, что рано или поздно придется умирать».

– У меня так развито чувство солидарности со всеми людьми, что мне безразличны границы существования конкретного индивида, – говорил Эйнштейн. – Я так слился со всем живым, что мне безразлично, где в этом бесконечном потоке начинается или кончается чье-либо конкретное существование… Я ведь только крошечная частица природы…

По его глубокому убеждению, все – что начало, что и конец – определяется силами, которые мы контролировать не можем. Все предопределено. Как для насекомого, так и для звезды. Люди, овощи или космическая пыль, все мы исполняем танец под

непостижимую мелодию, которую издалека наигрывает невидимый музыкант.

Свою любимую скрипку Альберт Эйнштейн завещал внуку Бернарду Цезарю..

Что же касается идеи Кафки и всего его творчества… Когда-то Томас Манн, желая приобщить ученого к шедеврам мировой литературы, вручил ему книгу покойного писателя, превращаемого в классика. Возвращая ее, Эйнштейн грустно сказал: «Я не смог прочитать ее, ум человека недостаточно к этому готов».

Принстон, апрель 1955

На склоне лет Альберт Эйнштейн оценивал свои жизненные достижения с тем самым «спокойным удовлетворением». Он знал, что удалось вышибить из-под человека твердь мироздания и заставить его ощутить себя в беспредельном, искривленном конгломерате сил, пространств, времен, движений. Десятки лет ученый бился, чтобы связать геометрию, оптику, механику, тяготение, электромагнитные силы, атомную физику, – создать единую теорию поля, чтобы отыскать золотой ключик, который отпирал бы замки всех тайников природы. Но фатально не успевал.

Из его мира уходили близкие, верные друзья. Когда весной 1955-го скончался Мишель Бессо, Эйнштейн утешал его родных и самого себя: «*Он ушел из этого странного мира чуть раньше меня. Это ничего не значит. Для нас, верующих физиков, разницы между прошлым, настоящим и будущим – только иллюзия, за которую мы упрямо держимся*».

В начале апреля 1955 года он получил письмо от славного доброго Бертрана Рассела, философа, математика, писателя, общественного деятеля. Молодец старина, по-прежнему бодр, как всегда, полон энтузиазма. Рассел напоминал Эйнштейну об их прежней идее, которую они обсуждали еще в Принстоне, на Саранак-Лейк. А именно – объединения усилий ученых в борьбе против ядерного оружия. Но для этого сначала нужно выступить с манифестом известных всему миру людей, представителей человеческого рода, которому грозит уничтожение. Рассел брался составить текст такого обращения и спрашивал совета, кого бы, по его мнению, привлечь к этому движению.

Эйнштейн еще раз перечитал письмо. Конечно, идея здравая. Рассел прав: все мы пристрастны в своих чувствах. Однако, как люди, мы должны помнить о том, что разногласия между Востоком и Западом должны решаться только таким образом, чтобы принести возможное удовлетворение всем: коммунистам и антикоммунистам, азиатам, европейцам или американцам, белым и черным. Эти разногласия не должны решаться силой оружия. Это должны понять как на Западе, так и на Востоке. Мы должны научиться мыслить по-новому, спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим. А задавать себе вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников?

Сейчас же нужно ответить Бертрану. Эйнштейн неловко повернулся в кресле, и едва не застонал от боли. Что за черт, отчего же такая тяжесть в животе?.. Когда боль чуть стихла, забившись куда-то в глубину, Эйнштейн позвал Элен и попросил принести кофе. А сам принялся сочинять ответ, полный безоговорочной поддержки плана Рассела. Но заметил при этом, что сам он, к большому сожалению, не сможет в данный момент оказать какую-либо реальную помощь, поскольку хворает, но подпись свою с удовольствием поставит. Подумав, он написал несколько имен ученых, но, вспомнив грех одного из них, вычеркнул. Потом отдал письмо секретарю и велел поскорее отправить. Элен, заметив, что лицо патрона внезапно исказила гримаса боли, встревожилась: «Все ли в порядке?». Через силу он ответил ей в своей обычной манере: «Все в порядке. Я – нет».

* * *

…16 апреля после обеда Эйнштейн, как обычно, отдыхал у себя в комнате. Верная Элен, находившаяся в соседнем кабинете, внезапно услышала шум падающего тела. Она вбежала и обнаружила Эйнштейна, лежащим на полу ванной комнаты.

Прибывшие врачи не смогли уговорить Эйнштейна отправиться в больницу. Морфий снял боли, и он уснул. Дюкас пристроилась на диванчике в кабинете хозяина, который располагался дверь в дверь со спальней, и всю ночь подавала больному кубики льда и минеральную воду, чтобы не допустить обезвоживания организма.

На следующий день врачи продолжали настаивать на немедленной госпитализации. Эйнштейн по-прежнему сопротивлялся. Решающим аргументом доктора Дина стал упрек:

– Если вы откажетесь, вы станете тяжким бременем для мисс Дюкас. Не жалеете себя, пожалейте хотя ее.

В городской больнице, куда доставили больного, диагностировали разрыв аневризмы брюшной аорты. Больному делали внутривенные уколы, пичкали обезболивающими таблетками. От операции Эйнштейн отказался наотрез: «Я могу умереть и без помощи врачей… Уйду, когда сам того захочу. Искусственное продление жизни – бездарно. Я сделал свое, пора уходить. Я хочу уйти красиво». Потом попросил телефон. Первый звонок он сделал Дюкас, поручив ей срочно привезти первый черновой вариант своего будущего телевизионного выступления, а также еженедельник и свои последние заметки по единой теории поля.

Эйнштейн возился со своими уравнениями, чувствуя: до победы осталось чуть-чуть… Но мечта о том, чтобы все сущее описать одним уравнением единого поля, преследовавшая его всю жизнь, так и оставалась мечтой.

За два дня до кончины Альберт Эйнштейн написал прощальное письмо королеве Бельгии Элизабет: «*Странное дело – старость: постепенно теряется внутреннее ощущение времени и места, чувствуешь себя принадлежащим бесконечности, более или менее одиноким сторонним наблюдателем, не испытывающим ни надежды, ни страха*».

Навестив отчима в больнице, Марго оказалась последней из родственников видевшая его живым: «Вначале я его не узнала – так сильно его изменили страдания. Сильно обескровленное лицо. Но существо его оставалось тем же. Он обрадовался, что я выгляжу немного лучше, шутил со мной и полностью царил своим духом над немощью тела. Он говорил с глубоким спокойствием, о врачах даже с легким юмором, и дожидался своей кончины, как предстоящего «явления природы». Насколько бесстрашным он был при жизни, насколько тихим и умиротворенным он был перед лицом смерти. Без всякой сентиментальности и без сожалений он покинул этот мир».

В четверть второго ночи 18 апреля дежурная медсестра Альберта Росел заметила на мониторе, что у Эйнштейна возникли трудности с дыханием. Пошла проверить, подняла неподвижному больному голову. Он по-прежнему очень тяжело дышал. Испугавшись, сестра кинулась к двери, чтобы позвать врача, но не успела. В своем бредовом медикаментозном сне Эйнштейн пробормотал несколько слов по-немецки, которые медсестра не разобрала, сделал два глубоких вдоха – и скончался…

Подводя жизненные итоги, он был строг к себе, говоря, что ни в чем не удался. Не состоялся как муж, ни одну женщину не сделал счастливой, не состоялся как отец и не состоялся, в общем, как ученый. И без его открытий человечеству будет легче жить.

В то воскресенье на столике у его больничной койки лежала неоконченная рукопись. В ней были новые уравнения, приводящие к единой теории поля. Рядом были наброски: «*Все, к чему я стремился, – это своими слабыми силами служить правде и справедливости, даже рискуя при этом никому не понравиться*».

Он надеялся, что завтра боли хоть немного стихнут, и он сможет еще поработать.

Эйнштейн не хотел, чтобы поклонялись его костям, поэтому оставил указание о кремации. Прах был развеян над рекой Делавэр. Не зря он повторял, что, в конце концов, умереть тоже

неплохо.

Но с его смертью мироздание утратило в весе, потеряв гигантскую часть своей субстанции.

Нильс Бор, вечный оппонент Эйнштейна, провожая гения в последний путь, писал: «Со смертью Эйнштейна оборвалась жизнь человека, посвятившего служению науке и человечеству. Жизнь, равной которой по духовному богатству и плодотворности нельзя найти во всей истории нашей культуры. Человечество всегда будет в вечном долгу перед Эйнштейном за устранение ограничений нашего мировоззрения, которые были связаны с примитивными представлениями об абсолютном пространстве и времени. Он дал нам картину мира, характеризующуюся единством и гармонией, превосходящую самые смелые мечты предшествующих лет. Гению Эйнштейна, который в равной степени характеризовали высокая логическая стройность и творческое воображение, удалось полностью перестроить и расширить внушительное здание, фундамент которого был заложен великими работами Ньютона».

* * *

Буквально перед посадкой в самолет Рим – Париж Бертрану Расселу сообщили о смерти Альберта Эйнштейна. «Я чувствовал себя разбитым, – вспоминал ученый, – не только по понятным всем причинам, но еще и потому, что понимал: без его поддержки мой план обречен на провал… Но по приезде в Париж я получил его письмо с согласием поставить свою подпись. Это было одним из последних деяний его общественной жизни».

Одно из последних… Даже мертвый Эйнштейн еще служил человечеству и науке. Позже Рассел скажет: «Я думаю, его работа и его скрипка давали ему значительную меру счастья, но глубокое сочувствие к людям и интерес к их судьбе предохранили Эйнштейна от неподобающей такому человеку меры безнадежности… Общение с Эйнштейном доставляло необычайное удовлетворение. Несмотря на гениальность и славу, он держал себя абсолютно просто, без малейших претензий на превосходство… Он был не только великим ученым, но и великим человеком».

9 июля 1955 года в прессе было опубликовано обращение одиннадцати ученых, которое вошло в историю как «Манифест Рассела-Эйнштейна». Его подписали Макс Борн, Фредерик Жолио-Кюри, Перси Бриджмен и другие. Своим гражданским долгом они

считали напомнить и предостеречь землян: «Перед нами лежит путь непрерывного прогресса, счастья, знания и мудрости. Изберем ли мы вместо этого смерть только потому, что не можем забыть наших ссор? Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всем остальном. Если вы сможете сделать это, то перед вами открыт путь в новый рай; если вы это не сделаете, то перед вами опасность всеобщей гибели».

* * *

Но вот ведь странность. Его, гения, вечно устремленного к единству и гармонии, после смерти попытались разъять на составляющие.

Патологоанатом Томас Харви с согласия родственников сохранил мозг Эйнштейна в формалине, а офтальмолог Генри Абрамс не удержался от искушения законсервировать глаза ученого. Позже часть срезов мозга была передана специалистам. Нет, никаких сенсаций не последовало. Дотошные исследователи выяснили, что мозг Эйнштейна находился в пределах обычной нормы. Однако латеральная извилина, отделяющая теменную область от остального мозга, отсутствовала. Возможно, именно поэтому теменная доля мозга оказалась шире, чем у обычных людей. В медицине принято считать, что именно она отвечает за пространственные ощущения и аналитическое мышление. Ведь сам Альберт Эйнштейн не раз говорил, что мыслит скорее образами, нежели понятиями…

Так мозгу ученого, считавшего границу между прошлым, настоящим и будущим «упрямой иллюзией», не позволили раствориться в реке времени.

* * *

Маргарита Ивановна Коненкова пережила всех – и своего мужа, и Эйнштейна. Окончательно стала затворницей. С годами от ее аристократического лоска мало что осталось. Бывшая красавица безумно располнела, погрузившись в безысходную депрессию, неделями не поднимаясь с постели в своей комнате на втором этаже дома-музея Коненкова. Выбраться на Тверскую – тьфу, на Горького! – стало неразрешимой проблемой. Ноги не несли. Домработница упивалась унизительным положением барыньки, открыто издевалась над ней.

Лишь резная шкатулка Маргариты с письмами и документами для плебейки-домработницы не представляла никакого интереса. Среди прочих бумаг там хранился пожелтевший от времени листок, испещренный элегантными готическими строками. Это было стихотворение, посвященное Мар, не великого физика, не лауреата Нобелевской премии, не самого знаменитого еврея в мире Альберта Эйнштейна, а ее любимого седовласого, лохматого мужчины, первой половинки от их общего «Альмара».

Две недели томил тебя,
И ты написала, что недовольна мной.
Но пойми – меня также мучили другие
Бесконечными рассказами о себе.
Тебе не вырваться из семейного круга.
Это наше общее несчастье.
Сквозь небо неотвратимо
И правдиво проглядывает наше будущее.

Голова гудит, как улей,
Обессилели сердце и руки…
Приезжай ко мне в Принстон.
Тебя ожидают покой и отдых.

Мы будем читать Толстого,
А когда тебе надоест, ты поднимешь
На меня глаза, полные нежности,
И я увижу в них отблеск Бога.

Ты говоришь, что любишь меня,
Но это не так.
Я зову на помощь Амура,
Чтобы уговорил тебя быть ко мне милосердной.

А.Э.

Рождество. 1943 г.

Маргарита Ивановна Воронцова-Коненкова умерла от истощения в 1980-м. Дюжие, страдающие от жестокого похмелья санитары в замызганных халатах, вынося мертвое тело из квартиры-музея, так пялились на бронзовую фигуру обнаженной красавицы при входе (скульптура Маргариты), что едва не уронили носилки. Они, разумеется, не догадывались, что увозят в

морг тело женщины, которой на роду было суждено стать последней любовью великого физика Альберта Эйнштейна.

* * *

Маленькая девочка из штата Аризона написала Альберту Эйнштейну: «Я Вам пишу, чтобы узнать, существуете ли Вы в действительности..» А он не понимал, что люди просто боятся гениев. И обреченно знал, как «странно быть известным во всем мире и все же быть таким одиноким».

Хотя, в конечном счете, в мире все относительно. Кроме любви.

* * *

Фото Эйнштейна на фоне зловещего ядерного «гриба» было традиционным атрибутом плакатов, посвященных атомной угрозе. Гениальный провидец еще в 1927 году предполагал нечто подобное: «*Интеллектуальные средства, без которых было бы невозможно развитие современной техники, возникли в основном из наблюдения звезд. За злоупотребление этой техникой в наше время творческие умы, подобные Ньютону, так же мало ответственны, как сами звезды, созерцание которых окрыляло их мысли*».

$$E = mc^2$$

Литература

Ч. Чаплин – Моя биография – М.: «Искусство» – 1966.

А. Эйнштейн – Собрание научных трудов – М.: «Наука» – 1967.

Б. Кузнецов – Эйнштейн. Жизнь, смерть, бессмертие – М.: «Наука» – 1980.

Ч.П. Сноу – Портреты и размышления – М.: «Прогресс» – 1985.

А. Пайс – Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна – М.: «Наука» – 1989.

В. Френкель, Б.Явелов – Эйнштейн: изобретения и эксперимент – М.: «Наука» – 1990.

Э. Дюкас, Б. Хофман – Альберт Эйнштейн как человек – «Вопросы философии» – № 1 – 1991.

Письма А.Эйнштейна Сталину и советским дипломатам – «Звезда» – № 1 – 1994.

«Радоваться радостям ближнего и страдать от его страданий…». Переписка В. Булгакова с А.Эйнштейном – «Звезда» – № 1 – 1994.

П. Судоплатов – Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 – М.: «Олма-Пресс» – 1997.

П. Картер, Р. Халфилд – Эйнштейн. Частная жизнь – М.: «Захаров» – 1998.

Р. и Ж. Медведевы – Сталин и атомная бомба – «Российская газета» – 21–22 декабря 1999.

А.Орлов – Тайная битва сверхдержав – М.: «Вече» – 2000.

Д. Брайен – Альберт Эйнштейн – Минск – ООО «Попурри» – 2000.

Н. Сац – Новеллы моей жизни – М.: «Эксмо-Пресс» – 2002.

Н. Туманян – Соломон Михоэлс. Провокация века – «Искусство кино» – № 10 – 2002.

М. Армалинский – Чтоб знали! – М.: «Ладомир» – 2002.

А. Довнар-Запольский, Р. Мурашкина – Альберт Эйнштейн мог стать профессором БГУ? – «Комсомольская правда» – 29 октября 2004.

М. Рюрикова – О.Трифонова: «Теория относительности в личной жизни» – «Огонек» – № 52 – 2004.

В. Бояринцев – Эйнштейн – главный миф XX века – М.: «Яуза» – 2005.

В. Абрамов – Евреи и КГБ. Палачи и жертвы – М.: «Яуза-Эксмо» – 2005.

А. Смирнов – Эйнштейн и его женщины – «Зеркало недели» (Киев) – № 51–30 декабря – 13 января – 2006.

В. Аменицкий – Четвертое измерение Альберта Эйнштейна – «Независимая газета» – 10 апреля – 2006.

Р. Колчанов – Физик и лирика – «Труд» – 15 июля 2006.

Е. Громова, Н.Попова – Альберт Эйнштейн – Большой Змей (искуситель) – «Известия» – 21 июля – 2006.

Ю. Смирнов – А.Эйнштейн обращается к советским ученым – «Вопросы истории естествознания и техники» – № 4 – 2007.

М. Штейнберг – Последняя любовь Эйнштейна – «Чайка» (Бостон, США) – 15 апреля – 2007.

Е. Прудникова – Берия. Последний рыцарь Сталина – М.: «ОЛМА Медиа Групп» – 2007.

А. Саенко – Человек, который был Богом – Минск – «Современный литератор» – 2008.

В. Есаков – Об обращении А.Эйнштейна к советским ученым – «Вопросы истории естествознания и техники» – № 3 – 2008.

С. Боброва, О.Одноколенко – Влюбленный Эйнштейн – «Итоги» – 7 февраля – 2008.

К. Ларина, К. Басилашвили – Скульптор Сергей Коненков. Портрет жены Маргариты – «Эхо Москвы» – 1 июня – 2008.

Е. Беркович – Прецедент. Альберт Эйнштейн и Томас Манн в начале диктатуры – «Нева» – № 5 – 2009.

Е. Дамаскин – Богини разведки и шпионажа – М.: «Вече» – 2009.

В. Адамянц – Забытый гений – «Заря» (Минск) – 11 июня – 2009.

Эйнштейн о религии – М.: «Альпина нон-фикшн» – 2010.

М. Каландарова – Путешествие в обитель покоя – «Азия и Африка сегодня» № 1 – 2011.

В. Барышников, А. Вагнер – Пражский профессор Эйнштейн – «Радио Свобода» – 28 апреля – 2011.

В. Лаговский – В графе «национальность» Альберт Эйнштейн написал «швейцарец» – «Комсомольская правда» – 11 мая – 2011.

А. Сексик – Эйнштейн – М.: «Молодая гвардия» – «Палимсест» – 2012.

Л. Селицкая, В. Селеменев – Таинственная история доктора Громмера – «Историческая правда» (Минск) – 12 апреля – 2013.

В. Воскобойников – Река времени: июль – «Партнер» – № 7 – 2013.

Е. Беркович – Антиподы. Альберт Эйнштейн и Филипп Ленард в контексте физики и истории – «Семь искусств» – №№ 7–8 – 2014.

Д. Мартинович – Ученик Эйнштейна работал в БГУ – «Минск» – 5 декабря 2014.

У. Айзексон – Эйнштейн. Его жизнь и Его Вселенная – М.:

«АСТ» – 2015.

Ю. Халиуллин – Одинокий гений – это не про Эйнштейна – «Независимая газета» – 25 ноября – 2015.

В. Дымарский, В.Рыжков – Эйнштейн: роман с НКВД – «Эхо Москвы» – 31 декабря – 2015.

О. Одноколенко – Тений и Маргарита – «Дилетант» – № 1 – 2016.

notes

Примечания

1

«Ein Stein» – в пер. с немецкого: «один камень».

2

Tinef – в пер. с идиш – «бесполезный», «мусор», «дешевка».

3

Crazy – англ. – «сумасшедший».

4

4 ноября 1947 г. Р. Валленберга уже не было в живых.